ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 2 (113)

Социально-экономические и общественные науки

2019

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь (свидетельство о регистрации № 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий Республики Беларусь, в которых публикуются результаты диссертационных исследований (приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010, № 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU и банк данных Национального центра правовой информации Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат.наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Рогань (Украина), д-р юрид. наук, проф.
Н.В. Сильченко, д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus (registration certificate number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences (Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU and Database of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rogan (Ukraine), Sc. D., Professor
N.V. Silchenko, Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2019
© Educational Establishment «Francisk Scorina Gomel State University», 2019

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2019, № 2 (113) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: ПЕДАГОГИКА•ПРАВО•ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Бартош Д.К. *Использование образовательных ресурсов социальных сетей при организации иноязычного общения школьников* 5
Ероминек К.Р. *Инженерно-психологические и педагогические методы и средства обеспечения информационной безопасности организации закрытой структуры* 10
Ковалевич М.С., Леонюк Н.А. *Субъектная активность будущих специалистов по социальной работе как условие их успешной профессионализации* 16
Станибула С.А. *Виктимное поведение детей-сирот и его профилактика* 23

Право

Афонченко Т.П. *К вопросу об уголовно-правовой медиации и ее ресоциализационном потенциале* 27
Гончаров В.В. *Условия ограничения права граждан на осуществление общественного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты)* 33
Ковалёва Е.А., Эсмантович И.И. *Рабочее время профессорско-преподавательского состава* 40
Колодинская И.В. *История становления и развития отношений о совмещении работы с получением образования в Беларуси в дореволюционный период* 47
Краснобаева Л.А. *Образовательные реформы в Республике Беларусь: правовые аспекты* 53
Лисовская Т.В., Краснобаева Л.А. *Дискурс-анализ в юридических исследованиях* 57
Набатова А.Э., Пасовец Е.Ю. *Научные криминалистические исследования в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы* 62
Немкевич И.В. *Закрепление принципа гендерного равенства в советских конституциях* 68
Усова Е.И. *Лица с инвалидностью как субъекты уголовной ответственности* 74
Хряпинский П.В. *Поощрительные нормы как институт уголовного права Украины* ... 80
Шляхтова О.Г., Емельянов С.Л. *Некоторые вопросы квалификации умышленного причинения тяжких телесных повреждений по признаку прерывания беременности* ... 87

Экономика

Баранов А.М. *Информация как основа воспроизводства инноваций* 92
Башлакова О.С., Марченко Л.Н. *Финансовые рынки и инфляция в развитых странах: исследование взаимосвязи (на материалах США)* 98

Казущик А.А., Башлак М.А. *Проблемные аспекты согласования рынка труда и рынка образовательных услуг* 105
Каморников С.Ф., Шалупаева Н.С. *Экспериментальное моделирование зависимости экспорта товаров Республики Беларусь от привлеченных прямых иностранных инвестиций* 111
Костенко А.К., Бураковский В.В. *Обоснование предельного уровня базового страхового тарифа по договорам страхования депозитов юридических лиц в банках* 117
Лин С.Д. *Направления государственного регулирования демографических процессов в Республике Беларусь* 124
Панова Т.И., Ли Мин. *Генезис и развитие бухгалтерской отчетности в Китае* 131
Савенко Т.В. *Международный рынок образовательных услуг: проблемы и перспективы интеграции Республики Беларусь* 136
Садовская А.Г. *Преимущества и риски краудфандинга и P2P-кредитования стартап-проектов* 140
Селицкий В.С. *Дисфункции управления* 144

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2019, № 2 (113) •
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW •ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

D.K. Bartosh. *The use of educational resources of social networks in the organization of foreign language communication of schoolchildren* 5
K.R. Jerominek. *Engineering-psychological and pedagogical methods and means of ensuring the information security of the organization of a closed structure* 10
M.S. Kovalevich, N.A. Leonyuk. *Subject activity of future social work professionals as a condition for their successful professionalization* 16
S.A. Stanibula. *Victim behavior of orphans and its prevention* 23

LAW

T.P. Afonchenko. *On the issue of criminal-legal mediation and its resocialization potential* ... 27
V.V. Goncharov. *Conditions for limiting the right of citizens to exercise public control in the Russian Federation (constitutional and legal aspects)* 33
E.A. Kavaliova, I.I. Esmantovich. *Working hours of a* teaching staff 40
I.V. Kolodinskaya. *The history of the formation and development of relations on combining work with education in Belarus in the pre-revolutionary period* 47
L.A. Krasnabayeva. *Education reforms in the Republic of Belarus: legal aspects* 53
T.V. Lisovskaya, L.A. Krasnabayeva. *Discourse analysis in legal research* 57
A.E. Nabatova, E.Yu. Pasovets. *Scientific forensic research in the Republic of Belarus: current status and prospects* 62
I.V. Niamkevich. *Consolidation of the principle of gender equality in the Soviet constitutions* 68
E.I. Usova. *Persons with disabilities as subjects of criminal responsibility* 74
P.V. Khryapinskiy. *Encouraging norms as an institution of criminal law of Ukraine* 80
O.G. Shlyakhtova, S.L. Yemelyanov. *Some issues of qualifying the intentional infliction of grievous bodily harm on the basis of termination of pregnancy* 87

ECONOMICS

A.M. Baranov. *Information as the basis for the reproduction of innovation* 92
O.S. Bashlakova, L.N. Marchenko. *Financial markets and inflation in developed countries: a study of the relationship (based on US materials)* 98
A.A. Kazushchik, M.A. Bashlak. *Problem aspects of the coordination of the labor market and the educational market* 105
S.F. Kamornikov, N.S. Shalupayeva. *Experimental modeling of the dependence of exports of goods of the Republic of Belarus on the attracted foreign direct investment* 111
A.K. Kostenko, V.V. Burakovsky. *Justification of the limit of the basic insurance rate under insurance agreements for deposits of legal entities in banks* 117

S.D. Lin. *Directions of state regulation of demographic processes in the Republic of Belarus* 124
T.I. Panova, Le Min. *Genesis and the Development of Financial Statements in China* 131
T.V. Savenko. *International market of educational services: problems and prospects of integration of the Republic of Belarus* 136
A.G. Sadovskaya. *Advantages and risks of crowdfunding and P2P lending to start-up projects* 140
V.S. Selitsky. *Control dysfunctions* 144

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2018

Педагогика

УДК 373.1

Использование образовательных ресурсов социальных сетей при организации иноязычного общения школьников

Д.К. Бартош

Представлен опыт использования образовательных ресурсов социальных сетей при организации иноязычного общения школьников на базе функционирующих в Интернете иноязычных социальных сетей и создаваемых учебных пространств лично учителем или в составе рабочей группы в режиме онлайн или оффлайн. Описаны приемы, средства и формы данных технологий, а также проблемы, возникающие в процессе их применения.
Ключевые слова: образовательное пространство, иноязычная коммуникативная компетенция, социальные сети, блог-технологии, подкасты, вики-технологии.

The experience of using educational resources of social networks in the organization of foreign language communication of schoolchildren on the basis of foreign-language social networks operating in the Internet and created learning spaces by the teacher or as part of the working group online or offline is presented. The techniques, tools and forms of these technologies, as well as problems arising in the process of their application are described.
Keywords: educational space, foreign language communicative competence, social networks, blog technology, podcasts, wiki technology.

Современная система обучения иностранным языкам ставит во главу угла личность обучающегося, коммуникативную и учебную деятельность, затрагивающую его интересы и потребности, креативные и рефлексивные способности ученика. В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами, образовательный результат выражается в его способности и готовности на определенном уровне действовать на изучаемом языке в проблемных ситуациях речевого общения; осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации, обращаясь при этом не только к традиционным средствам коммуникации, но и электронным; выбирать, строить и использовать адекватную информационную модель для передачи своих мыслей в соответствии с коммуникативными задачами; решать информационные и коммуникационные учебные задачи (написание писем, сочинений, докладов, рефератов, создание презентаций и др.) [1].

Данные положения предопределяют особые требования к образовательному процессу по иностранным языкам. Он должен быть направлен на реализацию личностного когнитивного и творческого потенциала учащегося, на овладение им, наряду с межкультурной коммуникативной компетенцией, стратегиями учебно-познавательной деятельности, на развитие его индивидуальности и субъектности. Иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается как способность и готовность школьника осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Этим объясняется актуальность обращения и большой интерес ученых и практиков к новым технологическим решениям в сфере языкового образования (М.Ю. Бухаркина, Л.П. Владимирова, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, М.Н. Евстегнеев, Е.И. Пассов, Е.С. Полат, П.В. Сысоев и др.).

Социальные сети являются для подростков и молодежи одним из главных средств общения и содержат богатую социально-культурную информацию о жизни в стране изучаемого языка, что является аргументом в пользу их применения в учебном процессе. Однако осуществляемая в данных сетях популяризация некорректного использования языка заставляет с осторожностью подходить к отбору сообщений, а также выбору приемов работы с ними [2, с. 13].

Общение в иноязычных социальных сетях способствует активному формированию межкультурной, а также информационно-коммуникативной компетенции. Ученики могут участвовать в языковых обменах, задавать вопросы и получать комментарии к собственным записям, которые делают носители языка. Общаясь в виртуальной реальности, обучающийся использует свои речевые навыки, устанавливает дружеские контакты, учится вести беседу со своими партнерами по переписке в правильной и интересной форме, давая как фактическую информацию, так и высказывая свое отношение к данной проблеме (выражение своего мнения, указание причин), овладевая техникой ведения беседы (правильное начало и заключение письма, умение расспросить, дать информацию, сделать выводы) [3, с. 35].

Развитие компьютерных технологий делает возможным общение людей, находящихся на каком угодно расстоянии друг от друга. Такое объединение людей (чаще всего на основе общих интересов) принято именовать сообществом. А поскольку общение происходит на основе сетевых технологий, такие сообщества называются сетевыми или виртуальными. Оно имеет свою специфику, прежде всего языковую, которая становится предметом изучения многих современных ученых-лингвистов. Особый научный интерес сегодня вызывает мобильное обучение иностранному языку, под которым принято понимать «такую форму организации процесса обучения и контроля, основанную на использовании мобильных устройств связи (смартфонов, планшетных компьютеров и др.), при которой обучающиеся в любом месте и в любое время могут формировать и совершенствовать языковые навыки, развивать речевые умения (на основе средств синхронной и асинхронной коммуникации), формировать социокультурную и межкультурную компетенции с целью использования иностранного языка как средства общения в социально-бытовой и профессиональной сферах» [4, с. 8].

При работе с социальными сетями в практике обучения иностранному языку в школе активно применяются иноязычные социальные сети, функционирующие непосредственно в Интернете, и созданные в учебных целях учителем лично или в составе рабочей группы в социальной сети.

1. Согласно первой технологии, учащиеся работают с текстовыми, аудио- и видеоматериалами форумов, чатов, блогов. Задания в данном случае могут предполагать знакомство с функциональными особенностями ресурсов, с которых заимствованы сообщения, возможностями и спецификой их контента, выявление лингвостилистических особенностей текстов, использование формул вежливости, анализ и создание параллельных сообщений или сообщений-комментариев с соблюдением норм и правил межкультурной коммуникации. Таким образом, приемы работы можно разделить на две группы: по содержанию сообщений и по языковому оформлению. Так как социальные сети предоставляют обширный социокультурный материал, соответственно и большая часть приемов направлена на анализ содержания высказываний. Выполнение данных заданий должно носить коммуникативный характер. Предлагая учащимся проблему или вопрос для обсуждения, важно объяснить им, что они должны не просто заниматься сбором информации, а оценивать ее. Основным же критерием, позволяющим отличить этот подход от других видов учебной деятельности, является то, что учащиеся самостоятельно выбирают языковые единицы для оформления своих мыслей.

Данную работу целесообразно проводить, акцентируя внимание на речевой культуре с помощью упражнений. Например:

– анализ стилистических и языковых особенностей сообщений: ознакомьтесь с содержанием ответов сотрудника компании на комментарии посетителей странички в Facebook компании Hipp GmbH & Co. Vertrieb KG и определите, как проявляется вежливый тон сотрудника компании, какие средства он использует;

– охота за ошибками: определите в сообщениях ошибки разного вида (в произношении, грамматические, смысловые и др.);

– редактирование, т. е. исправление ошибок в сообщениях или изменение текста полностью в соответствии с литературными нормами языка.

Относительно двух последних приведенных приемов следует отметить, что необходимость быстрых спонтанных ответов, отсутствие цензуры, невозможность без использования невербальных средств передачи эмоциональной выразительности речи и т. д. не дает воз-

можности многим партнерам по переписке исключить нарушения лексических, орфографических, морфологических, синтаксических, стилистических и других норм литературного языка в интернет-общении, а в большинстве случаев увеличивает их количество. Данная проблема типична для всех стран, в которых происходит активная информатизация общества. Так, для общения в социальных сетях на любом языке типичны следующие нарушения:

– отсутствие знаков пунктуации или их неадекватная замена;

– передача эмоциональности с помощью повторения знаков;

– частое использование неологизмов и слов интернет-лексикона;

– сокращения, недописывание окончаний и др.

Ознакомление с ними учащихся, их редактирование самими учащимися имеют целью акцентировать внимание на речевой культуре, что, в свою очередь, может рассматриваться как средство ее повышения как в иностранном, так и в родном языке.

Отметим также, что работа с сообщениями из социальных сетей может проводиться не только в режиме онлайн. Учитель может подготовить задания для оффлайн работы: вручную реструктурировать поля для заполнения личной информации и распечатать материалы для заполнения учениками с целью персональной их презентации; перефразировать и вынести на экран твиты для совместного обсуждения; фотографии и комментарии к ним заранее распечатать для учеников.

2. Вторая технология работы с социальными сервисами и службами Интернета нового поколения Веб 2.0 предполагает создание учителем рабочей группы в социальной сети в учебных целях.

Учитель может самостоятельно создавать рабочее пространство на базе социальных сетей для реализации определенных учебных задач, таких как контроль, организация дискуссий или обсуждений отдельных вопросов, фильмов, новостей и т. д.; консультирование, информирование учащихся и др. Данное пространство позволяет более эффективно организовать учебную, включая самостоятельную, деятельность учащихся конкретной группы, задействовать каждого участника, активизировать их познавательную деятельность посредством регулярного предоставления информации или ссылок на информацию об изучаемом языке, о стране данного языка и многом другом.

Рассмотрим две возможности создания учителем учебного пространства на базе социальных сетей:

а) создание рабочей группы с помощью социального сервиса «ВКонтакте»;

б) использование блог- или вики-технологий.

Для создания рабочей группы в социальном сервисе «ВКонтакте» нужно перейти в раздел «группы» главного меню и «создать сообщество», выбрать его вид и дать ему название:

– *«Группа».* Этот вариант наиболее подходит для работы с учениками, так как он позволяет создавать дискуссии и голосования, что способствует взаимодействию учащихся с учителем и учащихся друг с другом;

– *«Публичная страница».* Данный вариант предлагает узкий функционал для работы с маленькими группами, но более широкий для работы с большой аудиторией; подходит для регулярной публикации собственных данных или использования функции «репоста» из других сообществ;

– *«Мероприятие».* Этот вариант мало подходит для организации регулярного взаимодействия с учащимися, но может быть использован для подготовки к экскурсиям или воспитательным мероприятиям.

Далее необходимо визуально оформить сообщество и заполнить необходимую для учащихся информацию, которая может содержать краткое описание сообщества, права администратора и участников группы, которые тщательно модерируют всю поступающую в сообщество информацию: видео, аудио, тексты, сообщения других сообществ и пр. Целесообразно также сообщать особенности работы в сообществе: в каком формате и как часто будет проходить работа с социальной сетью, что разрешено и запрещено, описать возможный функционал и многое другое. Работа с группой предполагает следующие приемы:

1) опрос, позволяющий провести тестирование, например, по какой-либо повседневной теме, лингвосоциокультурной информации или языковому явлению;

2) работа с аудиофайлами, снабженными как тестовыми, так и творческими заданиями, пояснениями и рекомендациями учителя по выполнению работы;

3) работа с видеофайлами, в которых размещаются задания по просмотру роликов на иностранном языке и написанию комментария на тему увиденного. Подготовленный учащимся ответ может быть устным, выполненным письменно или записанным на диктофон, его можно отправить как личное сообщения или сдать на уроке в традиционном формате;

4) дополнительное информирование. Между основными заданиями учитель может размещать интересные факты о жизни и культуре страны изучаемого языка, пользоваться функцией «репоста» и публиковать информационные записи других иноязычных сообществ.

Следует отметить, что весь функционал сайта «ВКонтакте» доступен и на мобильных устройствах, а значит, все задания могут быть выполнены не только за компьютером, но и с помощью других мобильных электронных средств.

Среди средств, обеспечивающих общение на иностранном языке, выделяются блог-технологии, подкасты, вики-технологии, YouTube и др.

Блог – это интернет-дневник, веб-сайт, основу которого составляют обязательные и регулярные добавления записей, содержащие различные изображения, мультимедиа [5]. Особенностью блога являются недлинные временные записи, упорядоченные в обратном хронологическом порядке, то есть, последняя запись всегда появляется сверху. Блоги общедоступны и публичны. В них любые пользователи Интернета могут оставить свои комментарии/отзывы к прочитанному или вступить в открытую переписку или публичную беседу с авторами блогов.

Блог-технологии в обучении иностранным языкам имеют следующие виды: блог учителя, блог учащегося, блог учебной группы.

Блог учитель, как правило, содержит программу курса, домашнее задание, информацию о материале, изученном на конкретном занятии; рекомендуемые для дополнительного изучения источники на иностранном языке, ссылки на информационно-справочные и учебные Интернет-ресурсы и др. Блок учащегося практически выполняет функцию портфолио и содержит разнообразную информацию о его пользователе [6, с. 115–127]. Блог учебной группы, как правило, включает определенный материал на иностранном языке, предлагаемый школьникам для дальнейшего обсуждения и комментариев.

По мнению Е.А. Ильиной, блог-технология может быть использована практически в любой возрастной аудитории, независимо от уровня владения языком, так как она обладает большим дидактическим потенциалом. Этот потенциал обусловлен такими свойствами данной технологии, как: публичность, линейность, гипертекстовая структура, мультимедийность, возможность осуществлять модерацию, т. е. процесс группового обсуждения проблемы одним человеком [7, с. 12].

Вики-технология обладает не меньшим, чем блог-технология, потенциалом в плане развития умений чтения, говорения и письма на иностранном языке, причем как непосредственно на занятиях по иностранному языку, так и в рамках языковых элективных курсов и факультативов. Е.А. Ильина пишет, что для данной технологии, помимо публичности, гипертекстовой структуры и мультимедийности, которые свойственны также и блог-технологии, характерны нелинейность и возможность доступа к истории создания конкретного документа [7, с. 12]. Вики-технология в образовательном процессе должна быть нацелена на развитие у учащихся умений письменной речи и чтения и предоставлять возможность организации внеурочной сетевой работы над языковым и культуроведческим проектом. Следует заметить, что все развиваемые при этом речевые умения понимания и порождения иноязычного текста соответствуют умениям, обозначенным в государственных стандартах требованиям к предметным результатам.

Не менее интересны в этом отношении и подкасты, использование которых в обучении иностранному языку может происходить повседневно. Подкаст – аудио- или видеофайл, ко-

торый, как правило, используется с помощью персонального компьютера или мобильного устройства в любое удобное для пользователя время как способ распространения звуковой или видеоинформации в Интернете. Подкасты обеспечивают условия для формирования и поддержки у школьников мотивации к изучению иностранного языка, развивают умения извлекать из текста информацию разного характера, например, осваивая общеразговорные навыки, устоявшиеся выражения или формулы общения, которые помогут представиться, вежливо прервать говорящего, попросить повторить, перезвонить и т. д.

Преимущество подкастов заключается также в том, что они предоставляют учащимся прекрасную возможность усвоения и «присвоения» особенностей аутентичной звучащей речи, слушая актуальные современные аутентичные тексты различных жанров на любую интересующую учащихся тему в разнообразном исполнении (акцент, тембр, ритм, беглость речи говорящего) [8], [9], [10].

Таким образом, анализ цифровых образовательных ресурсов социальных сетей, обеспечивающих виртуальное иноязычное общение школьников, позволяет работать с информацией самого разного плана и вступать в переписку со своими сверстниками, живущими в странах всего мира посредством электронной почты, участвовать в сетевых проектах, работать в блогах, принимать участие в онлайн-конференциях и т. д. Сегодня очевидно, что создаваемая с помощью социальных сетей Интернета учебное пространство обеспечивает учащимся продуктивный характер социальных знаний, навыков и умений, что выводит образовательный процесс из формальной плоскости в личностно-значимую.

Литература

1. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www. fgos.ru. – Дата доступа : 15.11.2018.

2. Бартош, Д.К. Социальные сети как средство развития речевой культуры школьников в обучении иностранному языку / Д.К. Бартош, М.В. Харламова // Иностранные языки в школе. – 2017. – № 3. – С. 9–14.

3. Сапух, Т.В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров посредством подкастов / Т.В. Сапух // Азимут научных исследований: педагогика и психология [Электронный ресурс]. – 2016. – Т. 5, № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-bakalavrov-posredstvom-podkastov. – Дата доступа : 15.11.2018.

4. Капранчикова, К.В. Методика обучения иностранному языку студентов на основе мобильных технологий (английский язык, направление подготовки «юриспруденция») : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / К.В. Капранчикова. – М., 2014. – 26 с.

5. Сагынгалиев, М.А. Блог в обучении иностранных языков / М.А. Сагынгалиев // Студенческий научный форум : материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.scienceforum.ru/2015/1253/137442015. – Дата доступа : 15.11.2018.

6. Сысоев, П.В. Блог-технология в обучении иностранному языку / П.В. Сысоев // Язык и культура. – 2012. – № 4 (20). – С. 115–127.

7. Ильина, Е.А. Методика развития умений письменной речи учащихся на основе Интернет-технологий (английский язык, средняя школа) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 12.00.02 / Е.А. Ильина. – М., 2013. – 26 с.

8. Соломатина, А.Г. Методика развития умений говорения и аудирования учащихся посредством учебных подкастов (английский язык, базовый уровень) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / А.Г. Соломатина. – М. : МГГУ, 2011. – 24 с.

9. Цветкова, Л.А. Использование компьютера при обучении лексике в начальной школе / Л.А. Цветкова // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 43–47.

10. Dudeney, G. How to teaching English with technology / G. Dudeney, N. Hockly. – N.Y. : Pearson Longman, 2007. – 192 p.

Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 17.12.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 159.9:331.101.1

Инженерно-психологические и педагогические методы и средства обеспечения информационной безопасности организации закрытой структуры

К.Р. Еромин ек

Исследуется необходимость понимания категории безопасности в качестве понятия, используемого в различных сферах знаний – понятия интердисциплинарного. Целью является характеристика безопасности в аспекте информационном, психологическом и педагогическом. Указываются также взаимосвязи, существующие между указанными аспектами. Содержится также анализ безопасности закрытой структуры, учитывающий психологические индивидуальные и групповые особенности закрытой структуры.
Ключевые слова: закрытая информационная структура, информационно-психологическая и педагогическая достаточность, криптографическая защита информации, инвективное воздействие.

The need for understanding the category of safety as a concept applied in various fields of knowledge – the interdisciplinary notion is studied. It aims at the characteristics of safety in the information, psychological and pedagogical perspective. It also indicates the relationships that exist between these aspects and security analysis of the closed structure, taking into account the psychological individual and group characteristics of the closed structure.
Keywords: closed information structure, psychic and pedagogical information sufficiency, cryptographic protection of information, invective influence.

Введение. В настоящее время неоспоримым является тот факт, что человек непрерывно находится в фазе информационного воздействия. Безопасность, как предмет интердисциплинарный, черпает когнитивные источники с достижений разнородных наук, в том числе психологических. С этой целью целесообразным является внедрение инструментария верификации исследуемой информации и, следовательно, вопрос обеспечения безопасности информации, а также то, каким образом данное обеспечивается. Непрерывное развитие знаний психологии, новелизация сектора безопасности является причиной расширения диапазона применения психологической и педагогической наук в дисциплинах технических. Целесообразным, в связи с этим, является рассмотрение проблематики обеспечения безопасности таких структур сквозь призму инженерно-психологического и педагогического исследования. Содержанием исследования является анализ и проектирование процессов, характеризующих субъект труда, а также исследование и разработка технических методов и средств, необходимых для этой деятельности. Объектом исследования является формирование технического аппарата методов и средств, используемых для проектирования вышеуказанных процессов.

Актуальность исследования данного направления вызвана необходимостью поиска эффективного способа формирования жизнеспособности и сопротивляемости человека в лице специалиста в отношении к угрозам внутреннего и внешнего характера – в процессе адаптации и совершенствования. Именно принятие предупредительно-профилактических мер в отношении обеспечения конфиденциальности, а также доступности информации, предотвращения утечки информации является наиболее верным подходом в создании комплексной системы информационной безопасности. Кроме того, одной из ключевых позиций играет человеческий фактор психолого-педагогического инсайдерского воздействия, что непосредственно коррелирует с обеспечением информационно-психологической защиты личности в примере работника структуры. Существенным и императивным является вопрос педагогической компетенции специалиста по защите информации. Проблема и вопрос эмоциональной регуляции целенаправленной деятельности и целостного поведения в рамках различного вида деятельности, в том числе психологической манипуляции, является условием инвективного состояния такого дискомфорта. Информационно-психологическое и педагогическое воз-

действие в проведении политики безопасности следует трактовать как целенаправленная экстраполяция информации от одного участника интеракции к другому, сопровождаемая определенными установками, оценками, восприятиями, состоянием поведения человека, на которого передача информации была акцентирована.

Негативные информационно-психологические воздействия, такие как манипулятивные влияния, влияют деструктивно на личность, сознание. Такие влияния проявляются в ипостаси инструментария психологического воздействия, давления с целью опосредованного или непосредственного, дискретного побуждения к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций. В рамках проведения политики безопасности следует учитывать психологические аспекты возможного воздействия при использовании методики изменения психологической и педагогической установки, а также с применением инженерно-информационной соответствующей платформы. В тоже время, такого рода психологические воздействия могут вызывать различные психические аномалии и девиации, которые могут проявляться в качестве психических расстройств и заболеваний. На человека оказывают весомое воздействие не только постоянный информационный контакт или его отсутствие, а также и эссенция, структура и качество поступающей и переработанной информации.

Информационная девиация закрытых структур. Под структурой закрытой организации понимают иерархическую структуру с определенными, однонаправленными и ограниченными отношениями «власть-подчинение», в том числе и проведения политики безопасности. Примером таких структур являются структуры информационной безопасности. Кроме иерархии в отношении «власть-подчинение» существует закрытая информационная система персональных данных, предусматривающая не только комплекс мер изолированности от внешних систем, но и возможность монополистического, административного информационно-психологическая воздействия. В таком случае возникает потребность создания концепции информационно-психологической безопасности «организация-человек» при использовании соответствующего инженерного инструментария.

Службы безопасности дипломатических структур – как структур, относящихся к категории закрытых, – являются наиболее уязвимыми с позиции обеспечения и проведения информационной политики безопасности в связи с их расположением за пределами своей страны. Данное, в свою очередь, ведет к потребности создания дополнительных защитных технических мер, а с другой стороны, имеет место быть появление эмоционального показателя инвективного воздействия на деятельность работника при принятии оперативных решений в процессе эксплуатации современных информационно-технических систем. Данное может быть вызвано существованием узкой группы лиц в пределах одной организации (25–45 человек), что может привести к фактору эмоционального профессионального «выгорания» – стрессового состояния организма, характеризующегося эмоциональным истощением, изнеможением. Симптомы такого явления и состояния проявляются постепенно, циклично. Степень выгорания характеризуется определенной комбинацией высокого или низкого уровня деперсонализации. Вся симптоматика наиболее отчетливо наблюдается на дефинитивных, необратимых стадиях, характеризующихся определенными девиациями.

Владение информацией, как технический анализ и проведение политики безопасности, включает в себя ряд приемов: информационная перезагрузка, при которой основную часть составляют абстрактные рассуждения; дозирование передаваемой информации, при котором сообщается только лимитированная часть сведений, а остальные располагаются в категории сугубо конфиденциальных, что приводит к искажению картины истинности и реальности. Пролонгация времени, как способ воздействия информацией, сводится к тому, чтобы под разнообразными претекстами откладывать обнародование истинно важных сведений до того момента и промежутка времени, когда модификация будет неактуальна, а также не будет инструментария с целью её обнаружения.

Информационно-психологические и педагогические средства обеспечения безопасности закрытых структур. Целью настоящего исследования явилось формирование концептуальных основ исследования психологической безопасности закрытой структуры, определение эссенции и предпосылок нарушения психологической безопасности с позиции про-

фессиональной деятельности специалистов, ядром технологии которых является возможность применения различных типов психологического воздействия, а также формирование инструментария для оценки степени риска, несоблюдение основы информационно-психологической безопасности с позиции специалистов службы безопасности. Целесообразность такой постановки проблемы обусловлена возникновением комплексных факторов, охватываемых различными источниками угроз, основная модель которых представлена следующей цепочкой: «специалист сектора безопасности – субъект безопасности – технология обеспечения безопасности структуры – корреляция специалиста сектора безопасности с субъектом». На последнем корреляционном этапе зачастую наблюдается факт возрастания информационной угрозы. Каждое лицо, как объект заинтересованности и исследования психологии, в том числе инженерной, в процессе обеспечения безопасности может быть рассмотрено в качестве участника позитивного (объект, обеспечивающий безопасность) либо негативного (объект, создающий угрозу безопасности). В двух данных случаях возможным является использование инструментария психологического с целью познания характеристик личностных, а также проведения диагностики возможных нарушений состояния психического лица исследуемого.

К исследованию проблем безопасности зачастую подходят однородно, учитывая исключительно тот факт, что защита основывается на обеспечении конфиденциальности, дискретности информации в рамках исполняемых функций. Однако не учитывается целесообразность обеспечения защиты информации от модификации, нарушения работоспособности информационной системы. В таком случае представитель службы безопасности такой «закрытой» структуры может использовать определенную закладку также деструктивного характера, в программное обеспечение, которая может передавать данные субъективно, не передавая важных технических и психологических, зачастую бихевиреальных аспектов и необходимости. Специалисты каждой службы обеспечения информации диспонируют определенной возможностью использования различных методов психологического воздействия по причине их доступности к контрольным и коррекционным технологиям.

После этого становится очевидным, что защищать, в какой области и от кого защищать. Увеличивая вероятность возникновения угрозы, формируется риск информационной угрозы. После этого можно приступать к разработке политики безопасности.

Во многих закрытых структурах существует принцип, что все прибывающие на территорию такой структуры сотрудники сдают мобильные телефоны сотруднику безопасности. Возникает дополнительный вопрос, касающийся проведения мер объективного контроля, который бы не затронул репутацию организации и не влиял на комфорт и достоинство каждого специалиста. Очевидно, следует, что это требование не является окончательно жизнеспособным, данное требование может отождествлять неэффективность информационной системы, а только лишь кажущееся, манипулятивное воздействие, компенсирующее отсутствие эффективного технического пакета и инструментария. Осознанно либо неосознанно, не регистрируя, но специалист вынужден искать альтернативные методы передачи информации, часто не предоставляющую угрозу для целой структуры. Эффективно проведенная инженерно-психологическая деятельность позволит службам осуществить выбор метода исследования и поведения по отношению к лицу, оставшемуся в радиусе заинтересованности.

Принцип информационно-психологической достаточности означает, что исследование и анализ рисков, проведенный на предварительном этапе аудита, позволяет анализировать эти риски по параметру величины и производить защиту также дополнительных аспектов. Если в качестве лимитирующего фактора выступает общее обеспечение системы обеспечения безопасности, то задачу следует решить как задачу динамического анализа и развития.

Важной является проблема психологических механизмов модификации информации в рамках ее процесса «передачи-приема». В реальном поведении часто возникают ситуации, в которых один сотрудник закрытой структуры передает в форме речевого сообщения информацию другому, которая основывается лишь на личных эмпирических выводах, зачастую субъективных. Следующий субъект, не имея возможности непосредственно контролировать объект, должен воспроизвести его. Такие задачи решаются повседневно, в том числе в струк-

турах информационной безопасности. Информационно-пропагандистские акции могут использоваться с целью укрепления авторитета источников, ввести в сомнение аутентичность такой закрытой информации.

Эмоционально негативные переживания возникают как реакции на информационную недостаточность, а зачастую дефицит. Таким образом, субъект структуры позиционирует себя событийным источником, но в тоже время его линия поведения попадает в определенную зависимость от конкретной информации. Причём, чем длиннее «цепочка», чем больше участников возникает, передаваемых информацию, не имеющих достоверной базы, тем значительнее модифицируются эти сведения.

При проведении экспериментальных исследований в пределах закрытой дипломатической мини-группы следует, что динамика таких модификаций и искажений непосредственно коррелирует с имеющимися у людей предиспозиционными факторами – субъект подсознательно настроен воспринимать в первую очередь именно то, что он ожидает. К другим причинам, способствующим возникновению и распространению псевдо-информации, относятся ограничение оперативной памяти человека, а также трудность в подборе семантических эквивалентов, постепенно вытекающая из данного подмена смысла. Также имеет место отсутствие критичного анализа, что приводит к одностороннему восприятию в сомнительных деталях получаемой информации, недостаточная оперативность, запаздывание в подаче информации.

Динамика конфликтов в информационных структурах показывает, что в настоящих условиях арсенал информационных искажений не только не сокращается, а лишь увеличивается и совершенствуется, в связи с чем человек вынужден решать вопросы технической оптимизации профессиональной деятельности, а также формирования должного эргономического обеспечения.

Техническая защита информационной безопасности закрытой структуры. В связи с существованием второстепенных факторов, влияющих на надежность передаваемой информации, важной является защита цифровых устройств от несанкционированных действий, в том числе проведение контроля представителей службы безопасности. Проведение политики инженерно-психологической корреляции минимизирует возникновение потенциального риска.

Находясь в фазе передачи пользователю, объекты интеллектуальной собственности находятся в ситуации отсутствия контроля, что может предполагать возникновение несанкционированных действий. С целью защиты персональных данных, передаваемых между информационной системой по каналам связи, выходящими за пределы контролируемой точечной фазы, необходимо использовать защищенные каналы передачи данных. При использовании таких каналов закрытых информационных систем защиты персональных данных необходимо применять средства криптографической защиты информации. Раздельно либо комплексно применяются следующие методы криптографической защиты информации: шифрование информации, фиксирование электронной цифровой подписи, как средство обеспечения подлинности электронного документа, криптографическая аутентификация как средство подтверждения санкционированного доступа субъекта к объекту, управление ключами, как необходимая составная часть систем со средствами криптографическими защиты. Необходимо установить, как должны быть защищены устройства сети, порядок использования сменных носителей информации, хранения, порядок внесения изменений в соответствующее программное обеспечение. При введении дополнительных защитных мер: использование биометрического запуска системы, использование исключительно служебной почты, применение ключа-карты в такой закрытой структуре – активность пользователей снизилась на 30 %, что связано с отсутствием точной информации, каким образом данное отображается у руководителя службы безопасности.

В критической и сомнительной ситуации, при возникновении необходимости анализа взаимосвязи используемой психологической установки с целью идентификации скрываемой информации целесообразным является проведение опроса с использованием полиграфа. В процессе данного эмпирически исследуется обоснование выбора такой установки, которая в эффекте влияет на вероятность скрываемой информации у сотрудников с разнообразными психологическими особенностями, основанными на анализе документации (рекомендаций, корреспонденции, преференций).

В процессе применения инженерно-психологических методов и средств обеспечения информационной безопасности организации закрытой структуры основой технической стороны являлось формирование средств защиты цифровых устройств от несанкционированного использования, основанным на применении физически неклонируемых функций, т. е. такой системы, которая не подлежит клонированию, имеет доступ исключительно к управленческой части системы безопасности. Наличие неклонируемых, случайных параметров делает каждую профессиональную систему уникальной и инженерно невоспроизводимой. Информация из таких контрольных систем может быть неоднократно извлечена, но в силу подачи большого количества запросов за приемлемый отрезок времени. Отпечаток пальца, как разновидность введения водяного знака, несет информацию не только о правообладателе, но и о пользователе, которому предоставляется право пользования данной копией объекта интеллектуальной оригинальной копии. Каждый водяной знак не должен присутствовать в любом цифровом устройстве явным способом, а также не должен существенным образом влиять на функционирование, аппаратные затраты и временные характеристики такого цифрового устройства. Каждая попытка удаления, модифицирования либо подмены обфускационного элемента должна быть равносильна перепроектированию системы в целостности. Такой метод является опцией шифрования данных конфиденциальных с применением секретного ключа, известного исключительно разработчику.

Внедрение любой защиты приводит к определенным неудобствам, а также игнорированию среди пользователей. Например, возможно императивно требовать проведение информационной эвиденции журнала сотрудника, в котором фиксируется время начала и конца выполнения действий, разновидность выполняемых действий, в том числе закрытых действий с точки зрения безопасности, наименование созданных файлов, учет просматриваемых страниц виртуального пространства, запрет переноса накопителей информации.

В политике безопасности закрытой структуры данный вопрос должен быть выделен в отдельный раздел. Необходимой позицией обеспечения безопасности является выделение для Интернета отдельного, автономного компьютера, на котором не должна храниться дискретная информация. При этом особый контроль надо уделить работе со сменными носителями информации, а также перлюстрации отправленной почты. В дипломатических организациях вся отправленная почта направляется вначале в руки администратора безопасности, который контролирует ее и пересылает далее соответствующим объектам. Одновременно возникает субъективный фактор владения такой личной информацией субъектов структуры представителем информационной безопасности и использование данной информации на сугубо личное усмотрение, выходящее за пределы профессионального.

В политике безопасности должны быть обязательно предусмотрены меры ликвидации этих последствий, восстановления нормальной работоспособности, минимизации причиненного сотрудником ущерба. Определенную роль играет применение средств резервирования электропитания, вычислительных средств, а также правильная организация документооборота.

Результаты вычислений и анализ. Основной целью инженерного анализа информационной безопасности является эмпирическое исследование коррелирования определенных разновидностей психологической установки и вероятности распознавания дискретной информации у лиц с различными индивидуально-психологическими особенностями, а также применение нескольких методов с целью проведения компарации полученных результатов.

С целью реализации использовалась проверка и анализ полученных результатов среди дипломатического учреждение на опрос полиграфного устройства, с другой стороны, проведены меры введения водяного знака с целью защиты информации и проведения политики безопасности, основой которой является удаление комментариев и пояснений, что является определением обфускации.

На основе классификации угроз информационной безопасности закрытой структуры по основным критериям, а именно: источник угроз, характер ущерба, вероятность и частота проявления, причины возникновения и анализа, сформирована следующая типовая структура угроз информационной безопасности закрытой структуры на примере дипломатической:

внешние возникшие угрозы и нарушения – 6 %, угрозы со стороны внешних лиц – 0,9 %, внутренние угрозы (персонал структуры) – 62 %, остальные – 30,01 %. Солидный вес занимают установка и использование нерегламентированного программного обеспечения, а также отсутствие анализа психологического воздействия в данных условиях с целью применения в личных целях, в частности, передача информации третьим лицам.

Заключение. Определены условия и возможности психологического обеспечения безопасности труда в сфере службы безопасности. Сформированы методы технической поддержки решений при проектировании эргатических систем, проведении эргономической экспертизы, определении нарушения системы безопасностями, вызванными психологическими особенностями человека в лице профессионала данного сектора.

Литература

1. Ероминек, К.Р. Информационная безопасность / К.Р. Ероминек, А. Вербицкий. – Прага : Глобальные проблемы науки, 2017. – 312 с.

2. Ероминек, К.Р. Информационная безопасность / К.Р. Ероминек // XIII Научно-техническая конференция: сб. тезисов докладов, Минск, 2–11ноября 2017 г. – Полоцк : Издат. центр Полоцкого университета, 2017. – С. 117–119.

3. Вербицкий, А. Защита информационных систем / А. Вербицкий. – Гданьск : Наука и техника, 2008. – 218 с.

4. Сулевская, А.М. Криптография в информационных системах / А.М. Сулевская. – Варшава : Защита информации, 2014. – 91 с.

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники

Поступила в редакцию 28.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 159.9

Субъектная активность будущих специалистов по социальной работе как условие их успешной профессионализации

М.С. Ковалевич, Н.А. Леонюк

Современное профессиональное образование представлено как расширение возможностей личностного и профессионального развития обучающихся, в основе которого лежит субъектная активность будущих специалистов, осознание ими личностных смыслов саморазвития, ценностей учебно-профессиональной деятельности и социальной активности. Представлены результаты диагностики уровня развития субъектности личности будущих специалистов по социальной работе. Обоснованы условия развития субъектной активности будущего специалиста в высшей школе.
Ключевые слова: субъектность, субъектная активность, опосредствованность, автономность, целостность, самоценностность, креативность, профессиональная «Я-концепция», профилактика, реабилитация.

Modern professional education is presented as the expansion of opportunities for personal and professional development of students, based on the subjective activity of future specialists, their awareness of the personal meanings of self-development, values of educational and professional activities and social activity. The results of diagnostics of the level of development of the personality of future specialists in social work are presented. The conditions for the development of the subjective activity of future specialists in higher education establishments are substantiated.
Keywords: subjectivity, subject activity, mediation, autonomy, integrity, self-worth, creativity, professional «Self-concept », prevention, rehabilitation.

Введение. В настоящее время в Беларуси идет активный процесс становления профессионального сообщества специалистов, работающих в сфере оказания социальных услуг. В общественном сознании формируется высокогуманный, позитивный имидж специалиста по социальной работе. Концептуально акценты в практической деятельности переносятся с поддержки и обслуживания на профилактику, реабилитацию, самопомощь, на основе активизации личностного потенциала людей, обращающихся за помощью.

Образовательный стандарт по социальной работе предусматривает усвоение будущими специалистами теоретических знаний, формирование навыков и умений самостоятельной деятельности. Социальный работник профессионально работает с теми, кто исключен, дискриминирован, страдает или беден, с теми, чьи права ущемлены. Социальные работники обеспечивают социальные изменения, развитие человекоцентрированного и устойчивого социального прогресса в Беларуси.

Для специалиста по социальной работе особое значение имеют социально-личностные компетенции: этическое сознание, совесть, честность, так как социальная работа решает проблемы клиента на индивидуальном уровне, которые весьма вариабельны и не всегда могут быть формализованы директивами и инструкциями. Значительная часть принимаемых решений базируется на этических принципах, что требует их формирования как в процессе обучения, так и после окончания вуза. Это же обстоятельство диктует необходимость специального профотбора абитуриентов.

Уже на старте вхождения в профессию будущий специалист должен осознать, что многочисленные технологии должны подвергаться отбору с позиций их социально-экономической и этической целесообразности в каждом конкретном случае. С позиций этики методом выбора должен быть тот, который позволяет удовлетворять не только биологические потребности клиента, а не в меньшей мере тот, который дает клиенту шанс к самореализации на личностном уровне. Включение в ОСРБ методологии профилактики ограничений жизнедеятельности, ведущих к социальной недостаточности, а также фундамента социальной работы в виде конкретных этических ценностей, создает предпосылки для значительного расширения поля деятельности социальных служб, комплектуемых профессионалами [1, с. 33].

В связи с вышесказанным в последние годы все больший вес приобретает проблема субъектной активности или субъектности будущего специалиста по социальной работе. Актуальность исследований субъектности, с точки зрения функциональных характеристик субъекта,

связана с изменением взглядов на исследование личности. Авторы отмечают следующее: раньше личность характеризовалась как мера усвоения социальных норм, а в настоящее время рассматривается как мера активности, авторства человека в отношении к своей жизни. Одной из важнейших сфер проявления субъектности, как отмечает Е.Ю. Коржова, несомненно, является профессиональная деятельность, которая представляет собой благодатную почву для определения конкретных проявлений активности человека, ее меры и специфики [2]. При этом на передний план выходит вопрос о роли характеристик субъектности в поддержании профессионального здоровья, в частности следующих индикаторов его психологического уровня: гармоничности, целостности и непротиворечивости внутреннего мира человека в контексте его трудовой деятельности. Как отмечает автор, при рассмотрении человека как субъекта жизнедеятельности, в том числе его профессионального аспекта, необходимо учитывать следующее:

1. Человеку присуще стремление осваивать как внешний мир (частью которого он является), так и собственный мир.

2. При этом происходит осмысление мира, включающего человека, и самого человека отдельно от мира.

В соответствии с вышеуказанными положениями Е.Ю. Коржова разработала концепцию человека как субъекта жизнедеятельности, рассмотрев четыре основных феномена субъектности: субъект-объектные ориентации в жизненных позициях; внутренняя картина жизнедеятельности человека (интериоризированная субъектность); выбор стратегий поведения (экстериоризированная субъектность) и их взаимосвязь в поле жизнедеятельности [2].

На протяжении всего профессионального пути люди, так или иначе, постоянно совершают личностный выбор с разной степенью осознанности, однозначности, автономности, активности, иными словами на том или ином уровне субъектности [3].

Анализируя профессиональную деятельность человека, отметим, что некоторые авторы рассматривают субъектность как интегратор профессиональных способностей человека, обеспечивающую возможность выполнения профессиональных обязанностей на высоком уровне [4].

В структуре «зрелого субъекта психической активности» ученые выделяют следующие компоненты:

– «целеполагание» человеком своего психического развития и себя как регулятора этого процесса;

– «выбор», «нахождение», «продуцирование» психологических средств, направленных на достижение поставленной цели;

– «принятие решения» о времени, условиях и степени достижения поставленной цели избранными средствами;

– воплощение в жизнь принятого решения;

– «оценка» результата исполнения принятого решения и анализ причин его успеха или неуспеха;

– «накопление индивидуального опыта», «фиксация» результатов и способов развития собственной психики, субъектных качеств [5, с. 23].

В контексте пространства между полюсами «субъект-объект» Л.В. Алексеева выделяет шесть парных атрибутов субъектности при рассмотрении человека: активность (реактивность), автономность (зависимость), целостность (неинтегративность), опосредованность (неопосредованность), креативность (репродуктивность), самоценность (малоценность) [6]. При этом, как отмечает автор, человек в полной мере считается субъектом лишь тогда, когда проявляет себя как субъект на всех перечисленных уровнях.

Общая тенденция исследований субъектности: вне личности субъектности не существует. Ее становление осуществляется через деятельность, а специфика заключается во взаимосвязи и взаимозависимости предметов преобразования. При этом психологи делают акцент на активно-преобразующую деятельность [7, с. 440].

Учитывая внутреннюю неделимость процесса формирования личностных и деятельностных характеристик социального работника, Н.Б. Шмелева выделила следующие аспекты, необходимые для реализации данного процесса: личность есть субъект профессиональной деятельности, включенный в конкретные социокультурные условия и функционирующий в системе отношений

«человек-человек»; личность социального работника есть целостность, но не замкнутая в себе, а находящая выход в профессиональной деятельности; личность социального работника формируется, развивается, самореализуется, самосовершенствуется в деятельности по решению профессиональных задач, и как активный субъект этой деятельности изменяет себя в деятельности [8].

Специалист по социальной работе должен удовлетворять требованиям профессионализма. Профессионализм в социальной работе – это постоянно поддерживаемые на высоком уровне знания, умения и навыки специалиста, обеспечивающие квалифицированное содействие людям в разрешении их жизненных проблем, достижение высокого качества труда и результатов. Профессионализм специалиста характеризуется наличием у него: профессионального призвания; глубокой мотивации к выполнению труда в различных его модификациях; духовно-нравственных качеств, склонности и предрасположенности к работе с людьми; профессионального мастерства; объективно-критического отношения к своей деятельности; профессиональных знаний и умений; стремления к саморазвитию и самосовершенствованию; профессиональной гордости, умением прогнозировать и предвидеть варианты развития социальных процессов и учитывать их в практической деятельности.

Методика исследования. Для диагностики уровня развития субъектности личности будущих специалистов по социальной работе нами использована методика «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)». В основу используемой методики легли теоретические представления о субъектно-объектной сущности человека и субъект-объектных атрибутах, разработанные Л.В. Алексеевой [6]. Опросник позволяет измерять шесть показателей соответственно шкалам опросника (активность – реактивность [АР], автономность – зависимость [АЗ], целостность – неинтегративность [ЦН], опосредствованность – непосредственность [ОН], креативность – репродуктивность [КР], самоценностность – малоценностность [СМ]), а также суммарный показатель, характеризующий общий уровень развития субъектности личности.

При построении опросника были учтены следующие *положения:*

1. Человеку присуща возможность бытия как в качестве субъекта, так и в качестве объекта. Поэтому каждый человек по «весу» в его активности субъектной или объектной составляющих может быть размещен в континууме между субъектным и объектным полюсом. Поэтому результат диагностики с помощью опросника свидетельствует не о принадлежности испытуемого к одному из полюсов, а о мере его близости к полюсу субъектности или объектности.

2. Человеку как субъекту и как объекту свойственны противоположные атрибуты: активность – пассивность, реактивность, автономность – зависимость, целостность – неинтегративность, опосредствованность – непосредственность, креативность – стереотипность, самоценностность – малоценностность.

4. Опросник направлен на диагностику меры личностной развитости внеситуативной субъектности, как способности постоянно инициировать, организовывать и контролировать свою социальную активность: «чем более развит, сформирован и организован человек, тем более стабильно, устойчиво, типично для него проявление субъектности». С данной точки зрения, чем чаще человек ведет себя как субъект, тем выше уровень развития у него субъектных способностей. В связи с этим для оценки меры принадлежности испытуемому каждого субъектного или объектного проявления была применена частотная шкала, т. е. испытуемому предлагается ответить, как часто он ведет себя определенным образом: всегда (постоянно), часто, иногда, редко, никогда.

5. С целью преодоления у респондентов установки на согласие в опросник включены прямые и обратные утверждения, где прямые описывают действия, чувства, убеждения человека как субъекта социальных отношений, а обратные – как объекта.

В исследовании приняли участие 52 студента 5 курса заочной формы образования специальности «Социальная работа» Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Результаты исследования и их обсуждение. При обработке эмпирических данных на основе рангового шкалирования вся выборка респондентов, будущих специалистов в сфере социальной деятельности, была поделена на три группы по уровню субъектности личности. В первую группу вошли 12 % обследованных респондентов с низким уровнем субъектности (до 178 баллов), во вторую – 59 % респондентов со средним уровнем (с баллами от 178 до

210) и в третью – 29 % студентов с высоким уровнем (выше 210 баллов). В результате получено, что группы респондентов с высоким, средним и низким уровнем субъектности имеют различия по общему показателю субъектности и по всем ее атрибутам (при $p \leq 0,05$).

С учетом полученных данных распределим студентов по уровню развития их субектности по всем шести видам шкал (таблица).

Как следует из таблицы, самый высокий ранг заняли такие субъектные способности будущих специалистов по социальной работе как *опосредствованность, автономность и целостность*. Низкие баллы по показателям самоценностность и креативность.

Высокие результаты по шкале *«опосредствованность – непосредственность»* свидетельствуют, что в систему самоуправления у такого человека между потребностями и их удовлетворением встроены психологические средства в виде построения программы поведения, обдумывания причин и последствий этой программы, прогнозирования своего поведения на случай сбоев в программе. Он знает, чего хочет и что собой представляет. Такой специалист понимает, что такое личность, каковы законы и закономерности ее развития, рассматривая их как разумную необходимость, что позволяет ему использовать эти законы для эффективного развития личности. Таких студентов в выборке – (71 %). И только 6 % опрошеных имеют низкие результаты по данной шкале.

Таблица – Уровень развития субъектности будущих специалистов по социальной работе

Шкалы	Количество (%) Уровни			Ранг
	Низкий	Средний	Высокий	
Активность – реактивность	35	35	30	4
Автономность – зависимость	30	23	47	2
Целостность – дезинтегративность	24	35	41	3
Опосредствованность – непосредственность	6	23	71	1
Креативность – стандартность	41	35	24	5
Самоценностность – малоценностность	53	29	18	6

Низкие результаты по данной шкале характеризуют импульсивного человека, у которого между потребностью и ее удовлетворением не встроены никакие промежуточные звенья. Его поведение плохо осмыслено: часто он не знает, почему поступил так, а не иначе. Можно сказать, что такой человек ориентируется на «правду момента». Он не склонен обдумывать причины своих побед и поражений и не может спрогнозировать развитие ситуации при принятии того или иного решения. Он плохо знает себя: свои достоинства и недостатки, чего хочет и чего не хочет, а соответственно и не умеет учитывать их в планировании своих действий. В такой же мере трудно ему учесть и требования, нормативы социального контекста, в котором он действует. Он плохо понимает, почему от него требуют определенных правил поведения, не усматривает в них полезности, необходимости и поэтому не склонен им следовать.

Важными характеристиками студента и как личности, и как субъекта учебной деятельности являются такие качества, как самостоятельность, уверенность в себе, ответственность и т. п. В связи с этим по стилю учебной деятельности выделяют две полярные группы студентов, «автономные» и «зависимые».

«Автономные» проявляют в учебной деятельности такие качества, как: настойчивость, целеустремленность, развитый самоконтроль, уверенность в себе, склонность к самостоятельному выполнению работы и т. д. Почти каждый второй из опрошенных имеет высокий уровень развития данного качества.

Для «зависимых» же характерно то, что эти качества у них почти не обнаруживаются, а их учебная деятельность связана в основном с опорой на указания со стороны педагога, с ориентацией на советы, подсказки. Каждый третий из опрошенных респондентов отнесен к «зависимым». Успешность деятельности педагога зависит от учета им этих типов отношения к учебно-профессиональной деятельности, от адекватного выбора способов педагогического взаимодействия со студентами в зависимости от степени выраженности у них «автономности – зависимости».

Адекватное представление педагога о таких стилевых характеристиках учебной деятельности, как «автономность – зависимость» имеет большое практическое значение. От адекватно-

сти этой оценки зависит эффективность деятельности самого педагога, осуществление им индивидуального подхода в процессе обучения, а также успешность учебной деятельности студентов.

Высокие результаты по шкале целостность – дезинтегративность свидетельствуют об эффективной интегрированности человека в социальный контекст. Целостность личности – это соединение ее частей, которое создает крепкую и гармоничную целостность. Человек рассматривает себя как единое целое с социумом, не теряя при этом своих границ, т. е. ощущения своей самобытности.

Целостность личности – это ее способность выстоять против обстоятельств, не погибнуть, не проиграть схватку, выйти из ситуации с наименьшими потерями. Твердого характером человека, который отвечает за свои слова, выполняет обещания, обладает высокой моральностью и духовным началом, называют целостным. В трудные времена он не отступает от своих взглядов и принципов, готов умереть за свои идеалы. Он развит во всех аспектах, сила его духа преобладает над призывами инстинктов – потому его не сломить, не победить.

Высокие результаты по шкале свидетельствуют об эффективной интегрированности человека в социальный контекст при соблюдении субъект-субъектной модели отношений в этом контексте. Такая позиция позволяет строить отношения с окружающими на основе равных прав и возможностей, когда каждый участник взаимодействия рассматривается как самостоятельная ценность, интересы и особенности которой обязательно должны быть учтены. 41 % опрошенных респондентов имеют высокий уровень развития данного личностного качества.

*Низкие результаты по шкале с*видетельствуют о том, что другие люди рассматриваются человеком как пассивные, подневольные объекты. Другие, по его мнению, настолько никчемны, что не могут обладать никакими правами, поэтому обращаться с ними нужно так, как это выгодно ему, а его интересы должны ставиться выше, чем их интересы. Такое отношение становится возможным как результат разделения, разобщения с социумом, что может также проявиться в ощущении своего одиночества и отчаянной непреодолимости барьеров между собой и окружающими. Почти каждый четвертый (24 %) из опрошенных имеют низкий уровень по шкале целостность – дезинтегративность.

Соотношение реактивности и активности образует самостоятельное свойство. Оно проявляется в том, что одни люди действуют в основном под влиянием случайных внешних или внутренних обстоятельств, другие сами сознательно определяют свою линию поведения. Специально следует подчеркнуть, что центральным пунктом теории деятельности, развитой в отечественной психологии, является представление об активном, а не реактивном субъекте.

Низкие результаты по шкале активность – реактивность свидетельствуют, что источник развития личности лежит вне ее. Такому студенту необходимы более или менее интенсивные подталкивания, чтобы начать действовать. При прекращении внешних импульсов он еще функционирует некоторое время по инерции, а затем опять останавливается. Его психологическая система интересов, взглядов и ценностей неустойчива, она может быть поколеблена любым «дуновением» со стороны социума. Он мгновенно реагирует на изменение направления социальных течений и ветров и изменяет направление своего движения вслед за ними, покоряясь воле стихии. Таких студентов – каждый третий из опрошенных (35 %).

Уже с первых курсов у студентов с низким уровнем активности проявляется отчуждение от учебно-профессиональной деятельности. Это мотивационная позиция не только пассивного отказа студента от участия в учебной деятельности, от получения будущей профессии, но и угроза возникновения агрессивного, разрушительного отношения к профессиональной деятельности и к самому себе.

Получены низкие результаты по шкалам: самоценностность – малоценностность, креативность – стандартность. Решающую роль в развитии человека имеют его представления о самом себе – «Я-концепция», центральным звеном которой является «самоценность». Осознание себя, принятие собственной «самости» – предпосылка к более полному и адекватному восприятию других людей, и наоборот, принятие личности другими людьми обычно повышает уровень ее собственной самооценки. Эта концептуальная идея отражает и методологическую позицию выше рассматриваемого качества специалиста по социальной работе, а также дает основание для реализации индивидуально-творческого, акмеологического подходов в профессиональном и личностном развитии, саморазвитии специалиста по социальной работе.

Развитие профессиональной «Я-концепции» способствует осмыслению своей профессиональной роли, выступая в качестве внутренних мотивов профессиональной деятельности. Профессиональное самосознание – это комплекс представлений человека о самом себе как профессионале, это целостный образ себя как профессионала, система отношений и установок к себе как профессионалу, считает А.К. Маркова. У профессионала, обладающего развитым самосознанием, повышается уверенность в себе, удовлетворенность своей профессией, эффективность работы, возрастает стремление к самореализации.

Способностью к преобразованию опыта, полученного в процессе профессиональной подготовки, во многом определяется креативность личности специалиста. Также развитие креативности в рамках профессиональной подготовки специалистов способствует формированию таких важных для специалиста по социальной работе личностных качеств, как толерантность, наблюдательность, самостоятельность, организованность, умение видеть и оценивать ситуацию с различных сторон и т. д. Таким образом, одной из главных задач профессионального образования на современном этапе является развитие креативности личности будущего специалиста, а не только передача знаний, умений и навыков в процессе профессиональной подготовки. Формирование мировоззрения, основанного на многокритериальности решений, стремлении отойти от стереотипов в мышлении, терпимости к мнению, несхожему с собственным, во многом определяет креативность будущего специалиста по социальной работе.

Высокие результаты по шкале «креативность – репродуктивность» свидетельствуют о том, что человек владеет широким поведенческим репертуаром в социальных отношениях и умеет эффективно менять стратегии взаимодействия с социальной средой согласно своим целям. При неизменности своих целей он охотно меняет средства их достижения, если того требуют обстоятельства. Он открыт новому опыту. Его не пугают неопределенность и противоречивость жизненных ситуаций. Он рассматривает жизнь и профессию как поле для созидания. Такой специалист настроен на самоизменение и изменение своих отношений с окружающими. Он не побоится бросить вызов социальным стереотипам, поступив по-своему, не как все. К высокому уровню развития креативности отнесен лишь каждый четвертый респондент.

Перед педагогом возникает цель: создание целостного человека с сильным и светлым духом, способного противостоять соблазнам, помогать слабым, выполнять собственные решения и не сворачивать с выбранного жизненного сценария. Такая позиция позволит будущим специалистам строить отношения с окружающими их взрослыми и детьми на основе равных прав и возможностей, когда каждый участник взаимодействия рассматривается как самостоятельная ценность, интересы и особенности которой обязательно должны быть учтены.

А это значит, что будущие специалисты в области социальной работы способны выстоять против обстоятельств, не погибнуть, не проиграть схватку, выйти из ситуации с наименьшими потерями. Они отличаются твердым характером, отвечают за свои слова, выполняют обещания, обладает высокой моральностью и духовным началом. В трудные времена он не отступят от своих взглядов и принципов.

Целостность подготовки студента в высшей школе позволяет эффективно решать проблему повышения качества высшего образования, обеспечивает будущему специалисту возможность успешно справляться со своими обязанностями профессионала и управленца, стать специалистом, способным видеть главные приоритеты в гуманном отношении к человеку и окружающему природному миру, умеющим эффективно взаимодействовать с ними, обладающим опытом самоорганизации и самореализации; стать центральной фигурой образовательного процесса, обладающей интеллектуальным, духовным, нравственным и физическим ресурсом для решения перспективных социальных и профессиональных задач.

Специалист социальной сферы работает с людьми, чьих возможностей, ресурсов недостаточно, чтобы решать свои проблемы, вследствие чего они прибегают к помощи профессионалов. Многообразие проблем, обстоятельств, вызывающих различные трудности, неповторимость личности каждого клиента определяют необходимость развития креативности у специалистов социальной работы. Важно не просто владеть определенным объемом знаний, уметь их применять на практике, но и творчески их преобразовывать в соответствии с возникшими обстоятельствами. В связи с этим актуальной является разработка и внедрение

креативных технологий в деятельность специалиста по социальной работе, которые помогают отойти от стандартной формы помощи клиенту, способствуют раскрытию его потенциала, изменению мироощущения, восприятию себя в этом мире. При этом «креативная компетентность» понимается как профессиональное качество личности, позволяющее наиболее эффективно и адекватно осуществлять реализацию креативных способностей, что обеспечивает процесс саморазвития креативных проявлений, способствует творческому подходу к профессиональной деятельности, достижению ее максимальной эффективности [9].

Выводы. Полученные данные свидетельствуют о том, что профессиональное обучение специалистов по социальной работе должно быть ориентировано на развитие личности студента; основано на выявлении особенностей обучающегося как субъекта; признание его субъектного опыта как самобытности и самоценности; построение педагогических взаимодействий с максимальной опорой на этот опыт, постоянное согласование в ходе обучения двух видов опыта – общественного и индивидуального; раскрытие индивидуального своеобразия получения знаний через анализ способов познавательной деятельности. Основная задача преподавателя заключается в том, что он помогает студенту в адекватной оценке собственных возможностей, корректирует верояностные противоречия, стремится учесть креативное начало в каждом студенте, развить интерес к собственной профессиональной деятельности.

Основными направлениями, по которым ведется поиск улучшения профессиональной подготовки специалистов в высшей школе, является фундаментализация и методологизация образования, гуманизация образовательного процесса, его целенаправленная профессионализация и компетентностный подход. Профессиональная подготовка специалистов по социальной работе, направленная на развитие их креативности, самоценности, целостности и социальной активности, представляет собой достаточно сложный и многогранный педагогический процесс.

Дальнейшее развитие исследования возможно в следующих перспективных направлениях: выявление закономерностей и динамики развития субъектной позиции студента в образовательном процессе университета, проектирование технологического обеспечения развития субъектной позиции будущего специалиста и субъектной позиции педагога учреждения высшего образования.

Литература

1. Зборовский, Э.И. Методология образовательного стандарта Республики Беларусь по социальной работе: концептуальные положения и возможности / Э.И. Зборовский, К.Э. Зборовский // Социальная работа. – 2010. – № 6. – С. 32–34.

2. Коржова, Е.Ю. Человек как субъект жизнедеятельности и его профессиональное здоровье / Е.Ю. Коржова // Психология здоровья : учебник / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб. : Питер, 2006. – 607 с.

3. Шадриков, В.Д. Профессиональные способности / В.Д. Шадриков. – М. : Университетская книга, 2010. – 320 с.

4. Волкова, Е.Н. Субъектность педагога: теория и практика : дис. … д-ра психол. наук : 19.00.07 / Е.Н. Волкова. – М., 1998. – 308 с.

5. Татенко, В.О. Субъект психической активности: поиск новой парадигмы / В.О. Татенко // Психологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 23–34.

6. Алексеева, Л.В. Юридическая психология: учеб. пособие / Л.В. Алексеева. – М., 2010. – 312 с.

7. Ленглер, О.А. Субъектность человека: психолого-педагогические основы / О.А. Ленглер // Молодой ученый. – 2012. – № 11. – С. 440–442.

8. Шмелева, Н.Б. Введение в профессию «Социальная работа» / Н.Б. Шмелева. – М. : Дашков и К, 2018. – 222 с.

9. Шабанова, О.В. Развитие креативности личности социального работника в процессе профессиональной подготовки в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О.В. Шабанова ; Ульяновский гос. ун-т. – Ульяновск, 2006. – 23 с.

Брестский государственный
университет им. А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 27.02.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 316.612-058.862

Виктимное поведение детей-сирот и его профилактика

С.А. Станибула

Рассматриваются основные характеристики и проявления виктимного поведения у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Рассматривается проблематика личностного развития детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Приводятся различные теоретико-практические направления профилактики виктимного поведения детей-сирот.
Ключевые слова: виктимное поведение; дети-сироты; психологические особенности; социально-психологическая адаптация.

The main characteristics and manifestations of victimization behavior in orphans and children left without parental care are highlighted. The problems of personal development of orphans and children left without parental care are considered. Various theoretical and practical directions for the prevention of victimization behavior of orphans are given.
Keywords: victimization behavior; orphans; psychological features; socio-psychological adaptation.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, на сегодняшний день достаточно многочисленная, требующая особых технологий сопровождения, категория детей, обладающих определенными психологическими особенностями, выраженными в эмоциональной, когнитивной, поведенческой сфере личности. Можно с уверенностью утверждать, что данные психологические особенности формируются в результате глубинной психологической травматизации в следствии сложностей во взаимоотношениях с родительскими фигурами. Данная проблематика выражается в сложностях в социально-психологической адаптации к различным условиям жизнедеятельности, что в конечном счете может привести к существенной виктимизации и невозможности конструктивно включаться в социальные процессы. В данной работе выявляется специфика виктимного поведения детей-сирот.

Виктимность в различных литературных источниках рассматривается с различных теоретико-методологических аспектов.

Е.С. Фоминых, рассматривая виктимность с позиций диспозиционного направления, подчеркивала, что данный аспект является свойством личности, лежащим в основе огромного количества процессов, среди которых ключевым является предрасположенность становиться жертвой [1, с. 13], [2].

Параллельно с работами Е.С. Фоминых другие специалисты также концептуализировали виктимность как свойство личности. Так, М.А. Одинцова понимает под виктимностью «устойчивую личностную особенность, обусловленную сочетанием индивидуально-типологических, характерологических детерминант, взаимодействующих с внешними факторами, не всегда связанными с ситуациями насилия, но способствующими виктимной активности, находящую воплощение в ролевом виктимном поведении» [3, с. 53].

В современных теоретико-практических исследованиях можно гипотезировать существенную методологическую неясность понятий «виктимность» и «виктимное поведение».

Во многих теориях авторами подчеркивалась ключевая фундаментальная тенденция, свойственная личности и проявляющаяся в поиске выгоды от виктимного поведения вследствие актуализации различной выгоды от исполнения роли жертвы [4], [5], [6], [7], [8], [9]. В частности, M.D. Karpman выделял намеренные виктимные тенденции с целью воздействия на окружающих людей, с целью удовлетворения различных потребностей, среди которых ведущими являются забота, внимание, уважение, а также тенденции избегания ответственности и выполнения различных требований [8], [9]. В рассматриваемых теоретических исследованиях виктимное поведение – это определенное компенсаторное поведение, направленное на удовлетворение ключевых потребностей и получение социальной выгоды. Окружающие люди выступают в позиции страдающей, уязвимой стороны.

В других теориях авторами подчеркивалась вынужденная природа виктимного поведения вследствие неблагоприятных социальных обстоятельств и отрицалась выгода от исполнения роли жертвы, а, напротив, выделялось ключевое переживание психологического дискомфорта вследствие исполнения роли жертвы [10], [11], [12].

Л.С. Выготский в своих исследованиях выявил яркую тенденцию, что в процессе стигматизации личность испытывает страдания и переживает чувство неполноценности. В процессе воспитания существенным образом поддерживаются интенции получения выгоды от переживания беспомощности и неполноценности [13]. Таким образом, в структуре стигматизации прослеживается два разнонаправленных динамических процесса, с одной стороны, отвержение и непринятие роли жертвы, с другой стороны, тенденциями по ее сохранению. Данные теоретические заключения подтверждаются исследованиями М.А. Одинцовой [14], [15], которая в серии теоретико-практических исследований пришла к выводу, что сила рентных установок возрастает в процессе перехода исполнения личностью роли социальной и игровой жертвы к приобретению роли жертвы.

В эмпирических исследованиях О.О. Андронникова [16] подчеркивается влияние условий социальных закономерностей и окружения на личностные особенности человека, что в совокупности приводит к виктимному поведению.

Как отмечалось выше, специфика развития личности детей-сирот обладает определенными индивидуально-типологическими особенностями и существенной социально-психологической проблематикой, что приводит к ярко выраженному виктимному поведению. Это подтверждается исследованиями Г.В. Семьи, которая отмечает, что для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, характерен высокий уровень виктимности, причиной которого является опыт ранней депривации, в следствии которой личность ребенка-сироты формируется дисгармоничной и социально уязвимой. Высокий уровень виктимности также обусловлен у детей данной категории ярко выраженной физической слабостью, неспособностью конструктивно выходить из конфликтной ситуации, социально-психологической дезадаптивностью и др. [17].

Многие исследователи особенностей виктимного поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подчеркивают ключевые аспекты в формировании виктимности в особенностях и специфике отношений со значимыми объектами в семейной системе, в частности, травматический семейный опыт материнской депривации, нарушения привязанности. Специфика семейных отношений детей данной категории характеризуется высокой степенью дезорганизации, дисгармоничности, инверсией ролей, конфликтности, асоциальности, аморальности, размытостью границ [1].

Е.С. Фоминых в своих исследованиях выявила ключевое значение социальных детерминант в формировании виктимного поведения у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Ведущим аспектом выступают условия социального окружения, в частности, условия интернатного учреждения или приемной и замещающей семьи. Негативные социальные условия не позволяют личности эффективно интегрировать полученный травматичный опыт, полученный в результате взаимоотношений с биологическими родителями, что приводит к существенным биопсихосоциальным нарушениям, которые в конечном счете приводят к виктимной личностной деформации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данные аспекты подтверждаются многочисленными исследованиями, в которых одним из ключевых факторов формирования виктимного поведения у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей является феномен притеснения в условиях социального окружения [1], [2]. Процесс виктимизации у детей-сирот характеризуется усугублением конфликтных отношений с детьми, осуществляющими притеснение [18].

Основными депривационными факторами в интернатных учреждениях, ведущими к виктимному поведению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в различные возрастные периоды, были определенны:

– в младенческом возрасте: отсутствие предсказуемого, эмоционально-стабильного объекта; эмоциональная недоступность объекта привязанности; дефицитарность в области сенсорного контакта;

– в раннем возрасте: воспитание в коллективной среде;

– в дошкольном возрасте: отсутствие стабильности и сменяемость взрослых в интернатом учреждении; однотипный, не учитывающий индивидуальность личности, подход в воспитании; жесткая структуризация воспитания; исключение возможности для ребенка планировать свой распорядок дня; невозможность в установлении доверительных отношений со взрослыми; эмоциональная дистанция со взрослыми, обусловленная тенденциями педагогического состава игнорировать потребности ребенка;

– в младшем школьном возрасте: установка педагогического состава о ключевой роли академической успеваемости в общей оценке личности ребенка сироты, а также ориентация на социально неприемлемые личностные особенности детей данной категории;

– в подростковом возрасте: отсутствие выбора и спонтанности в пользу регламентации как обучающего, так и бытового контекста [19].

Исходя из изложенного, существенной проблематикой выступает вопрос девиктимизации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Девиктимизация выступает как процесс преодоления дефицитарности личностной компетенции в психологическом и социальном контексте. Девиктимизация направлена на изменение социальной среды, а также формирование таких качеств, которые способны преодолевать ролевое виктимное поведение. Исходя из этого, а также особенностей виктимного поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нами были выделены основные направления девиктимизации детей данной категории:

1. Формирование личностных диспозиций, выполняющих антивиктимную функцию: развитие внутренних ресурсов личности, изменение представлений о себе и о мире в целом, коррекция нарушений привязанности у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [20], [21].

2. Создание условий для формирования виктимиологической безопасности для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данный процесс обеспечивается построением эффективных паттернов коммуникаций педагогических работников с виктимными детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Среди ключевых аспектов, благоприятствующих формированию виктимиологической безопасности является формирование у педагогических работников определенных психологических компетенций, препятствующих виктимизации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях интернатного обучения или в учреждениях, занятых социально-психологическим сопровождением детей данной категории.

Данные направления базируются на положениях, согласно которым существенные психологические категории (поведенческие, эмоциональные, когнитивные) развиваются и формируются в контакте личности и среды [22]. Таким образом, потенциал развития личности актуализирован в сфере трансформации границ психологического пространства.

Можно утверждать, что успешная девиктимизация возможна с позиций учета психологических, социальных и физиологических категорий, с позиций биопсихосоциальной методологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что виктимное поведение у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, формируется как следствие совокупности психологических особенностей, среди которых ключевыми выступают особенности взаимодействия с ранним объектом привязанности, специфики семейного функционирования и социальных аспектов развития детей данной категории, среди которых ключевыми можно определить такие как, негативные условия интернатного воспитания и замещающей семьи, в которых ребенок не способен получить позитивный опыт взаимодействия со взрослыми и сверстниками, а сталкивается с притеснением, что вызывает глубинную виктимизацию детей данной категории.

Литература

1. Фоминых, Е.С. Психолого-педагогическое сопровождение девиктимизации студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве вуза : дис. … канд. психол. наук : 19.00.07 / Е.С. Фоминых. – Оренбург, 2012. – 290 л.

2. Фоминых, Е.С. Психология виктимности: учебно-методическое пособие / Е.С. Фоминых. – Оренбург, 2016. – 167 с.

3. Одинцова, М.А. Типы поведения жертвы. Диагностика ролевой виктимности : монография / М.А. Одинцова. – Самара : Бахрах-М, 2013. – 160 с.

4. Хорни, К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление / К. Хорни. – К. : PSYLIB, 2006. – 239 с.

5. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 464 с.

6. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн ; пер. с англ. А.А. Грузберга. – М. : ЭКСМО, 2008. – 576 с.

7. Адлер, А. Комплекс неполноценности. Наука жить / А. Адлер ; пер. с англ. Е.О. Любченко. – Киев : Port-Royal, 1997. – 90 с.

8. Карпман, С. Анализ ролей и положений в сказках и жизненных сценариях / С. Карпман // Вестн. нейро-лингвистического программирования [Электронный ресурс]. – 2014. – № 37. – Режим доступа : http://www.vestniknlp.ru. – Дата доступа : 10.09.2016.

9. Karpman, M.D. Fairy tales and script drama analysis / M.D. Karpman // Transactional Analysis Bulletin. – 1968. – Vol. 7, № 26. – P. 39–43.

10. Селигман, М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман. – М. : София, 2006. – 368 с.

11. Goffman, E. Stigma: notes on the management of spoiled identity / E. Goffman. – Harmondsworth, UK : Penguin, 1963. – 168 p.

12. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. / Под общ. ред. П.С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.

13. Выготский, Л.С. Принципы воспитания физически дефективных детей : хрестоматия / Л.С. Выготский // Сурдопедагогика : хрестоматия / Национальный пед. ун-т им. М.П. Драгоманова ; под ред. Л.И. Фомичевой. – Київ, 2003. – Т. 2. – С. 154–173.

14. Одинцова, М.А. Анализ подходов к понятию «жертва» (в религии, философии, психологии) / М.А. Одинцова // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 234–238.

15. Одинцова, М.А. К вопросу об исследованиях проблемы жертвы в психологии / М.А. Одинцова // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. – 2011. – № 18. – С. 28–31.

16. Андронникова, О.О. Основные теоретические подходы к исследованию ролевой позиции жертвы / О.О. Андронникова // Психология. – 2012. – № 1. – С. 78–98.

17. Семья, Г.В. Основы психологической защищенности детей-сирот при международном и национальном усыновлении / Г.В. Семья // Развитие личности. – 2004. – № 1. – С. 71–86.

18. Сошина, Н.Л. Притеснение как фактор виктимизации детей-сирот подросткового возраста в закрытых воспитательных учреждениях / Н.Л. Сошина // Вестник ТГУ. – 2009. – № 5 (73). – С. 161–164.

19. Фоминых, Е.С. Проблема виктимогенного потенциала в феноменологии сиротства: социальная депривация как фактор формирования позиции жертвы / Е.С. Фоминых // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2016. – № 3 (26). – С. 100–104.

20. Станибула, С.А. Коррекция нарушений привязанности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / С.А. Станибула // Профессиональное образование. – 2017. – № 3 (29). – С. 29–33.

21. Коррекция социально-психологической дезадаптации у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / С.А. Станибула // Профессиональное образование. – 2017. – № 2 (28). – С. 29–32.

22. Станибула, С.А. Роль нарушении привязанности в развитии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / С.А. Станибула // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2017. – № 5. – С. 76–80.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

Право

УДК 343.265.22:343.13

К вопросу об уголовно-правовой медиации и ее ресоциализационном потенциале

Т.П. Афонченко

Декларированные цели (задачи, функции) уголовной ответственности достигаются в рамках различных этапов ее реализации, каждый из которых в первую очередь должен быть непосредственно направлен на результативное исправительно-ресоциализирующее воздействие на лицо, вступившее в конфликт с законом. В идеале, эффективное средство преодоления потенциальных сложностей при социальной адаптации в перспективе, отвечающее потребностям современного общества и стандартам человеческого измерения, – это предотвращение осуждения и направления в места лишения свободы, что возможно и на этапе, когда преступление уже совершено, в рамках частноправовых начал восстановительного правосудия (например, в форме медиации), являющегося эффективной альтернативой уголовному преследованию.
Ключевые слова: ресоциализация, восстановительное правосудие, уголовно-правовая медиация, гражданское общество.

The declared goals (tasks, functions) of criminal responsibility are achieved within the framework of various stages of its implementation, each of which, first of all, must be directly aimed at an effectiveness of the corrective-resocializing impact on a person who has come into conflict with the law. Ideally, an effective means of overcoming potential difficulties in social adaptation in the future that meets the needs of modern society and the standards of the human dimension is the prevention of conviction and referral to places of deprivation of liberty. This is also possible at the stage when the crime has already been committed, in the framework of the private law principles of restorative justice (for example, in the form of mediation), which is an effective alternative to criminal prosecution.
Keywords: resocialization, restorative justice, criminally-legal mediation, civil society.

Введение. Прогрессивные положения международных правовых актов и на их основе национальные законодательные системы различных государств значительную долю внимания уделяют реституционному правосудию, видя в нем альтернативу устоявшимся стереотипам пунитивного (англ. punitive – карательный) правосудия, в практике правоприменительной деятельности (следственной и судебной) зачастую приобретающего обвинительный уклон.

Основная часть. В Республике Беларусь в настоящее время на законодательном уровне медиация предусмотрена в целях урегулирования споров, в основном возникающих из гражданских правоотношений (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О медиации») [1]. Подобная правотворческая позиция повлекла «выпадение» из законодательного регулирования и сферы правоприменения возможности для потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на правовых началах прийти к соглашению вне рамок уголовного процесса на основе медиации. Отдельные авторы отмечают, что уголовно-правовая медиация в настоящее время считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку ее идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса [2, с. 127]; некоторые полагают, что уголовно-правовая медиация наиболее востребована в правосудии по делам несовершеннолетних, поскольку позволяет сузить сферу карательного воздействия уголовных наказаний на лиц, не достигших возраста совершеннолетия, посредством законодательного закрепления пределов назначения и возможного применения мер, альтернативных уголовному наказанию, в рамках институциональных моделей ювенальной юстиции [3, с. 71], [4, с. 105], [5, с. 31–35]. В то же

время, как отмечает В. Каменков, сегодня о медиации в уголовном праве и процессе не только говорят, но и активно используют, программы примирения потерпевшего и правонарушителя являются самой распространенной формой восстановительного правосудия в ряде государств Европы, в Японии, в США и иных государствах американского континента [6, с. 18–19], [7, с. 24–28], [8, с. 202–208], [9, с. 12–24]. Среди государств – участников СНГ медиация предусмотрена соответствующим законодательством Республики Казахстан (ст. 68 УК Республики Казахстан, ст. 85 УПК Республики Казахстан) [10], [11]. Проведенная в Республике Казахстан реформа уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, которая завершилась принятием и вступлением в действие с 2015 г. новых УК, УПК и УИК, расширила социальную основу для постепенного введения уголовно-правовой медиации в республике. Выражается это в том, что созданы правовые предпосылки формирования различного рода общественных образований для содействия деятельности уголовной юстиции. Сегодня как начало этого процесса предусматривается создание консультативно-совещательных органов и учреждений, прежде всего, на региональном уроне, а также общественных наблюдательных комиссий (ст. 18 и 33–38 УИК Казахстана) [12].

Независимо от способа описания в законодательстве и применяемой модели медиации (что зависит от сложившейся системы национального уголовного правоприменения в том или ином государстве), медиация в уголовном праве выступает как упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами, в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел [13, с. 157–158]. Медиация при посредничестве лиц, прошедших профессиональную юридическую и психологическую подготовку в данном направлении, представляется формой, весьма востребованной в перспективе. Медиатор в уголовно-правовом конфликте мог бы участвовать на различных стадиях уголовного процесса как третья, нейтральная, незаинтересованная сторона. В процессе переговоров медиатор оказывал бы помощь сторонам (обвиняемому и потерпевшему), что способствовало бы пониманию требований и интересов лица, которому в результате преступления причинен физический, материальный и моральный ущерб, а также большей степени инклюзивности виновного в процесс возмещения причиненного вреда. Кроме того, деятельность медиатора помогла бы более четко определить занимаемые позиции, подвести участников уголовного правоотношения к поиску конструктивного решения конфликта, приемлемого для обеих сторон, способствовать рационализации правосудия и снизить показатели так называемой цены преступности [14, с. 19]. Как указывает О.В. Кузьмина, «альтернативные уголовному преследованию меры дают возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения» [15, с. 54].

На наш взгляд, в рамках процедур восстановительного (реституционного) правосудия и медиации как формы компромисса и, в определенной степени, достижения гармонии между принуждением и поощрением в уголовном праве, можно говорить о частичной ресоциализации виновного лица, которое реально осознает, что совершило, в процессе общения с потерпевшим, и уже на данном этапе может восстановить свое доброе имя путем возмещения вреда и успешнее реинтегрироваться в общество [16, с. 43]. Значительный потенциал в стимулировании положительного постпреступного поведения позволяет, по мнению Л.В. Павловой, «рассматривать, например, добровольное устранение причиненного вреда и уголовно-правовую реституцию в качестве самостоятельных средств уголовно-правового воздействия» [17, с. 148–155].

Тем не менее, важно понимать, что концепция восстановительного, или восстановильно-реабилитационного правосудия в отношении лица, вступившего в конфликт с уголовным законом, не ограничивается примирением обвиняемого и потерпевшего. В числе ее целей, помимо стремления минимизировать или избежать применения традиционной уголовной санкции в рамках реализации уголовной ответственности посредством примирения с потерпевшим и возмещения ему причиненного преступлением вреда, также присутствует цель выработать на данной основе совместно с потерпевшим и специалистами в области медиации программу реабилитации лица вне рамок уголовной ответственности либо наряду с приме-

нением соответствующей уголовной санкции. Вне такого понимания формирование полноценного института ресоциализации осужденного на основе примирительных процедур фактически лишено перспектив развития [12].

По справедливому утверждению О.В. Петровой, «создание восстановительного правосудия – достаточно сложная реформа деятельности уголовной юстиции» [18, с. 305]. Разумеется, процедура уголовно-правовой медиации лиц, преступивших закон, должна быть организационно обеспечена развитой системой социальных учреждений реабилитацинного характера, коммуникация с которыми на основе примирения с потерпевшим на досудебной стадии уголовного судопроизводства позволит эффективно и ответственно осуществлять социальную реабилитацию правонарушителя на условиях альтернативы традиционному наказанию. В подобном случае задача уголовно-правовой медиации состоит не только в том, чтобы примирить правонарушителя с потерпевшим, но и в том, чтобы обеспечить его реабилитационно-профилактическое примирение с требованиями правопорядка, осознание необходимости их соблюдения. Именно на этой основе представляется возможным сделать вывод о целесообразности освобождения лица от уголовной ответственности при условии его добровольного участия в предложенных реабилитационных мероприятиях либо о необходимости совмещения соответствующей реабилитационной программы (реабилитационных мероприятий) с применением мер уголовной ответственности.

Следует согласиться с тем, что вялотекущий процесс введения медиации в уголовно-правовую сферу и незаинтересованность в нем публичных институтов обусловлен неподготовленностью социальной сферы, отсутствием правовых оснований ее включенности в правосудное разрешение уголовно-правовых конфликтов и, как следствие, – неполнотой законодательного регулирования медиации в системе уголовной юстиции.

Важной особенностью медиации в системе уголовной юстиции, в отличие от медиации в частно-правовой сфере, является ее построение на императивной основе, что обусловлено публично-правовыми функциями и целями уголовной ответственности. При всей важности компенсаторного механизма удовлетворения интересов потерпевшего от преступления на основе примирения, ключевой задачей деятельности уголовной юстиции, а, следовательно, и медиации в системе уголовного судопроизводства, остается социально-профилактическая (исправительно-предупредительная) функция уголовного закона. Это вовсе не означает, что мы выступаем против повышения конструктивной роли потерпевшего как жертвы преступления в разрешении уголовно-правового конфликта и определении интенсивности исправительного воздействия на правонарушителя. Но ставить вопрос таким образом, что потерпевший должен стать центральной фигурой уголовного процесса, определяя способ, размер, сроки возмещения ущерба, и уровнем удовлетворения потерпевшего предложенными реституциями в рамках медиативного примирения должны определяться уровень и степень уголовно-правового воздействия на лицо, совершившего преступление, на наш взгляд, недопустимо.

Трансформация института примирения в рамках процедуры медиации по уголовным делам в сугубо экономическую плоскость в социальном и криминологическом отношении дискредитирует уголовный закон и его цели, реализуемые посредством неотвратимости уголовной ответственности, которая должна и может замещаться иными мерами социально-профилактического или реабилитационного характера. Сближение уголовно-правового воздействия с экономической составляющей (так называемая фискальная функция уголовного права) в целом подвергается критике [19, с. 73], [20, с. 243].

Уголовно-правовая медиация – это особая процессуальная процедура в рамках традиционного уголовного судопроизводства, в процессе которой должна быть подготовлена, сформулирована и предложена программа принудительной реабилитации лица вне уголовной ответственности или наряду с ее применением. Следовательно, медиация в уголовном процессе – это не просто процедура примирения с потерпевшим при участии медиатора, а социально-криминологическая диагностика (объективных и субъективных причин преступного и иного антиобщественного поведения) лица, условий его жизни и воспитания на предмет степени антиобщественной запущенности и ее мотивационной устойчивости, по результатам которой составляется программное (комплексное) реабилитационное заключение.

Уголовно-правовая медиация – это сопряженный с уголовным преследованием процесс, но в котором лицо, находящееся в состоянии конфликта с уголовным законом (совершившее преступление), рассматривается преимущественно в качестве жертвы совокупности криминогенных обстоятельств социального окружения и иных значимых обстоятельств. Только на основе подобной конструкции и понимания содержания уголовно-правовой медиации она может быть адекватно встроена в систему уголовного судопроизводства.

Далее, весьма важно уточнить в законе круг субъектов уголовно-правовой медиации. Так, например, возникает вопрос о том, является ли виновный по уголовному делу участником (и в каком качестве) медиативного процесса. Скорее он и сторона, и объект воздействия этого процесса по отношению к иным участникам процедуры медиации, что определяет круг его прав и обязанностей по отношению к другим участникам.

Использование конструктивных реабилитационных (воспитательно-профилактических) механизмов позволяет избежать так называемого ситуативного раскаяния, продиктованного желанием избежать применения уголовной ответственности или смягчить ее по установленному факту совершения преступления, выражаемого в сиюминутном чистосердечном раскаянии и в обобщенной установке на соблюдение правопорядка, не подкрепленной фиксированными навыками осознанного правопослушного поведения. В мировой практике освобождение от уголовной ответственности или наказания в контексте уголовно-правовой медиации – это не завершение процедуры медиации, а ее последовательное продолжение. В процессуальном отношении это всего лишь передача уполномоченным органом уголовного преследования или судом материалов дела социальным службам, в том числе органам образования, социального сопровождения или постоянно действующим семейным или коммунальным конференциям, которые в свою очередь предметно и целенаправленно осуществляют комплекс реабилитационных программ в отношении лица на индивидуальной основе. Данный процесс проходит под контролем уполномоченных органов уголовного преследования или суда.

Основная задача указанных социальных формирований – на практическом опыте и при поддержке инициатив и институтов гражданского общества – сформировать эффективную социальную инфраструктуру государственных и негосударственных учреждений, которые в соответствии с действующим законодательством будут уполномочены и обязаны осуществлять реабилитационную программу как альтернативу сугубо карательным или относительно карательным функциям уголовной ответственности.

Процесс уголовно-правовой медиации должен осуществляться на плановой и программной основе с учетом криминологической характеристики контингента, преступивших закон, проводиться преимущественно на договорной основе, с формированием блока оказываемой им помощи и его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах пробации (испытания). Это наиболее приемлемая форма программного осуществления процесса медиации в уголовном процессе. Она персонифицировано ориентирована на ответственное и контролируемое самововлечение лица, вступившего в конфликт с уголовным законом, в процесс позитивной социальной реинтеграции в общество, учитывает его заинтересованность и самоответственность в этом. Задача медиации в рассматриваемой плоскости состоит в том, чтобы примирить правонарушителя на основе разрешения конфликта с потерпевшим с необходимостью возмещения причиненного вреда, а также добропорядочного и бесконфликтного поведения, выработать программу его адаптации к такому образу поведения на постоянной основе. В случае умышленного неисполнения лицом обусловленных подобной пробационной программой мер воздействия, в том числе сочетающейся, например, с мерами профилактического наблюдения (два и более раз в течение года), пробация по представлению специализированного государственного органа отменяется судом, и материалы направляются для привлечения лица к уголовной ответственности, если не истек срок давности.

В целом, процесс уголовно-правовой медиации находится в стадии становления и формирования, в первую очередь, на научно-теоретической основе. Но уже сегодня он способен в комплексе обеспечить предметное взаимодействие органов уголовно-исполнительной сис-

темы, наблюдательных комиссий, органов образования, местных органов управления и самоуправления, органов медиации, суда в стремлении выйти на создание оптимальной модели уголовно-правовой медиации как одной из форм социальной реабилитации лица, допустившего девиантное поведение.

Эта система отражает также некоторые инновационные стратегии, включающие: необходимость учитывать культурную среду и соответствовать ей; привлечение семьи и иных сообществ к участию на всех стадиях принятия решений в отношении их члена; предоставление возможности самим преступившим закон высказываться по поводу того, какие меры следует к ним применить за совершенное правонарушение; участие потерпевших в обсуждении вопроса о возможных санкциях для правонарушителей; принятие решения по обоюдному согласию при посредничестве профессиональных служб медиации. Международный опыт показывает, что наиболее полно правосудие работает в тех странах, где обеспечен эффективный формат взаимодействия между различными структурами общества.

Заключение. По своим принципам и процедурам система медиации по уголовным преступлениям может и должна выстраиваться как модель восстановительно-реабилитационного правосудия при условии, что она не нивелирует принцип неотвратимости ответственности, создает веские основания для предпочтительной замены формальных уголовных процедур и санкций на альтернативные меры и применение мер общественного воздействия, а также включает комплекс мероприятий по социальной реабилитации лица, преступившего закон.

Литература

1. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г. № 170–З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Головко, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головко // Закон. – 2009. – № 4. – С. 127–135.

3. Топорикова, О.О. Возможности использования примирительных процедур при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних / О.О. Топорикова // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 23 апреля 2010 года / М-во образования Республики Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г.А. Короленок [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 71–73.

4. Крестовская, Н.Н. Европейские модели ювенальной юстиции и Украина / Н.Н. Крестовская // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр. в 2-х т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск, 2008. – Т. 2. Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе. – С. 103–105.

5. Ярмоц, Е.Н. Институциональная структура ювенальной юстиции / Е.Н. Ярмоц // Право.by. – 2014. – № 1 (27). – С. 31–35.

6. Каменков, В.С. Медиация в уголовно-правовой сфере в Беларуси и других странах / В.С. Каменков // Законность и правопорядок. – 2015. – № 4. – С. 18–23.

7. Ельчанинов, А.П. Зарубежный опыт реализации процедур медиации в уголовно-правовой сфере / А.П. Ельчанинов // Мировой судья. – 2013. – № 2. – С. 24–28.

8. Василенко, А.С. Медиация в уголовном процессе США / А.С. Василенко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 202–208.

9. Попаденко, Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве / Е.В. Попаденко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 144 с.

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан, 4 июля 2014 г. № 231-V: введен в действие с 1 янв. 2015 г. // Параграф: информационные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=4718;–120&pos2=1053;–126. – Дата доступа : 20.03.2017.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, 3 июля 2014 г. № 226–V: введен в действие с 1 янв. 2015 г. // Параграф: информационные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=7065;–132&pos2=1861;–144. – Дата доступа : 20.03.2017.

12. Ескендиров, А.А. Ювенальная медиация (из опыта Республики Казахстан) // А.А. Ескендиров // Право.by. – 2016. – № 4 (42). – С. 128–133.

13. Сизова, В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия / В.Н. Сизова // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2015. – № 3 (31). – С. 156–158.

14. Шестаков, Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. Избранное / Д.А. Шестаков. – СПб. : Издательство «Юридический центр», 2015. – 432 с.

15. Кузьмина, О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском угловном праве / О.В. Кузьмина // Lex Russia. – 2015. – № 1 (Том XCVIII). – С. 51–58.

16. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 223 с.

17. Павлова, Л.В. Добровольное устранение вреда, уголовно–правовая реституция и государственная компенсация как средства обеспечения права потерпевшего от преступления на устранение причиненного вреда / Л.В. Павлова // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д.В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. – С. 143–175.

18. Петрова, О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / О.В. Петрова // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск : БГУФК, 2009. – Вып. 2. – С. 302–310.

19. Кострова, М.Б. Уголовно-правовые механизмы компенсационного характера как один из трендов «экономико ориентированной» уголовной политики России / М.Б. Кострова // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 73–79.

20. Скрипченко, Н.Ю. Преодоление экономического кризиса уголовно-правовыми средствами / Н.Ю. Скрипченко // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Российского Конгресса уголовного права, посв. памяти доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова, Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – М. : Юрлитинформ, 2018. – С. 240–243.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 18.08.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК: 342.571

Условия ограничения права граждан на осуществление общественного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты)

В.В. Гончаров

Настоящая статья посвящена конституционно-правовому анализу условий ограничения права граждан России на осуществление общественного контроля. В работе исследуется право граждан страны на осуществление общественного контроля, являющееся относительным, публично-политическим правом по защите прав народа на народовластие и участие в государственном управлении. Автор проводит анализ общих и специальных конституционно-правовых условий ограничения прав и свобод человека и гражданина в России.
Ключевые слова: общественный контроль, условия ограничения права, Российская Федерация, народовластие, участие граждан в управлении государством, органы государственной власти, органы местного самоуправления, публичные полномочия, конституционно-правовой анализ.

This article is devoted to the constitutional and legal analysis of the conditions of restriction of the right of citizens of the Russian Federation to exercise public control. The author studies the right of citizens of the country to exercise public control, which is a relative, public political right to protect the rights of the people to democracy and participation in government administration. The author analyzes the general and special constitutional legal conditions for restricting the rights and freedoms of a person and citizen in Russia.
Keywords: public control, conditions of restriction of law, Russian Federation, democracy, participation of citizens in the government administration, public authorities, local authorities, public powers, constitutional and legal analysis.

Процесс реализации права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля индивидуально либо посредством деятельности органов общественного контроля, как и любого другого права человека и гражданина, предполагает инициирование целой системы общественных отношений, которые затрагивают права, свободы и законные интересы иных физических лиц, а также юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления. При этом, как отмечает ряд авторов: «Конституция России … одновременно устанавливает деление основных прав человека и гражданина на абсолютные, под которыми в конституционном праве (в отличие от гражданского права) понимают права, не подлежащие ограничению или отмене ни при каких условиях, и относительные, в отношении которых в соответствующих случаях могут устанавливаться некоторые ограничения, критерии и границы которых определены самой Конституцией» [1]. И если, например, признание права человека на жизнь в качестве абсолютного права в Конституции Российской Федерации 1993 г. имело логическим следствием отмену смертной казни в нашей стране, то право граждан на осуществление общественного контроля носит относительный характер.

Согласно общепринятой классификации основных прав и свобод человека и гражданина, упомянутых в Конституции России, ряд авторов сводит их к трем основным группам: 1) личным; 2) публично-политическим (политическим); 3) экономическим, социальным и культурным. При этом отдельно выделяются конституционные гарантии прав и свобод [2, с. 140–181], [3, с. 267–269, 326–340], [4, с. 191–192, 294].

В свою очередь, С.А. Авакьян совершенно справедливо относит конституционные гарантии прав и свобод к четвертой категории основных прав и свобод, называя их «правами по защите других прав и свобод» [5, с. 669–670].

В связи с этим, представляется, что реализация права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля, являющегося относительным, публично-политическим правом по защите прав народа на осуществление народовластия и участие в государственном управлении, носит не безусловный характер, и в определённых случаях право на осуществление общественного контроля может быть ограничено.

Данные ограничения нисколько не умаляют право граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля, а лишь определяют такие правовые рамки его реализации, при которых данное право не препятствует реализации иных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления. Как справедливо отмечает в связи с этим В.Д. Зорькин: «Конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенной иерархической соподчиненности… при этом недопустимы подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности» [6, с. 81], [3, с. 8].

Рассмотрим условия ограничения права граждан России на осуществление общественного контроля через призму общих и специальных конституционно-правовых условий ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Конституция Российской Федерации, закрепляя в ст. 17, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией, выделяет общее условие их реализации: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Ряд авторов справедливо высказывает критику в отношении данного положения Основного закона страны, отмечая, что «в указанной норме используется достаточно мягкая формулировка: «не должно нарушать», вместо «возможной» – «запрещается». При этом в ряде конституционных положений, касающихся прав и свобод человека и гражданина, применяется категоричность в выражениях, т. е. устанавливаются именно запреты. Например, запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19)» [7].

Таким образом, государство, по сути, регулирует не только пределы своего вмешательства в осуществление человеком своих прав, но и устанавливает границы для индивидов в осуществление ими своих прав в отношениях между собой.

В свою очередь, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации закрепляет общие условия ограничения прав и свобод человека и гражданина: 1) они могут быть ограничены только федеральным законом; 2) данные ограничения действительны только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Кроме того, ст. 13 Конституции России запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Таким образом, как справедливо отмечает А.С. Гриценко: «Конституционные права и свободы защищены в той мере, пока государство не противопоставляет им какие-либо общественно значимые интересы, требующие вмешательства в сферу их реализации или ограничения» [8, с. 124].

Данные нормы Основного закона по сути развивает и дополняет положения Всеобщей декларации прав человека, в которой закреплено положение о том, что ограничения прав и свобод человека и гражданина могут быть установлены «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [9]. При этом, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах закрепил в ст. 4 возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, устанавливая и пределы подобного ограничения [10]. Таким образом, ограничения прав и свобод человека и гражданина ограничиваются рамками определённых целей, по достижении которых дальнейшее ограничение является неправомерным.

Как отмечает Д.А. Оспанова: «Особое значение для установления предельности ограничений прав и свобод имеют Сиракузские принципы … в которых содержатся положения, устанавливающие пределы ограничений как в общем плане, так и с достаточной степенью их

конкретизации… в них встречается положение о том, что ограничения не должны быть «произвольными» и «неразумными» (ст. 7, 16, 34 и т. д.), т. е. они должны быть введены по законодательно установленной процедуре и быть необходимыми» [11]. Таким образом, международное законодательство создает препятствие для национального законодательства в установлении таких ограничений в реализации прав и свобод граждан, которые обусловлены не интересами общества в целом, а также сохранением и развитием государства, но продиктованы частными интересами отдельных органов власти, их должностных лиц, а также бизнеса. Данное обстоятельство подтверждает и международная судебная практика. В частности, как отмечает Н. Варламова, Европейский Суд по правам человека признает ограничения прав и свобод человека и гражданина, преследующие легитимные цели, правомерными, если они необходимы в демократическом обществе [12, с. 224].

Кроме общих условий ограничения прав и свобод человека и гражданина Конституция России закрепляет и специальные условия, обусловленные наступлением определённых обстоятельств. Так, ст. 56 Основного закона РФ закрепляет положение о том, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Однако, введение чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях должно быть обосновано обстоятельствами, установленными Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», осуществляться в порядке, им предусмотренном [13]. Кроме того, Конституция России закрепляет в ч. 3 ст. 56 перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению даже при режиме чрезвычайного положения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в специальном режиме и на основании ст. 7 Федерального конституционного закона 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [14].

На ограничение права граждан России на осуществление общественного контроля распространяются те же условия, предусмотренные Конституцией России и действующим законодательством, как и на другие относительные, публично-политические права. Более того, в связи с тем, что право на осуществление общественного контроля выступает в виде гарантии реализации народом (обществом) своих прав на народовластие и участие в управлении государственными делами, Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в ч. 3 ст. 4 закрепляет положение о том, что не допускается принятие нормативных правовых актов в целях воспрепятствования осуществлению общественного контроля.

В силу того, что Конституция Российской Федерации детально не регламентировало право народа на осуществление общественного контроля, а также персональные условия его ограничения, А.С. Гриценко высказывает справедливое мнение о том, что «в целях защиты тех конституционных прав и свобод, которые не до конца заручились поддержкой общественности, возможным представляется исходить из того, что конституционный акт – это не только общественный консенсус, но и сознательно избранная долговременная стратегия. С его помощью общество или отдельные его члены стремятся защитить себя от наиболее опасных и спорных политических тенденций» [8, с. 123–124].

Таким образом, ограничение права граждан Российской Федерации на общественный контроль допускается только на условиях и в пределах, предусмотренных Основным законом страны и федеральными законами (федеральными конституционными законами).

Представляется, что необходимость ограничения права граждан Российской Федерации на общественный контроль вызвана рядом причин.

Во-первых, обеспечением беспрепятственной законной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Во-вторых, недопустимостью необоснованного вмешательство субъектов общественного контроля в деятельность органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия. Однако, в этой связи В.В. Гриб справедливо отмечает, что подобное огра-

ничение полномочий субъектов общественного контроля не должно иметь следствием бесконтрольную деятельность органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия [15, с. 154].

В-третьих, в процессе осуществления мероприятий общественного контроля не должна нарушаться хозяйственная деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в части осуществления ими своих имущественных и личных неимущественных прав и свобод.

В-четвертых, мероприятия общественного контроля не должны нарушать либо ограничивать права, свободы и законные интересы человека и гражданина, а также создавать препятствия в их реализации. Особенно это касается, по мнению ряда авторов, социальных прав граждан [16, с. 52].

В-пятых, осуществление общественного контроля не должно препятствовать осуществлению правосудия и работе правоохранительных органов (путем необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в их деятельность), кроме случаев, когда мероприятия общественного контроля направлены на выявление, пресечение, предупреждение и профилактику преступлений и правонарушений, совершаемых работниками указанных органов государственной власти, в связи с осуществлением своих служебных полномочий. Однако, ряд авторов, напротив, считает, что правоохранительная деятельность в силу своей специфики требует большего общественного контроля, чем деятельность любых иных органов власти [17, с. 146–150]. В связи с этим, мероприятия общественного контроля, с одной стороны, должны более тщательно и всесторонне охватывать деятельность правоохранительных и судебных органов, но, с другой стороны, действовать в рамках полномочий, предоставленных действующим законодательством, не вторгаясь в компетенцию данных органов власти, и не нарушая принципы их организации и деятельности (например, предусмотренный ст. 10 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» принцип недопустимости вмешательства в деятельность судей) [18].

В-шестых, мероприятия по осуществлению общественного контроля не должны создавать угрозу обороне, безопасности России, а также подрывать ее государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность. В тоже время, согласно ст. 2 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина закреплено в качестве основного принципа обеспечения безопасности [19]. То есть основу национальной безопасности в России и составляет обеспечение механизма реализации прав и свобод человека и гражданина. Однако, при этом, деятельность субъектов общественного контроля не должна содержать в себе действия, направленные на подрыв основ конституционного строя Российской Федерации.

В-седьмых, в связи с тем, что деятельность политических партий в стране направлена на участие в политической жизни государства, на формирование и функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, мероприятия общественного контроля не должны вторгаться в компетенцию политических партий и движений, препятствовать их законной деятельности (например, участию в выборных компаниях, проведении общенациональных, региональных и муниципальных референдумов). В связи с этим, по мнению ряда авторов, возникает необходимость ограничения прав субъектов общественного контроля, а также лиц, осуществляющих общественный контроль при проведении выборов и референдумов [20].

Представляется, что условия ограничения права граждан Российской Федерации на общественный контроль можно классифицировать по следующим основаниям: 1) по уровню нормативно-правового акта, их содержащих; 2) по разновидности субъектов, чьи права на осуществление общественного контроля ограничиваются (физические лица, некоммерческие организации, политические партии, организации, создаваемые органами власти для осуществления и координации общественного контроля власти); 3) по видам (формам) общественного контроля; 4) по временной продолжительности ограничения; 5) по целям и задачам применения; 6) по оспоримости в судебном порядке.

Условия ограничения права граждан Российской Федерации на общественный контроль, по уровню нормативно-правового акта, в котором они содержатся, можно классифицировать на: международно-правовые; конституционные; закреплённые в федеральных кон-

ституционных законах; закреплённые в федеральных законах. Как уже отмечалось выше, нормативно-правовые акты нижестоящего уровня, чем федеральные законы, не могут содержать условия ограничения прав граждан на осуществление общественного контроля на основании ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

К числу условий ограничений права граждан России на общественный контроль, содержащихся в международно-правовых актах, можно отнести, например, ограничение деятельности или совершения действия, если они направлены к уничтожению прав и свобод человека и гражданина (согласно ст. 30 Всеобщей декларации прав человека) [9].

В связи с тем, что право граждан на общественный контроль прямо не закреплено в Конституции РФ и федеральных конституционных законах, на него распространяются общие условия ограничения прав и свобод граждан.

К числу условий ограничений права граждан Российской Федерации на общественный контроль, содержащихся в федеральных законах, можно отнести, например, недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, и оказания неправомерного воздействия на указанные органы и организации (ст. 6 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») [21].

По разновидности субъектов, чьи права на осуществление общественного контроля ограничиваются, можно выделить условия ограничения в отношении: 1) физических лиц (например, законодатель ограничивает право одно и того же лица на назначение членом общественной наблюдательной комиссии одного субъекта Российской Федерации тремя сроками подряд) [22]; 2) некоммерческих организаций (в частности, ограничена возможность осуществления общественного контроля некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранного агента на основании Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [23]; представители некоммерческих организаций не допускаются к выдвижению кандидатов в члены Общественной палаты на основании статьи 6 Федерального закона от 04.04.2005 № 212-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», если они зарегистрированы менее чем за один год до дня истечения срока полномочий членов Общественной палаты действующего состава) [24]; 3) политических партий (например, ограничена деятельность политических партий иностранных государств и структурных подразделений указанных партий на основании статьи 9 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [25]; представители политических партий не допускаются к выдвижению кандидатов в члены Общественной палаты на основании статьи 6 Федерального закона от 04.04.2005 № 212-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [24]); 4) организаций, создаваемых органами власти для осуществления и координации общественного контроля власти (в частности, не могут быть в составе Общественной палаты Российской Федерации лица, имеющие двойное гражданство) [24].

По видам (формам) общественного контроля можно выделить, например, следующие условия ограничения права граждан России на его осуществление: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» ограничивает в ч. 5 ст. 20 сроки проведения общественной проверки тридцатью днями.

Временная продолжительность ограничения прав граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля может быть обусловлена либо наступлением определенного события (например, после погашения или снятия судимости гражданин вправе стать членом Общественной палаты Российской Федерации); либо истечением определенного срока (в частности, некоммерческая организация вправе будет выдвинуть своих представителей в Общественную палату Российской Федерации по истечении одного года с момента своего создания) [24].

По целям и задачам применения условия ограничения прав граждан России на осуществление общественного контроля можно классифицировать на следующие группы: по обес-

печению нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; для защиты основ конституционного строя; для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Основная же часть условий ограничений прав граждан России на осуществление общественного контроля носит неоспоримый характер, другая часть, напротив, может быть оспорена в суде [26]. Например, если некоммерческой организации будет отказано в выдвижении своих членов в состав Общественной палаты Российской Федерации под предлогом того, что ее деятельность приостановлена в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», то после признания судом подобного решения о приостановлении деятельности незаконным, ограничения по выдвижению данной организацией кандидатов в состав Общественной палаты Российской Федерации снимаются.

Таким образом, условия ограничения права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля выступают в роли правовых рамок его реализации в целях недопущения, с одной стороны, произвольного, незаконного и необоснованного воздействия на субъекты общественного контроля, препятствующего их организации и деятельности со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, а также органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а с другой стороны, нарушения самими субъектами общественного контроля прав, свобод и законных интересов других физических и юридических лиц, создания условий для подрыва основ конституционного строя, обороны страны и безопасности государства, нравственности и здоровья его граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-17-krf. – Дата доступа : 01.12.2018.

2. Права человека: учебник / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2015. – С. 140–181.

3. Нудненко, Л.А. Конституционное право России: учебник для бакалавров / Л.А. Нудненко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – С. 267–269, 326–340.

4. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2007. – С. 191–192, 294.

5. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс : учеб. пособ. : в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма; Инфра-М, 2010. – Т. 1. – С. 669–670.

6. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М., 2010. – С. 81.

7. Винокуров, В.А. О конституционной норме, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [Электронный ресурс] / В.А. Винокуров. – Режим доступа : http://отрасли-права.рф/article/20543. – Дата доступа : 01.12.2018.

8. Гриценко, А.С. Этико-моральная аргументация и ее применение органов конституционного контроля в свете вопроса об основаниях и пределах ограничения конституционных прав и свобод / А.С. Гриценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. –- № 4 (27). – С. 123–124.

9. Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/10135532. – Дата доступа : 01.12.2018.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

11. Оспанова, Д.А. Принцип установления правовых норм ограничения прав и свобод человека и гражданина только законами [Электронный ресурс] / Д.А. Оспанова. – Режим доступа : https://articlekz.com/article/9716. – Дата доступа : 01.12.2018.

12. Варламова, Н.В. Эффективность правого регулировании: переосмысление концепции / Н.В. Варламова // Правоведение. – 2009. – №1. – С. 224.

13. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г., № 3-ФКЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

14. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г., № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

15. Гриб, В.В. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля / В.В. Гриб // Юридическое образование и наука. – 2016. – № 3. – С. 154.

16. Цварт, Т. Основные социальные права: мощный инструмент, нуждающийся в надежных руках / Т. Цварт // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1 (61). – С. 52.

17. Полещук, А.С. О некоторых вопросах, связанных с проблемой обеспечения общественного (гражданского) контроля в сфере деятельности правоохранительных органов / А.С. Полещук // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 11. – С. 146–150.

18. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 г., № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

19. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 г., № 390-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

20. Рыжаков, А.П. Пределы ограничения деятельности члена общественной наблюдательной комиссии. Комментарий к статье 17 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» / А.П. Рыжаков. – Москва, 2008. – 336 с.

21. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 г., № 212-ФЗ // Российская газета. – 2014. – № 6435 (163).

22. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 г., № 76-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 4. – Ст. 2789.

23. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г., № 7-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

24. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 г., № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

25. О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 г., № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

26. Зорькин, В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России / / В.Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4 (65). – С. 8.

Юридическая консалтинговая корпорация
«Ассоциация независимых правозащитников»;
Научно-исследовательский институт
проблем глобализации, экономики и развития
гражданского общества

Поступила в редакцию 27.11.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 349.235-057.86:378

Рабочее время профессорско-преподавательского состава

Е.А. Ковалёва, И.И. Эсмантович

Исследуются основные факторы специфики труда профессорско-преподавательского состава учреждений высшего образования, которые влияют и на особенности рабочего времени вышеназванных педагогических работников. Рассматриваются вопросы нормирования педагогической нагрузки, отработки и учета рабочего времени. Отсутствие надлежащего правового регулирования на уровне Трудового кодекса Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь побуждает нанимателей в локальном порядке регулировать их труд. Проведен анализ локальных актов отдельных учреждений высшего образования о рабочем времени таких работников. В результате исследования даются конкретные предложения о регулировании рабочего времени профессорско-преподавательского состава в Правилах внутреннего трудового распорядка университета.
Ключевые слова: научная деятельность, нормирование труда, особый характер труда, педагогическая деятельность, педагогическая нагрузка, педагогический работник, профессорско-преподавательский состав, рабочее время, учебная работа, учебный год, учет рабочего времени.

The main factors of the specificity of the work of the teaching staff of higher education institutions, which affect the working time of the above-mentioned teaching staff are examined. Questions of regulation of pedagogical loading, working off and the account of working hours are considered. The lack of proper legal regulation at the level of the Labor code of the Republic of Belarus, the Ministry of education of the Republic of Belarus encourages employers to regulate their work locally. The analysis of local acts of separate institutions of higher education about working hours of such workers was carried out. As a result of the study, specific proposals on the regulation of working time of the teaching staff in the Rules of internal labor regulations of the University are given.
Keywords: scientific activity, regulation of labor, special nature of labor, pedagogical activity, pedagogical load, pedagogical worker, teaching staff, working time, educational work, academic year, time tracking.

В последнее время очень актуальным является вопрос о специфике рабочего времени профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) университета, в связи с чем возникла необходимость разобраться в особенностях труда таких работников.

В соответствии со ст. 50 Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании) к ППС относятся педагогические работники, педагогическая деятельность которых направлена на реализацию содержания различных видов образовательных программ высшего образования. К должностям педагогических работников из числа ППС факультета относятся: ассистент, преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан и его заместители [1].

Правовой статус педагогических работников, предъявляемые к ним требования, вытекают из особого характера труда и трудовой функции таких работников. Особый характер труда педагогических работников вызван рядом факторов:

1) трудовая деятельность связана с интенсивной интеллектуальной нагрузкой, нервным напряжением, осуществлением образовательного процесса в определенное время, называемое учебным годом, под которым понимается период с 1 сентября по 31 августа;

2) трудовая функция имеет свою специфику, состоит из педагогической и научной деятельности. Педагогическая деятельность включает в себя учебную, воспитательную и учебно-методическую работу (ст. 50, 203 Кодекса об образовании). Научная деятельность ППС включает научно-исследовательскую работу самого преподавателя, руководство научной работой студентов, магистрантов, аспирантов, подготовку к занятиям, написание учебно-методической литературы, тезисов и статей для участия в научных конференциях и семинарах и др.;

3) тарифная ставка педагогического работника определяется исходя из нормы труда, называемой педагогической (учебной) нагрузкой, под которой понимается объем оплачивае-

мой педагогической деятельности, устанавливаемый ежегодно в академических часах на определенный период – учебный год;

4) педагогическая нагрузка состоит из аудиторной и внеаудиторной работы. Аудиторная работа выполняется в учебных аудиториях учреждения образования и регламентируется расписанием занятий. При выполнении внеаудиторной работы (проведение консультаций по подготовке, написанию и защите курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, руководство различными видами практик, работа с аспирантами, проверка контрольных работ и др.) работник самостоятельно распределяет свое рабочее время, она может выполняться дистанционно с использованием сети Интернет, мобильной связи и других современных технологий;

5) отработка педагогической нагрузки, с учетом расписания занятий, может выполняться не равномерно, но уровень оплаты труда, исчисленный с учетом объема педагогической нагрузки, выплачивается ежемесячно равными частями в течение учебного года;

6) предоставление продолжительного трудового отпуска преимущественно в летнее время вызвано спецификой образовательного процесса и компенсирует умственные и физические затраты труда.

Особенности рабочего времени ППС университета устанавливаются ст. 319 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – Трудовой кодекс, ТК), Кодексом об образовании, нормативными правовыми актами Министерства образования Республики Беларусь (далее – Министерство образования), локальными правилами внутреннего трудового распорядка (далее – ПВТР).

Поскольку Трудовой кодекс представляет собой свод минимальных стандартов и гарантий, то невозможно предусмотреть специфику труда во всех отраслях экономики. Поэтому отдельные положения по изданию нормативных актов передаются отраслевым министерствам и могут устанавливаться на локальном уровне. Например, постановлением Министерства образования «О совершенствовании организации труда педагогических работников» от 30 марта 2007 г. № 26 предоставлено право на дополнительную преподавательскую работу руководителям и их заместителям учреждений высшего образования, включая руководителей и заместителей структурных подразделений в рабочее время по месту основной работы в объеме не более половины нормы часов преподавательской работы на ставку педагогических работников либо рабочего времени профессорско-преподавательского состава. Это право предоставлено в целях совершенствования организации труда работников учреждений образования из числа руководителей, эффективности использования их творческого потенциала, поддержания их профессионального уровня [2].

Таким образом, для выполнения руководящими работниками дополнительной педагогической работы оформляется трудовой договор по совместительству, но отрабатывать учебную работу разрешено в рабочее время по основному трудовому договору в отличие от других работников, которые обязаны работать по совместительству за пределами своего рабочего времени.

Статьей 114 ТК и постановлением Министерства образования «Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени отдельным категориям педагогических работников» от 5 сентября 2011 г. № 255 [3] установлена для ППС 36-ти часовая рабочая неделя. Какие-либо иные особенности отработки и учета рабочего времени министерство не регламентирует. Такое регулирование может устанавливаться в локальных актах университетов.

Так, ПВТР Белорусского государственного университета[1] закрепляют, что 36-ти часовая рабочая неделя помимо преподавательской работы, включает выполнение научно-исследовательской, творческо-исполнительской, опытно-конструкторской, учебно-методической, организаторско-методической, воспитательной, физкультурной, спортивно-оздоровительной работы. И если выполнение преподавательской работы характеризуется наличием установленных норм времени, то режим выполнения преподавателями вышеназванных обязанностей не конкретизируется по количеству часов и регулируется планами научно-исследовательских работ, программами, графиками и т. д. Контроль за соблюдением распи-

[1]ПВТР размещены на сайтах университетов и использовались авторами.

сания учебных занятий и выполнением индивидуальных планов работы преподавателей осуществляется заведующими кафедрами, деканами факультетов, учебным отделом, учебно-методическим управлением, проректорами по учебной работе, первым проректором и ректором университета.

Аналогичные нормы содержатся в ПВТР Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

ПВТР Гродненского медицинского университета уточняют, что в пределах рабочего дня работники из числа ППС должны вести все виды учебной, учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической, воспитательной работы. Работники из числа ППС должны выполнять все виды работ на территории университета (все корпуса, общежития, кафедры). При необходимости работники из числа ППС с разрешения заведующего кафедрой могут выполнять все виды работ за пределами университета. Объём и содержание учебной, учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической и воспитательной работы отражаются в индивидуальном плане, который составляется на учебный год.

В Белорусском национальном техническом университете большое внимание уделяется вопросам трудовой дисциплины. Время проведения преподавателями БНТУ аудиторных занятий должно строго соответствовать времени, указанному в учебном расписании. Опоздание, неявка на аудиторное занятие, а также роспуск аудитории или досрочный уход преподавателя с занятия без уважительных причин является дисциплинарным проступком. К рабочему времени относится и время проведения заседания кафедры, иных обязательных кафедральных мероприятий, неявка или опоздание на заседания либо досрочный уход с них без уважительной причины являются дисциплинарным проступком. При выполнении внеаудиторных видов работы вне кафедры работники из числа ППС обязаны: обеспечивать возможность оперативной связи с кафедрой или информировать персонал кафедры о месте своего нахождения; по распоряжению (указанию) заведующего кафедрой (иного прямого руководителя) являться на кафедру в период ее работы в случае организационной или производственной необходимости.

Режим рабочего времени ППС Белорусского государственного экономического университета регламентирован специальным приложением к ПВТР, которое устанавливает режим гибкого рабочего времени для работников из числа ППС, включающий:

1) фиксированное рабочее время (обязательное присутствие на работе) – время проведения аудиторных занятий в соответствии с учебным расписанием; заседаний кафедры; иных мероприятий, определяемых распоряжением декана факультета, заведующего кафедрой, приказом ректора;

2) переменное (гибкое) время – время с 08.15 до 22.00 (за исключением продолжительности фиксированного рабочего времени), в пределах которого преподаватель начинает и заканчивает работу по своему усмотрению и выполняет учебно-методическую научно-исследовательскую, воспитательную и другую работу в соответствии с индивидуальным планом;

3) перерыв для питания и отдыха продолжительностью 30 минут, время начала и окончания которого определяется преподавателем самостоятельно в пределах переменного (гибкого) времени, продолжительность перерыва не включается в рабочее время.

Аналогичные нормы регламентируют рабочее время ППС в российских учебных заведениях: Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете, Пермском национальном исследовательском политехническом университете, Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева.

Таким образом, большинство учреждений высшего образования как в Беларуси, так и за рубежом содержат в своих локальных актах особенности регулирования труда ППС.

При отсутствии в учреждении образования локального регулирования необходимо напрямую руководствоваться нормами ТК, и наниматель должен соблюдать все его предписания, что также вызывает сложности. Например, если работник должен отрабатывать в университете 6 часов ежедневно, но согласно расписанию занятий в течение рабочего дня отра-

ботал более 6 часов, то каков статус такой переработки: будет ли это сверхурочной работой или у ППС ненормированный рабочий день. В обоих случаях законодательство гарантирует компенсацию за переработанное рабочее время: дополнительную оплату сверхурочной работы (ст. 69 ТК) либо дополнительный отпуск (ст. 158 ТК). По-нашему мнению, к ППС нельзя применить ни один, ни другой режимы.

Отработка рабочего времени ППС напрямую связана с педагогической нагрузкой, под которой понимается объем педагогической деятельности по реализации содержания образовательных программ высшего образования за учебный год, необходимый для определения тарифной ставки ППС и оплаты труда. Причем тарифная ставка исчисляется с учетом ежегодно устанавливаемого в астрономических часах объема педагогической нагрузки, а заработная плата выплачивается ежемесячно равными частями в течение учебного года. Объем педагогической нагрузки на учебный год для ППС утверждается на Совете университета. Объем нагрузки на конкретного преподавателя распределяется на факультетах и определяется с учетом учебных планов по специальностям и учебных программ по отдельным учебным дисциплинам.

Для расчета педагогической нагрузки Министерством образования разработан проект Примерных норм времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом вузов (далее – Примерные нормы времени).[2] На основе данного документа учреждениями образования разрабатываются свои нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых ППС данных учреждений, которые могут быть дополнены. В оплачиваемую педагогическую нагрузку включается только учебная работа.

Примерными нормами времени впервые на законодательном уровне установлен минимальный и максимальный объем учебной нагрузки работника из числа ППС: не менее 550 часов (без учета снижения нагрузки за выполнение учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы) и не более 900 часов в год. Причем академический час занятий приравнивается к астрономическому. Учебная нагрузка для каждого работника в обязательном порядке должна включать аудиторную нагрузку в объеме не менее 150 часов в год (проведение лекций, семинарских, практических занятий, прием экзаменов и зачетов). Учреждениям образования предоставлено право самостоятельно нормировать все либо отдельные виды учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической, воспитательной работы, раскрывается их содержание, но без нормирования по количеству часов [4].

Некоторые наниматели воспользовались правом самостоятельно рассчитывать все либо отдельные виды вышеназванных работ по количеству часов. К ним относятся в основном узкоспециализированные учреждения образования, например, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (далее – БТЭУПК), Институт развития образования в г. Гомеле. Исходя из опыта работы автора в БТЭУПК по совместительству, при заполнении индивидуального плана работы руководствовались локальным Положением о планировании и отчетности работы ППС университета. Положением, в частности, закреплено, что при расчёте всех видов работ по количеству часов установлена годовая норма рабочего времени от 1530 до 1580 часов в зависимости от количества недель и праздничных дней в году, из них на учебную работу приходится до 900 часов. Нормирование других видов работ проведено в соответствии с Примерными нормами времени и дополнено фактически выполняемыми обязанностями ППС:

– рецензирование материалов кандидатской диссертации аспирантов на различных годах обучения;

– экспертиза и оппонирование кандидатских и докторских диссертаций;

– участие в работе профсоюзного комитета и общественных комиссий;

---

[2]Размещен на Республиканском портале проектов образовательных стандартов высшего образования, нормативных правовых, учебно-программных и методических документов: http://www.edustandart.by.

– организационно-методическая работа на кафедре: организация и участие в составе рабочих комиссий по предварительной защите дипломных работ и магистерских диссертаций, организация связи с выпускниками, работа по пополнению и актуализации страницы кафедры на портале университета и др.

Причем, даже такое нормирование рабочего времени ППС не требует обязательной отработки всех видов работ в течение 6-ти часов в рамках университета.

Для учреждений высшего образования характерны особенности отработки педагогической нагрузки. Аудиторная работа осуществляется согласно расписанию занятий, причем в отдельные дни работники могут отрабатывать и более 6 часов с учетом работы заочного факультета либо во время экзаменационной сессии. На практике случается, что запланированная аудиторная работа приходится на один семестр, в котором работник работает с ежедневной переработкой 6 часов на протяжение всего семестра.

Выполнение внеаудиторной работы зависит не только от преподавателя, но и от студентов, насколько они вовремя и качественно выполняют научные исследования по курсовым и дипломным работам. Зачастую студенты присылают по электронным средствам связи проекты своих работ в последние перед защитой дни, и преподаватель вынужден работать даже за пределами рабочего времени.

Выполнение обязанностей по учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической, воспитательной работе планируется самим преподавателем в свободное от аудиторной работы время, распределяется самостоятельно, учитывая и научное вдохновение, которое может прийти в любое время суток.

Рабочее время ППС не поддаётся учету как этого требует ст. 133 ТК: наниматель обязан организовать учет явки работников на работу и ухода с нее (ч. 1), а также учет фактически отработанного времени (ч. 4) [5], поскольку ни учет явок, ни учет фактически отработанного времени проводить нецелесообразно. Нанимателю в данном случае следует учитывать не явки работника на рабочее место, а качественное выполнение всех видов работ, в том числе обязанностей второй половины дня.

Это связано, прежде всего, со спецификой нормирования труда ППС, так как Министерство образования предусматривает распределение по количеству часов и оплату только учебной работы. Выполнение других видов работ не нормируется ни на уровне законодателя, ни на уровне отраслевого министерства. Научно-исследовательская работа может выполняться преподавателями дистанционно, за пределами университета, в библиотеке, архиве, что и вызывает сложности в ее учете. Установив такие требования к расчету педагогической нагрузки, Министерство образования не определило, как это отражать в табеле учета рабочего времени, и переложило, тем самым, всю ответственность на нанимателя.

Большинство учреждений образования не отказались от табеля учета рабочего времени, только в самом табеле отмечают явку на работу – букву Я. Некоторые наниматели, которые рассчитывают нагрузку по всем видам работ ППС, в табеле ставят 6 часов, причем на выполнение учебной работы отводят 3 часа, и 3 часа на выполнение методической, научной, воспитательной работы.[3]

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Отсутствие надлежащей регламентации рабочего времени ППС на уровне государства, Министерства образования, учреждения образования вызывает сложности как при работе самого учреждения, так и при проверке действий нанимателя компетентными проверяющими органами. Нанимателям другой возможности не предоставлено, как самостоятельно в локальном порядке прописывать особенности правового регулирования труда и рабочего времени ППС.

2. Относительно нормирования педагогической нагрузки на учебный год в высшей школе сложилось два подхода. Большинство учреждений образования рассчитывают по количеству часов только учебную работу (до 900 ч.), а некоторые наниматели воспользовались

[3]С другими особенностями регулирования труда ППС можно ознакомиться в издании: Правовое регулирование труда педагогических работников (учителя, преподаватели, профессорско-преподавательский состав и др.) / под общ. ред. Л.И. Липень. – Минск : Амалфея, 2019. – 360 с.

правом самостоятельно рассчитывать все либо отдельные виды учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической, воспитательной работы (до 1580 ч.). Поскольку университет готовит специалистов по многим направлениям, то, по нашему мнению, нормирование отдельных видов работ может быть проведено только по каждому факультету в отдельности, что трудозатратно и сложно. Например, затраты рабочего времени на подготовку и написание научных статей, монографий, подготовку к занятиям на разных специальностях не могут быть едиными. Как и по каким критериям проводить такую дифференциацию. Поэтому считаем наиболее приемлемым сложившийся в университете подход не рассчитывать вышеназванные виды работ ППС по количеству часов.

Если же рассчитывать нагрузку с учетом всех видов работ на учебный год (1580 ч.), то наниматель может установить режим рабочего времени для ППС: как гибкое рабочее время с регламентацией фиксированного и переменного рабочего времени, так и суммированный учет с учетным периодом учебный год (с 1 сентября по 31 августа), где в течение года переработанное рабочее время за один день компенсируется недоработанным в другой день в пределах нормы нагрузки за учетный период. При этом изменение режима рабочего времени является изменением существенных условий труда и требует соблюдения законодательства.

3. Анализ локальных актов учреждений высшего образования показал, что большинство из них как в Беларуси, так и за рубежом содержат особенности рабочего времени ППС. Нам представляется уместным конкретизировать рабочее время ППС в локальных ПВТР университета. В частности, предусмотреть положение о том, что в рабочее время ППС выполняется педагогическая нагрузка, которая представляет собой объем оплачиваемой учебной работы (аудиторной и внеаудиторной). Режим выполнения учебной аудиторной работы регулируется расписанием учебных занятий, составляемым на факультетах, в соответствии с учебными планами специальностей. Режим выполнения учебной внеаудиторной работы (консультации по подготовке, написанию и защите курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, руководство различными видами практик, работа с магистрантами и аспирантами и др.) распределяется преподавателем самостоятельно. Она может выполняться дистанционно с использованием сети Интернет, мобильной связи и других современных технологий. Режим выполнения ППС обязанностей, связанных с воспитательной, методической и научно-исследовательской работой, не конкретизируется по количеству часов и регулируется планами научно-исследовательских работ, программами, графиками и т.п., а также отчетами о их выполнении.

4. Возможно, целесообразно при выполнении внеаудиторных видов работы вне университета возложить на работников из числа ППС дополнительные обязанности: обеспечивать возможность оперативной связи с кафедрой; информировать заведующего кафедрой о месте своего нахождения; по его распоряжению или указанию являться на кафедру в период ее работы в случае организационной или иной необходимости.

5. В Примерных нормах времени употребляется термин «учет объема учебной работы», который производится из расчета фактически затраченного времени, но не свыше установленных норм [4]. Возможно учреждениям образования следует отказаться от табеля учета рабочего времени в пользу учета выполнения объема учебной работы. Учет выполнения педагогической нагрузки осуществляется самим работником в индивидуальных планах ППС, специальных журналах учебных групп, журналах прохождения практик, журналах консультаций и др., которые контролируются заведующими кафедр, деканатами, учебным отделом. Ими же осуществляется контроль за соблюдением расписания учебных занятий.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. [Электронный ресурс] : одобр. Советом Республики 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=Hk1100243. – Дата доступа : 03.05.2018.

2. О совершенствовании организации труда педагогических работников : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 30 марта 2007 г., № 26 : в ред. постановления от 07.10.2011 г., № 269 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 133. – 8/24432.

3. Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени отдельным категориям педагогических работников [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 5 сент. 2011 г., № 255 : в ред. постановления от 24.02.2014 г., № 12 // Нац правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=W21124194. – Дата доступа : 03.05.2018.

4. Проект Примерных норм времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом вузов, утв. Министерством образования Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Респуб. портал проектов образовательных стандартов высшего образования, нормативных правовых, учебно-программных и методических документов. – Режим доступа : http://www.edustandart.by. – Дата доступа : 02.02.2018.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. [Электронный ресурс] : одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07. 2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа : http://etalonline.by/document/?regnum=HK9900296. – Дата доступа : 02.02.2018.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.10.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 94:349.22:331:37(476)"18/19"

История становления и развития отношений о совмещении работы с получением образования в Беларуси в дореволюционный период

И.В. Колодинская

Рассматриваются важнейшие исторические события, способствовавшие становлению и развитию отношений о совмещении работы с получением образования в дореволюционный период и их роль в формировании нового института трудового права.
Ключевые слова: ремесленное ученичество, производственное обучение, профессиональная подготовка, профессиональное образование, система профессионального образования, совмещение работы с получением образования, институт трудового права.

The article deals with the most important historical events that contributed to the formation and development of relations on the combination of work with education in the pre-revolutionary period and their role in the formation of a new Institute of labor law.
Keywords: apprenticeship, industrial training, vocational training, vocational education, system of vocational education, combination of work with education, Institute of labor law.

Исторический анализ правовых явлений (в том числе отраслей законодательства, отдельных институтов, подинститутов и даже норм права) является неотъемлемой частью любого научного исследования в области права [1, с. 9].

Полагаем, что о формировании института трудового права «Совмещение работы с получением образования» можно вести речь не ранее, чем с XX в. Хотя корни отношений, связанных с совмещением работы с получением образования, лежат в тысячелетней истории самого человека и имеют богатое историческое развитие.

Нами предпринята попытка рассмотреть хронологию важнейших исторических событий, способствовавших становлению и развитию отношений о совмещении работы с получением образования в Беларуси в дореволюционный период, выделив промежутки исторического времени. С понятием «историческое время» неразрывно связана периодизация – как форма количественного (временного) обозначения исторических процессов [2].

Период зарождения отношений о совмещении работы с получением образования (7000 г. до н.э. – VIII в.). Тема развития идеи соединения труда с обучением прослеживается в истории с древних времен, когда труд являлся главным «учителем» в практике воспитания и обучения первобытнообщинной эпохи, а понятия «получение образования» еще не существовало. Считается, что решающую роль в процессе формирования человека сыграл труд, и что именно он предопределил развитие человеческой цивилизации и выделил её из животного мира.

Общественно-трудовые отношения являлись качественным своеобразием эволюции человека. Чтобы существовать, люди должны были работать совместно, сообща. В повседневной деятельности и общении они совершенствовали способы изготовления орудий труда и охоты, вели различные виды групповой деятельности, получая друг от друга определенные навыки. Совершенствование трудовой деятельности и усложнение социального устройства послужило дальнейшему изменению процесса обучения [3].

В славянском обществе доминировало семейное воспитание [4]. Дети получали навыки и знания в домашних условиях, наследовали виды занятий своих родителей. Совместный труд детей и взрослых постепенно приобретал со старших обучающий – направленный образ действий. Подражание детей поведению родителей в быту способствовало усвоению подрастающими поколениями практических умений и навыков, а также имело и воспитательное значение. Таким образом, с появлением парной семьи произошла замена общественного обучения труду семейным. Семья во главе с отцом была массовым органом воспитания и обучения детей, приобретались необходимые практические навыки и умения, усваивались взгляды, представления и понятия, моральные требования и нормы [5].

Период развития отношений о совмещении работы с получением образования (IX – начало XX вв.). В данном периоде мы обозначили несколько этапов, которые имели место благодаря социально-экономическому развитию общества рассматриваемого периода.

(IX–XIII вв.) – появление ремесленного ученичества. На этом этапе изменения, происходившие в экономике и социальных отношениях Киевской Руси, создали необходимые условия для отделения ремесла от земледелия, для возникновения и развития городов.

Археологические материалы, полученные при раскопках в Полоцке, Минске, Гродно, Пинске, Волковыске, Друцке, Новогрудке, свидетельствуют о том, что в городах западных земель Руси в XI в. работали ремесленники многих специальностей, а ремесленное производство Древней Руси находилось на одном уровне с ремесленниками Западной Европы и Востока [6].

Становление профессионального ремесла, особенно в городах, привело к возникновению новой сферы производства и нового социального слоя – городских ремесленников [7]. В результате этого появилось ремесленное ученичество, а точнее первоначальная форма обучения ремесленного ученичества. Сначала в круг обучаемых входили только дети самих ремесленников, но затем гончарному, кузнечному и иному делу мастера стали обучать и других детей [8].

Так мальчик, которого отдавали к мастеру на обучение ремеслу, постепенно постигал секреты производства и осваивал профессию.

До тех пор, пока срок ученичества не стал регламентироваться уставами цехов, он зависел от мастера [9]. В основном учениками считались люди, проработавшие от 10 до 20 лет, а иногда и более. Это было связано с тем, что стать мастером можно было только после исполнения специально назначенной работы по образцу (шедевра). Позднее с мастерами стали заключаться договора, согласно которым за мастером закреплялось определенное количество учеников. Например: «Предприниматель обязался “русских людей учить карабинному и пистольному делу и всяким железным делам, и мельничным, и плотинным заводам, и как печи и горны и ковальны и вертельни строить и в них железные кованные всякие разные дела делать без всякие хитрости и никаких тех дел от русских людей не скрывать и не таить”. За это ему с детьми по договору положено жалованья по 20 руб. в месяц» [10]. Однако, несмотря на это, ремесленник большее внимание уделял своим детям и близким родственникам, то есть людям, в успешном обучении которых он был заинтересован. При обучении использовались принцип объяснений и показа, однако они использовались без какого-либо методического подхода. При обучении учеников господствовала эксплуатация, то есть молодежь использовалась на хозяйственных работах, а само обучение было случайным [10].

Таким образом, ученичество постепенно становилось необходимой стадией и общим правилом для каждого, кто хотел впоследствии свободно заниматься ремеслом [9].

(XIV–XVII вв.) – модернизация профессиональной подготовки. На данном этапе происходит резкое расширение ассортимента продукции и значительная рационализация производства в виде упрощения технологических операций. Проявляется серийность производства, создаются стандарты изделий, особенно в металлообрабатывающем, текстильном, деревообрабатывающем, сапожном, ювелирном ремеслах [6]. Групповые формы обучения ремеслу стали доминирующими, делался упор на приобретение специальных знаний. Это позволило выйти за рамки индивидуального опыта, выработались подходы начальной методики в обучении профессии [8]. В городах по-прежнему было огромное количество ремесленников и ремесленных специальностей. Одной из особенностей ремесленного производства становится цеховой строй. Суть цехового строя состояла в том, что представители каждого ремесла объединялись в ремесленное товарищество – цеховое братство, которое необходимо было для закрепления своих прав и обеспечения монополии на рынке [11].

Так групповое обучение ремеслу приходит на смену индивидуальному. Ученик – Подмастерье – Мастер. Такова была обычная для средних веков карьерная лестница ремесленника. Работа в ремесленном цеху начиналась с ученичества. Любой человек, желающий стать ремесленником, должен был начинать свою карьеру с самых низов, то есть пройти этап ученичества. По окончании ученичества он переходил на новую ступень: становился подмастерьем.

Это был уже квалифицированный ремесленник, который мог самостоятельно выполнять какую-то работу и даже сам продавать свои изделия. Мастер – верхняя ступень карьеры. Это признанный авторитет, владелец своей мастерской, обязательно член цеха ремесленников [12].

Отношения ремесленного ученичества полностью регулировались цеховыми уставами, в которых оговаривалось, что ни один мастер не мог взять к себе ученика, связанного договором с другим мастером, до тех пор, пока не истечет срок действия данных им обязательств или сам мастер не предоставит ученику письменное разрешение перейти на службу к другому мастеру [9].

Также устанавливались некоторые привилегии. Если подмастерье какого-либо ремесла женился на вдове или дочери мастера, тогда он обязан был изготовить лишь половину шедевра и устроить ужин. Если же сын мастера женился на дочери мастера своего ремесла, его освобождали от обязательного выполнения шедевра и т. д. [11].

Окончательную форму цеховое устройство ремесленной промышленности получило с изданием 12 ноября 1799 г. «Устава цехов». По этому закону в цеха включались решительно все виды ручного труда и устанавливались три вида цехов: ремесленные, служебные и рабочие [9].

(XVIII – начало XIX вв.) – появление новой формы организации производства (мануфактурное производство). Указанный этап имел место благодаря возникновению капиталистических отношений, появлению новой формы организации производства, которая пришла на смену мелкотоварному ремесленному.

В XVIII в. на территории Беларуси под влиянием товарно-денежных отношений простое товарное производство переходит в мелкое капиталистическое, возникает мануфактурное производство [13]. Бурное развитие капиталистических отношений подтачивало основы цеховой организации, коренящейся в эпохе Средневековья [14]. Мелкое производство было не в состоянии самостоятельно существовать и развиваться. Оно исчерпывало свои возможности и начинало вытесняться более крупными предприятиями.

Появилась новая форма организации производства – мануфактура.

Мануфактурное производство имело ряд преимуществ по сравнению с ремесленным. Оно основывалось на ручной технике, но при этом присутствовали специализация и разделение труда. Работники мануфактуры выполняли преимущественно отдельные, специализированные производственные операции, а не изготавливали продукт полностью самостоятельно, что повышало производительность их труда. Рост специализации производства приводит к созданию более эффективных специализированных орудий труда, возрастают точность и скорость операций. Разделение труда требовало роста мастерства и профессионального уровня работника [15].

На смену предметной системе производственного обучения пришла операционная система. В ее основе лежало последовательное усвоение учащимися сначала отдельных операций, а затем приемов самостоятельной работы по изготовлению простейших изделий. Эта система позволяла учащимся подготовиться к выполнению всех работ по профессии, значительно ускоряла процесс обучения [16].

(XIX – начало XX вв.) – развитие системы профессионального образования. На данном этапе промышленность Беларуси после реформы 1861 г. развивалась в тесной связи с общероссийской. Ремесло и мануфактуру постепенно вытесняла капиталистическая фабрика. Знания, навыки и установки, полученные при ремесленном ученичестве, начинают терять свою актуальность.

Индустриальная эпоха предъявляет высокие требования к уровню квалификации работника. Достичь высшей квалификации работник мог непосредственно в процессе самого производства. Он постепенно знакомился с производством путем наблюдения, а также путем «заискивания» перед старыми рабочими, добиваясь разъяснения ими того или иного приема работы [17]. Подготовку дисциплинированного и грамотного работника должна была обеспечить и школа. Происходит прогрессивное развитие сети школ и школьного дела, появляется большое количество многоуровневых учебных заведений (общеобразовательных, профессиональных, национальных, женских) [18, с. 15]. Профессиональные учебные заведения подразделялись по типам: средние технические училища, низшие технические училища и ремесленные училища.

Средние технические училища готовили техников как ближайших помощников инженеров, а также других руководителей промышленного дела [8]. Данные училища преследовали цель дать учащимся общеобразовательную подготовку, достаточную для поступления в высшие специальные заведения, а также необходимые знания по определенной профессии [19, с. 11]. Низшие технические училища подготавливали рабочих для определенного производства [8]. Главное отличие их учебного процесса от средних специальных учебных заведений состояло в том, что общеобразовательные предметы преподавались в объеме начальной школы [19, с. 14]. Ремесленные училища обучали конкретному ремеслу, связанному чаще всего с бытом людей [8].

Таким образом, профессиональной школе Беларуси были свойственны разнотипность и разнопрофильность [19, с. 10].

В дореволюционной Беларуси существовали 8 ремесленных училищ, 11 низших ремесленных школ, 1 школа ремесленных учеников, 1 техническое железнодорожное училище, 14 низших сельскохозяйственных учебных заведений, 3 лесные школы, 1 торговая школа, около 80 ремесленных училищ, школ, мастерских, открытых по особым уставам, а также ремесленных классов и отделений при общеобразовательных школах [19, с. 14]. Впервые в содержание профессионального образования были введены планы, определявшие основные пути подготовки квалифицированных рабочих, мастеров и техников [8].

На смену старым системам производственного обучения пришли новые, усовершенствованные, появлению которых способствовала промышленная революция. Стала применятся операционно-паточная система производственного обучения. Она была связана с развитием поточной системы организации производства и основана на разделении технологического процесса на операции, при котором каждый ученик выполнял один вид работы, затем передавал по постоянному маршруту для последующей обработки. Данная система позволяла овладеть приемами труда в условиях многостаночной системы при высокомеханизированном производстве. Затем стала использоваться операционно-предметная система производственного обучения. Данная система являлась усовершенствованным вариантом предыдущей системы. Она была основана на изучении трудовых операций при изготовлении изделий возрастающей сложности и была предложена в 1887 г. директором Московского ремесленного училища С.А. Владимирским. Именно он обратил внимание на возможность комбинирования приемов и операций в порядке возрастания сложности их выполнения [16].

Именно развитие капитализма в промышленности Беларуси создало предпосылки для возникновения профессионально-технических учебных заведений.

Как отмечает Н.А. Новик, «наиболее динамичному росту профессиональных школ как в Беларуси, так и в России в начале XX в. способствовало создание законодательной базы профессионального образования. К этому времени сложилась разветвленная структура профессионального образования [19, с. 18]. Законодательные акты представлены различными положениями, регламентирующими деятельность тех или иных видов профессиональных учебных заведений. К ним относятся «Положение и штаты земледельческого училища» (1878 г.), «Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах» (1883 г.), «Основные положения о промышленных училищах» (1888 г.), «Положение о школах ремесленных учеников» (1893 г.), «Положения о коммерческих учебных заведениях» (1896 г.), «Положение о сельскохозяйственном образовании» (1904 г.) и ряд других источников данного типа, которые позволяют создать представление о системе профессионального образования и ее элементах» [19, с. 6].

С появлением законодательных актов, регламентирующих деятельность тех или иных видов профессиональных учебных заведений, начинает активно развиваться дореволюционное законодательство о фабрично-рабочем труде.

В отличие от дореформенного периода (до реформы 1861 г.), когда законодательство, регламентировавшее взаимоотношения фабрикантов и свободных работников, ограничивалось двумя основными актами в силу почти полного отсутствия свободного рынка труда, в период после реформы 1861 г. вплоть до Октябрьской революции 1917 г. трудовое законодательство (представленное в основном так называемым фабричным законодательством) активно развивалось [20].

Среди фабричных законов имелись и законы, которые впервые стали регулировать отношения о совмещении работы с получением образования. Это, в частности, Закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» и Закон от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» [21].

Так, например, согласно первому из вышеуказанных законов владельцам фабрик, заводов и мануфактур предоставлялось право открывать при них школы для обучения малолетних рабочих, причем план преподавания и порядок посещения школ (на которые дети-рабочие имели лишь 3 часа в день) определялся директорами народных училищ по согласованию с фабричной инспекцией. Даже содержание одной этой статьи показывает, что данный акт не возлагал на работодателей никаких определенных обязанностей; обязанности эти возникали лишь тогда (п. 119), когда фабрикант устраивал по своему желанию при фабрике школу высшего типа, ибо в этом случае, он должен был и тем малолетним рабочим, которые уже окончили начальное училище, дать возможность посещать школу. Если же при фабрике школы не имелось, то все заботы о предоставлении малолетним работникам возможности посещать школу возлагались на фабричную и на учебную инспекции (п.п. 115–116). Как отмечал в начале XX в. А.Н. Быков, Закон от 12 июня 1884 г. на деле оставался мертвой буквой, и из всех прежних отчетов инспекции можно безошибочно заключить, что обучение малолетних рабочих сколько-нибудь успешно идёт на русских фабриках лишь там, где предприниматели заботятся о нём по собственному почину и желанию. Положение же инспекции, на которой лежала по закону забота о школьном обучении малолетних рабочих, и которая вместе с тем не имела никаких реальных средств к устройству приспособленных для них школ, бывало нередко крайне затруднительно [22].

Помимо вышеперечисленных актов фабричного законодательства к началу XX в. действовали более 10 законов о труде и множество подзаконных актов, охватывавших все основные институты законодательства [23]. Это стало нормативной базой и прочным фундаментом для формирования трудового права высшего, европейского типа.

Рассмотрев историю становления и развития отношений о совмещении работы с получением образования в Беларуси в дореволюционный период, можно сделать следующие выводы:

– в связи со становлением профессионального ремесла и возникновением нового социального слоя – городских ремесленников (IX–XIII вв.) – впервые появляются понятия «ремесленное ученичество» и «профессиональное обучение». Обучение ремеслу становится способом и возможностью для постижения производства и освоения профессии человеком;

– появление групповой формы обучения ремеслу (XIV–XVII вв.) потребовало от человека приобретения специальных знаний и навыков, а также развития процесса и системы производственного обучения;

– развитие мануфактурного производства (XVIII – начало XIX вв.) совершенствовало процесс и систему производственного обучения, способствовало появлению более прогрессивных изменений в системе образования и подготовке кадров квалифицированных рабочих, а также приближению крупной машинной индустрии;

– эпоха индустриализации (XIX – начало XX вв.) способствовала зарождению фабричного трудового законодательства, а вместе с ним и отрасли трудового права и таким образом явилась инструментом для совершенствования профессионального образования и создания его системы.

Литература

1. Томашевчкий, К.Л. Очерки трудового права (История, философия, проблемы систем и источников): монография / К.Л. Томашевский ; науч. ред. О.С. Курылева. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 335 с.

2. Периодизация всемирной истории [Электронный ресурс]: курс лекций отечественная история. – Режим доступа : https://studfiles.net/preview/2555116/page:2/. – Дата доступа : 13.10.2018.

3. Система образования. История и современность [Электронный ресурс] / Ю. Зоря. – Режим доступа : https://www.psychologos.ru/articles/view/sistema-obrazovaniya.-istoriya-i-sovremennost. – Дата доступа : 13.10.2018.

4. Трудовое воспитание и обучение в истории мировой школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://megaobuchalka.ru/9/20012.html. – Дата доступа : 13.10.2018.

5. Воспитание у древних славян и в Киевском государстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studopedia.ru/4_63838_vospitanie-u-drevnih-slavyan-i-v-kievskom-gosudarstve.html. – Дата доступа : 02.10.2018.

6. Ремесла в Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Ремёсла_в_Древней_Руси. – Дата доступа : 02.10.2018.

7. Когда возникло ремесло? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=f9bf899d-31c9-4a9c-86b9-24e1eaf2723d. – Дата доступа : 02.10.2018.

8. Профессиональное образование в России – история развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://megaobuchalka.ru/8/31536.html. – Дата доступа : 13.10.2018.

9. Ученичество [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Ученичество. – Дата доступа : 19.09.2018.

10. Скворцова, Т.К. Отечественный и зарубежный опыт обучения ручному труду в историческом аспекте [Электронный ресурс] / Т.К. Скворцова // Преподаватель XXI века. – 2010. – № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt-obucheniya-ruchnomu-trudu-v-istoricheskom-aspekte. – Дата доступа : 19.09.2018.

11. Ханников, А. История Великого Княжества Литовского [Электронный ресурс] / А. Ханников. – Режим доступа : https://statehistory.ru/books/Aleksandr-KHannikov_Istoriya-Velikogo-Knyazhestva-Litovskogo/. – Дата доступа : 02.10.2018.

12. Как дать краткую характеристику ученику, мастеру и старшине? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3051646-kakaja-dat-kratkuju-harakteristiku-ucheniku-podmasterjumasteru-i-starshine.html. – Дата доступа : 13.10.2018.

13. Возникновение мануфактур на территории Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gistoryja.ru/vtoraya-polovina-XVI-konec-XVIII-v/67-vozniknovenie-manufaktur-na-territorii-belarusi..php. – Дата доступа : 02.10.2018.

14. Цехи в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://traditio.wiki/Цехи_в_России. – Дата доступа : 19.09.2018.

15. Характеристика мануфактурного производства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://uchebnik.online/istoriya-ekonomiki-knigi/harakteristika-manufakturnogo-proizvodstva-60933.html. – Дата доступа : 19.09.2018.

16. Производственное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pedagogicheskaya.academic.ru/1939/ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ_ОБУЧЕНИЕ. – Дата доступа : 03.10.2018.

17. Скворцова, Т.К. Отечественный и зарубежный опыт обучения ручному труду в историческом аспекте / Т.К. Скворцова. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/v/otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt-obucheniya-ruchnomu-trudu-v-istoricheskom-aspekte. – Дата доступа : 03.10.2018.

18. Шатюк, Т.Г. Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере уездного г. Гомеля Могилевской губернии) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.Г. Шатюк ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 17 с.

19. Новик, Н.Е. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.Е. Новик ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 19 с.

20. Развитие института трудовых споров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sdamzavas.net/1-49346.html. – Дата доступа : 03.10.2018.

21. Левкина, Е.С. Формирование фабрично-трудового законодательства в Российской империи во второй половине XIXв. – начале XX в. [Электронный ресурс] / Е.С. Левкина. – Режим доступа : http://pravozashitnik.net/ru/2014/4/12. – Дата доступа : 10.11.2018.

22. Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://p.120-bal.ru/pravo/11399/index.html?page=8. – Дата доступа : 10.11.2018.

23. Развитие трудового права в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://mydocx.ru/6-3272.html. – Дата доступа : 03.10.2018.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.11.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 342

Education reforms in the Republic of Belarus: legal aspects

L.A. Krasnabayeva

In this article the process of formation, institutionalization and development of the national education system is considered on the basis of regulatory legal material. The normative documents accepted in this period laid the foundation, on the one hand, the fundamentals and directions of educational policy, on the other hand, practical ways of their implementation. Education in the Republic of Belarus is the main priority of state policy. The main innovations of the Code of the Republic of Belarus «On Education» are analyzed in the article, the provisions on education, quality assurance in education are discussed. A particular emphasis is made on the issues of the upgrading of the system of teacher education. The article raises the question of the professional motivation of future graduates. The issue of professional motivation of future graduates is discussed. According to the results of the legal analysis, conclusions are drawn reflecting the current trends in legislative regulation in the field of education.
Keywords: education system, education school, educational policy, education reform, normative documents, teacher.

В данной статье на основе нормативно-правового материала рассматривается процесс становления, институционализации и развития национальной системы образования. Принятые в этот период нормативные документы заложили основу, с одной стороны, основы и направления образовательной политики, с другой – практические пути их реализации. Образование в Республике Беларусь является основным приоритетом государственной политики. В статье анализируются основные нововведения Кодекса Республики Беларусь «Об образовании», обсуждаются положения об образовании, обеспечение качества в образовании. Особое внимание уделено вопросам совершенствования системы педагогического образования. В статье поднимается вопрос о профессиональной мотивации будущих выпускников. По результатам юридического анализа сделаны выводы, отражающие современные тенденции законодательного регулирования в сфере образования.
Ключевые слова: система образования, школа образования, образовательная политика, реформа образования, нормативные документы, учитель.

Education in the Republic of Belarus is regarded as one of the main priorities in the state policy. The modern system of teacher education in the Republic of Belarus is a developing system that is open, multilayered and multifunctional. The indicator of the development of the system is the constant updating of the content and the structure of teacher education at all stages and levels. Almost half of the country's pedagogical staff is involved in the system of general secondary education. In our country there are more than 8 thousand educational institutions, in which about 430 thousand employees work. The system of education includes the system of preschool education, the system of general secondary education, the system of vocational and secondary specialized education, the system of higher education, the system of postgraduate education, the system of additional adult education, the system of additional education for children and youth, and a special education system [1].

The development of the national system of education and upbringing is based on the following basic principles: the priority of universal values; national, cultural and scientific basis; orientation to the world level of education; humanism; connection to the public practice; ecological orientation; continuity and connectedness; the unity of teaching, spiritual and physical education; democracy; environmental approach; encouragement of talent and education; compulsory basic education.

All these principles were established under the framework of the reform of the general school education, conditioned predominantly by the transformation of the social and economic structure of society, the turn to a market economy and changes in the political sphere of Belarusian society.

The process of reforming the education system in the Republic of Belarus began in 1998. The blueprint for the reform of the general educational school system in the Republic of Belarus and the Program for its implementation were developed and approved, the following points were deter-

mined: the content of 12 main stages, organizational, managerial and resource support of the reform, the leading directions of the development of the levels of general education. In the process of the reform, a transition to the education of children from the age of six was carried out. Alongside the structural reorganization of the school system, a new system for assessing students' knowledge was introduced (introduction of the 10-point assessment of knowledge); centralized testing at the end of school, as well as the planned transition to 12-year training [2].

However, at the official level, the reform of school education was found to be ineffective and completely suspended. In 2008, the Decree No. 15 by the President of the Republic of Belarus «On Certain Issues of General Secondary Education» in order to ensure equal opportunities for all citizens to obtain general secondary education that meets the current conditions of the socioeconomic development of the Republic of Belarus has established that the period for obtaining general secondary education is 11 years.

These transformations did not include significant reforms in teacher education aimed directly at the training of schoolteachers and improving pedagogical qualifications. Nevertheless, they occurred.

The main directions of modernization have affected the organization, structure and the content of pedagogical education, namely the transition from the departmental system of education to the university system; the creation of institutes for further training, research centers at universities, the introduction of a multi-level training system; the emergence of new industries (andragogy, valeology, etc.) and the areas of pedagogical knowledge (media education, multicultural education, gender pedagogy, etc.), the development and implementation of new educational standards [3].

However, as practice has shown, such a transformation of pedagogical education was not enough. The problems in the work of teachers are evidenced, for example, by the fact that a significant number of students are forced to get tutors for admission to higher education institutions (for example, in 2016, 30 % of school leavers attended classes with tutors) [4]. It shows that school education is not enough for most school leavers. Currently, the normative legal basis for the development of teacher education is: the Constitution of the Republic of Belarus, the National Strategy for Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2020 [5], the Concept of the Development of Teacher Education for 2015–2020 in the Republic of Belarus [6], the State Program «Education and Youth Policy» for 2016–2020 [7], the Concept of Formation and Development of Innovation-Industrial Clusters in the Republic of Belarus [8]; Conceptual approaches to the development of the education system of the Republic of Belarus up to 2020 and for the future up to 2030 [9].

The prospects for the development of the education system in the upcoming five-year period will depend on the degree of intensity of the economic development of the country, the possibility of finding additional resources to ensure the qualitative growth of the national education system, the strategy for action to solve the tasks set for the education system, to reach at least 6 % of the gross domestic product funding target for education. It is possible to say that the sphere of pedagogical education, as well as education in general, needs further reform. The main tasks of transformations in the sphere of general secondary education are:

1. The creation of an independent quality assessment system for general secondary education;
2. The development of pre-vocational training and vocational training of students (including the sixth school day);
3. The Introduction of profile education in the third stage of general secondary education;
4. The active use of information and communication technologies in the educational process;
5. Increasing of the qualification level of teachers.

In addition, the mechanism for implementing the set tasks until 2020 includes participation in the International System for Assessing the Quality of General Secondary Education PISA [9].

While considering the pedagogical education itself, one of the steps of the education reform is the formation of new competencies for future teachers. At present, the educational standards of 2013 stipulate the formation of three groups of competences for the future specialists in the field of education: academic ones, including knowledge, skills in the studied subjects and the ability to

learn; social-personal, including cultural-value orientations, the knowledge of the ideological, moral values of society and the state and the ability to follow them; professional, including the ability to solve problems, develop plans and ensure their implementation in the chosen field of professional activity.

The reform consists in the fact that the graduates of pedagogical specialties of higher education institutions will also need to have information and communication skills: to have a methodology for searching for new information, ideas, etc., a methodology for analyzing and adapting knowledge to their professional needs; to be able to transform information into specific knowledge; form the information culture of students, etc. Moreover, they will need project competencies allowing the graduates to consciously and independently plan professional activities, meaningfully build a professional career, etc. A modern teacher will need to be able to work with different categories of children and their parents: talented and gifted children; orphans and children left without parental care; with children with disabilities and children with special psychophysical development; children who find themselves in socially dangerous conditions; prone to alcohol or narcotic and psychotropic substances; with deviant behavior; with cyber dependency; as well as with their families, including disadvantaged; to act confidently in a context of inclusive education; own technologies of pedagogical support, mediation, tutoring [7].

Among the main priorities of the state educational policy is the development of an inclusive approach to education that will ensure the realization of the citizens' right to receive quality education and social integration, which is an important factor in the sustainable development of society [10].

The State Program for the Development of Special Education in the Republic of Belarus for 2012–2016 [11] includes measures to improve the training of teaching staff. On September 1, 2016 on the basis of the Belarusian Pedagogical University named after Tank the Institute of Inclusive Education was opened. The priority directions of its activity are the development of the system of training of teachers capable of implementing various forms of education of persons with special educational needs at different levels of education (organization of the educational process at the initial stage of higher professional education, development and implementation of master's programs, training of highly qualified educational workers). The urgency of creating the Institute of Inclusive Education is primarily conditioned by the accession of the Republic of Belarus to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, adopted at the UN in 2006, which proclaimed the obligation of the States parties to the Convention to ensure inclusive education at all level in a lifetime. At the moment, the system of general secondary education in the Republic of Belarus is as follows. In the academic year 2017/2018, 3,067 general secondary schools operated in the Republic of Belarus, including 1,580 secondary schools, 208 gymnasiums and boarding schools, 29 lyceums (including specialized ones), 885 educational pedagogical complexes and 190 special education institutions. Almost all schools are public. The last private gymnasium was closed in 2011. The share of children who studied in the Belarusian language in 2005/06 – 2012/13 school years decreased from 23,3% to 16,6 % (from 280.2 to 150.7 thousand), in Russian – increased from 76,7 % to 83,3 % (change from 922,9 thousand to 757.7 thousand). In addition, in the 2012/13 academic year, 670 children were taught in Polish and 57 in Lithuanian.

For comparison: in 2017/18 school year, in the 51 higher educational institutions of the Republic of Belarus 284,300 students study (159,800 on daytime education, 1,300 at night, and 123,200 at correspondence courses. more than 19 thousand foreign citizens study in higher education, in Belarus there are 330 students of institutions of higher education per 10 thousand people, which corresponds to the level of European countries.

The implementation of conceptual approaches in the sphere of education will require the adjustment of the Code of Education of the Republic of Belarus, which is the main legislative act regulating social relations in the sphere of education, changes and additions to the Decrees of the President of the Republic of Belarus, adoption of new Resolutions of the Council of Ministers. It is also necessary to develop a plan of measures aimed at implementing the provisions of the Code. It is assumed that the reform of pedagogical education and the implementation of conceptual approaches will allow forming a national model of competitive multilevel education.

References

1. Education Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : January 13, 2011, № 243-З : adopted by the House of Representatives on December 2, 2010 : approved by the Council of the Republic on December 22, 2010. – Access mode : http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243. – Access date : 04.09.2018.

2. Tasks, directions and results of the reformation of the Belarusian school [Electronic resource]. – Access mode : http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act. – Access date : 05.16.2018.

3. Kapranova, V.A. Educational reforms: domestic and foreign experience: monograph / V.A. Kapranova. – Minsk : BSPU, 2007. – 162 p. (in Russian)

4. Listopadov, V. Education reform: When Will the Belarusian School Finish the Stalin Decade? [Electronic resource] / V. Listopadov. – Access mode: https://news.tut.by/society/492550.html. – Access date : 05.15.2018. (in Russian)

5. On the development of the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2020: approved. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of June 27, 2003, № 863 // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2003. – № 74. – 5/12698.

6. About the State Innovative Development Program of the Republic of Belarus for 2016–2020: approved. by Decree of the President of the Republic of Belarus of January 31, 2017, № 31 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2017. – 1/16888.

7. On approval of the Concept for the development of pedagogical education for 2015–2020 [Electronic resource]: approved. Order of the Ministry of Education of the Republic of Belarus of February 25, 2015, № 156. – Access mode : http://etalonline.by/?type=text&regnum=u615e2727#load_text_none_10_3. – Access date : 05.15.2018.

8. On approval of the Concept of formation and development of innovation-industrial clusters in the Republic of Belarus and measures for its implementation: approved. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of January 16, 2014, № 27 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2014. – 5/38322.

9. Conceptual approaches to the development of the education system of the Republic of Belarus until 2020 and for the future until 2030 [Electronic resource]: approved Order of the Minister of Education of the Republic of Belarus of November 29, 2017, № 742. – Access mode : http://edu.gov.by/sistema.../respublikanskyi. – Access date : 04.24.2018.

10. On approval of the Concept of development of inclusive education for persons with peculiar psychophysical development in the Republic of Belarus [Electronic resource]: approved. Order of the Ministry of Education of the Republic of Belarus of July 22, 2015, № 608. – Access mode : http://edu.gov.by/sistema.../respublikanskyi. – Access date : 04.24.2018.

11. On approval of the State program for the development of special education in the Republic of Belarus for 2012–2016: approved. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of March 7, 2012, № 210 // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2012 – № 32. – 5/35382.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 12.09.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 34.01:340.11

Дискурс-анализ в юридических исследованиях

Т.В. Лисовская[1], Л.А. Краснобаева[2]

Статья посвящена проблемам развития методологии правового дискурса в юридических исследованиях. Авторы анализируют проявления правового дискурса в различных направлениях, выделяют особенности этой категории в различных областях научного знания, что является возможным в связи с интегративной тенденцией развития науки о праве. Авторы обосновывают дискурс-анализ как методологический подход, позволяющий наиболее полно описывать феномен правовой коммуникации.
Ключевые слова: административный дискурс, дискурс-анализ, гендерный анализ, методология правового дискурса, правовой дискурс, теория права.

The article deals with the problems of methodology development of the legal discourse in legal research. The authors analyzes the manifestations of legal discourse in various directions, identifies features of this category in various fields of scientific knowledge and describes the features of this category in various sciences, which is possible due to the integrative trend of the legal science development. The paper substantiates the legal discourse analysis as a methodological approach that allows describing more thoroughly the phenomenon of legal communication.
Keywords: administrative discourse, discourse-analysis, gender analysis, legal discourse methodology, legal discourse, theory of law.

Введение. При проведении правовых исследований следует применять общенаучные и частные методы юриспруденции, а также использовать ряд специальных и частных методов других наук (социологии, психологии, истории, экономики и др.). Одним из методических инструментов в юридических исследованиях является дискурс-анализ, который позволяет исследователю выявить скрытый (латентный) смысл, заложенный в нормативных правовых актах, и его проявление в процессе реализации правоотношений, скрытые причины общественных проблем (например, низкой эффективности системы предотвращения домашнего насилия, социальной незащищенности многодетных матерей), выявить тенденцию развития, а также спрогнозировать ожидаемый эффект.

Основная часть. В рамках дискурс-анализа в правовых исследованиях предметом изучения является правовой дискурс. В теории языка дискурс понимается как сложное многофакторное явление, включающее участников коммуникации, ситуацию общения и текста. Юридический (правовой) дискурс – это процесс использования языка (в письменной и устной форме) субъектами права в ситуации правовой коммуникации, который зависит от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения. К правовому дискурсу можно отнести коммуникативный процесс, возникающий в рамках нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также в рамках правоотношений. Правовой дискурс может выступать в качестве обобщающего понятия (правовой дискурс гендерного равенства в Республике Беларусь [1, с. 242], правовой дискурс обеспечения равных прав родителей, дискурс прав человека в системе уголовного правосудия [2, с. 88]), объединяющего множество дискурсов (и правовое закрепление, и правоприменительную практику по выделенным понятиям). И то же время правовым дискурсом можно также признать частный случай, например, административный дискурс, общения государственного служащего и гражданина на приеме, судьи с подсудимым в уголовном процессе, адвоката с подзащитным, следователя и подозреваемого и т. д. [3], [4].

Правовой дискурс включает и «feedback» – воздействие правовой нормы на общество, которое интерпретирует их в соответствии с субъективными и объективными факторами: личностным восприятием, идеологией и мировоззрением.

Таким образом, юридический дискурс включает в себя:

– субъекты, участвующие в процессе коммуникации (субъекты нормотворческой деятельности, субъекты правоотношений);

– процесс языковой деятельности (дискурсивная практика, коммуникация), которая проявляется в процессе формирования правовой нормы или в процессе правоотношений;

– текст в виде правовой нормы или в виде устного текста в рамках конкретных правоотношений. К информации в правовом дискурсе относятся, прежде всего, правовые акты, а также вся информация, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, изучения практики их применения. В правовую информацию включаются также материалы о правовом образовании и разработке научных концепций развития права, документы судопроизводства, стенограммы судебных заседаний, расшифровки видеозаписей и т. д.

– среда, которая включает ситуационный контекст (причины и условия формирования дискурса), а также идеологические факторы, влияющие на форму и содержание дискурса.

Как мы видим, в рамках дискурс-анализа правовые нормы и устные высказывания в рамках правоотношений следует рассматривать контекстуально, в рамках культуры и идеологии общества, а также принимая во внимание характеристики субъектов правотворческой деятельности [5].

Таким образом, целью дискурс-анализа является исследование не только процессов, протекающих в сфере права, на основе правовых текстов, но и процессов, проходящих в сфере общественных отношений. Комплексный дискурс-анализ как методологический подход направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах текст становится возможным, и что при этом явилось внутренней или внешней движущей силой.

Дискурс-анализ относится к качественным инструментам, позволяющим исследователю выявить скрытый смысл, заложенный в нормативно-правовых актах и его проявление в процессе реализации правоотношений. Это позволяет исследователю определить, например, «гендерную окрашенность» правового дискурса (например, дискурс определения места жительства детей при разводе родителей), выявить причины практики оставления детей преимущественно с матерью, прояснить, как государственные акты и проводимая политика оказывают различное воздействие на разные гендерные группы).

Различают и административный дискурс, который традиционно относится к конституционному и административному праву, т. е. юридическому дискурсу и обладает специфическими признаками [6, с. 14]. Административный дискурс может быть проанализирован в двух направлениях: по вертикали, т. е. по уровню власти, и по горизонтали, т. е. по профессиональной направленности. Следует учитывать, что субъектом административного дискурса является должностное лицо, государственный служащий.

Методика дискурс-анализа в правовых исследованиях. Модель профессионального правового дискурса разработана на основании теоретической модели дискурса М. Хэллидея, с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т.А. ван Дейка [7, с. 41]. Однако для исследователя-юриста не всегда возможно проведение глубокого дискурс-анализа на основании анализа семиотических компонентов дискурса. Кроме того, несмотря на то, что методики дискурс-анализа значительно отличаются в зависимости от подхода исследователя, все они в основном направлены на описание компонентов правового дискурса. Поэтому, на наш взгляд, юристу в рамках конкретного юридического исследования стоит остановиться на изучении и характеристике неотъемлемых составляющих элементов дискурса: субъект-деятельность-текст-среда.

Необходимым этапом исследования правового дискурса является четкое определение и фиксация изучаемых материалов. Правовой дискурс может быть изучен на основании одного текстового материала, например, Кодекса об образовании, Закона о государственной службе. Однако чаще в рамках дискурса текстом, как элементом коммуникации, будет ряд документов. Например, в дискурсе о защите от домашнего насилия (как со стороны мужчины, так и женщины) к изучаемым материалам мы можем отнести: Конституцию Республики Беларусь,

Уголовный кодекс Республики Беларусь, КоАП, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», а также протоколы об административном правонарушении, постановления о наложении административного взыскания, стенограмма административного процесса вынесения постановления. В административном дискурсе, в первую очередь, это будут нормативные правовые акты, регулирующие служебно-правовые отношения: Закон о государственной службе, Закон об обращениях граждан и юридических лиц, Закон об основах административных процедур, а также собственно, обращения граждан и решения должностных лиц.

Анализ элементов юридического дискурса можно осуществить посредством метода деконструкции, который предполагает разбивку каждого компонента на составляющие части для соотнесения намерения автора правового текста с культурным контекстом. Так, в каждом из четырех компонентов структуры дискурса, в свою очередь, можно выделить составляющие их элементы, доминанты (социально обусловленные доминирующие характеристики дискурса), описание которых составляет основу для анализа дискурса.

Субъект в рамках дискурса рассматривается как непосредственный участник правоотношений и, соответственно, характеризуется следующими свойствами: 1) статусно-ролевая характеристика (субъект нормотворчества – депутат, президент, министр и т. д.; субъект правоотношений – пострадавший, истец, государственный служащий, судья, ответчик и т. д.); 2) социально-коммуникативная активность – автор правового текста, адресат, уровень и готовность к обратной связи (пассивный, активный); 3) мотивы и цели в коммуникации – доминирование, компромисс; 4) мировоззренческие позиции и ценности – религиозная, партийная принадлежность, патриархальное, либеральное мировоззрение. При дискурс-анализе следует также рассматривать половую и возрастную характеристику субъектов, так как эти характеристики могут иметь непосредственное воздействие на цели и мотивы субъекта и отражаться в содержании дискурса.

Например, при анализе субъектов в дискурсе судебного процесса об определении места жительства ребенка анализу подлежат непосредственные участники правоотношений: судья и родители в отдельности. Анализ субъектов проводится по доминантам (характерным признакам): отец/мать (истец или ответчик, возраст, социальный статус, вероисповедание, активность/пассивность в ходе судебного процесса, мотивация родителя – ребенок/работа/развлечения/маргинальные увлечения). В случае, когда характеристики отца и матери схожи, решающим фактором могут стать характеристики судьи: (мужчина/женщина, мотивация на обеспечение интересов ребенка, консервативное/либеральное мировоззрение, вероисповедание). Анализ субъектов дискурса в данном случае позволяет определить объективность при вынесении решения либо выявить субъективный фактор при определении места жительства ребенка.

В рамках анализа **деятельности** мы выделяем следующие доминанты: 1) порядок совершения коммуникативных действий – произвольный, формализированный, личностно-ориентированный, место, время; 2) принципы и способы принятия решений – коллегиальный или единоличный, форма решения (вербальная или устная) [8, с. 29]; 3) последовательность действий в ходе правового общения.

Например, при анализе дискурса судебного процесса об определении места жительства ребенка характеризуется сам процесс с момента подачи искового заявления до вынесения решения, анализируется степень формального подхода судьи к изучению материалов дела: все ли аргументы сторон выслушаны в ходе слушания, были ли заданы судьей уточняющие вопросы сторонам (какой стороне), нарушена/не нарушена процедура вынесения постановления, сколько времени занял процесс.

В административном дискурсе анализируется в первую очередь характер изложения и направленность директивного распоряжения или принятого решения должностным лицом.

Текст, как мы говорили, может быть представлен одним или несколькими правовыми документами, а также материалами административных/судебных процессов, стенограммами, и тесно связанными с ними аналитическим, справочными, научными документами. Данный массив в рамках дискурса характеризуется: 1) темой речевого общения; 2) речевым жанром; 3) композицией и последовательностью речевых актов; 4) речевыми средствами.

Например, речь судьи может быть как монологичной, директивной, так и диалогичной, в речи могут быть употреблены обращения («Вы» и «ты») к разным субъектам, нейтральные (женщина, истец, пострадавший) или личностные (употребление фамилий, имен), слова и фразы разные по эмоциональной окраске (мать, девочка, мамаша), наличие оценочных суждений (Почему же Вы не пришли? Когда же Вы собирались (проведать ребенка)? Наверное, Вам было тяжело (одной с больным ребенком)?).

Нормативно-правовой акт хотя и характеризуется особенным жанром и стилем, однако композиция и речевые средства могут показать наличие либо отсутствие гендерной окрашенности посредством выявления феминизмов либо проекции стереотипных моделей поведения.

Компонент правового дискурса **«среда»** включает социокультурную, идеологическую, информационную и контекстуальную (ситуативную) характеристики. Основными доминантами среды являются: 1) ментальность нации – доминирующие ценности, религиозные ориентиры, политические идеологии; 2) картина мира – представление о гендерных ролях, иерархичности общества, месте человека в государстве и в правовой системе; 3) правовая психология, уровень правовой культуры; 4) правовая идеология; 5) всеохватность коммуникативного эффекта – уровень воздействия норм права, правовых текстов на общество и обратная связь.

Анализ характеристик (доминант) элементов дискурса показывает их взаимопроникновение и взаимозависимость. Так, статусно-ролевые характеристики субъектов права влияют на мотивы и цели коммуникации, темы высказываний и социально-коммуникативная активность субъекта определяет порядок действий в рамках определенной вербальной деятельности и может определять принципы и способы принятия решений. В свою очередь мотивы и цели субъектов в правовом дискурсе определяют тему, жанр, композицию и языковые средства информации, мировоззрение и ценности субъектов права определяются ментальностью общества и определяют статусно-ролевые позиции. В свою очередь индивидуальные особенности субъекта влияют на социально-коммуникативную активность, мировоззрение и ценности [7, с. 140].

Что касается административного дискурса, то он характеризуется устойчивостью и закрытостью. Это связано с тем, что дискурс реализуется только в процессе осуществления государственного управления. Государственные служащие (должностные лица) не только создают деловые (предписывающие или констатирующие) тексты, но и реализуют зачастую совершенно иные коммуникативные цели (информирование, совет, предупреждение, рекомендация и т. д.).

Заключение. Таким образом, дискурс-анализ позволяет рассмотреть социо-правовой феномен комплексно и выделить скрытые причины разных общественных проблем (низкую эффективность системы предотвращения домашнего насилия, социальную незащищенность многодетных матерей, низкий уровень профессионализма государственных служащих) и спрогнозировать ожидаемый эффект и выявить тенденцию развития. Арсенал подходов и методов исследования правового дискурса в целом и его элементов в процессе анализа достаточно широк: лингвистические методы, контент-анализ и других методов анализа, контекстуальный анализ, методики наблюдения, в том числе включенного, использование экспертного опроса для интерпретации происходящего в дискурсивном сообществе. На разных этапах и стадиях которого могут быть задействованы и использованы самые различные методы, дополняющие и корректирующие друг друга. В этом неоспоримое преимущество данного подхода как междисциплинарного, оформившегося на стыке социолингвистики и юриспруденции, но впитавшего в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: культурологии, риторики, философии, психологии, политологии, социологии и т. п. в результате, дискурс-анализ проясняет связь между правовыми нормами, социальными, культурными и общественными процессами.

Литература

1. Лисовская, Т.В. Междисциплинарный подход при изучении гендерного равенства в контексте реализации свободы совести / Т.В. Лисовская // Традиции и инновации в праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак-та и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 1. – С. 242–246.

2. Краснобаева, Л.А. Права человека в системе уголовного правосудия: несовершеннолетние заключенные женского пола и женщины с детьми в местах лишения свободы / Л.А. Краснобаева, И.М. Синица // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2016. – № 2 (95). – С. 88–94.

3. Гончаренко, И.Г. Судебный дискурс в современных лингвистических исследованиях [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.rsvpu.ru/filedirectory/8692/Goncharenko_Doklad.pdf. – Дата доступа : 08.01.2019.

4. Никифорова, Э.Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса / Э.Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17. – Филология. Искусствоведение. – Вып. 66. – С. 100–103.

5. Дубровская, Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи / Т.В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия. МНЭПУ», 2010. – 351 с.

6. Евтушенко, О.А. Административный дискурс: институциональные характеристики / О.А. Евтушенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 5 (59). – С. 11–14.

7. Храмцова, Н.Г. Дискурс – правовой анализ: от теории к практике применения: монография / Н.Г. Храмцова. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 180 с.

8. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

[1]Брестский государственный
технический университет

[2]Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 07.12.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 343.9

Научные криминалистические исследования в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы

А.Э. Набатова[1], Е.Ю. Пасовец[2]

Представлен анализ криминалистических научных исследований в Республике Беларусь на современном этапе. Авторами определены области, требующие серьезных фундаментальных и прикладных исследований, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью. По результатам рассмотрения сформулированы обоснованные выводы о перспективах развития отдельных научных направлений в сфере криминалистики.
Ключевые слова: научные криминалистические исследования, современное состояние, перспективы развития, научные криминалистические школы, криминалистическая техника, тактика, методика, фундаментальные и прикладные исследования, борьба с преступностью, расследование преступлений.

The analysis of forensic scientific research in the Republic of Belarus at the present stage is presented. The authors identified areas requiring serious basic and applied research aimed at improving the effectiveness of the fight against crime. Based on the results of consideration, reasonable conclusions were formulated on the prospects for the development of individual scientific fields in the field of forensic science.
Keywords: scientific forensic research, current state, development prospects, scientific forensic schools, criminal investigation technique, tactics, methods, fundamental and applied research, fight against crime, crime investigation.

В Республике Беларусь научные криминалистические исследования занимают одно из ведущих мест. Учитывая сервисную функцию криминалистики в области борьбы с преступностью можно утверждать, что именно ученые-криминалисты разрабатывают эффективный инструментарий противодействия преступности, используя достижения научно-технического прогресса, совершенствуя тактические прием и средства, методику расследования преступлений. Тем не менее, на сегодняшний день ведется перманентная дискуссия между учеными и практиками об эффективности и полезности исследований в сфере криминалистики, которые уже проведены или находятся в стадии разработки. В Республике Беларусь новый этап развития криминалистики начался с 1991 г. Ученые-криминалисты, используя опыт и научные знания, накопленные ранее, продолжили формировать методологические и прикладные основы криминалистики, принимая во внимание новые реалии национального законодательства.

В *целях* определения проблемных областей в криминалистической науке, требующих серьезных фундаментальных и прикладных исследований, формирования обоснованных выводов о перспективах развития отдельных научных направлений возникает необходимость систематизации научных разработок на уровне диссертационных исследований, проведенных в Республике Беларусь за период с 1991 по 2018 гг. включительно. Для достижения поставленной цели предстоит решить следующие *задачи*: провести систематизацию криминалистических научных исследований; определить проблемные области в криминалистической науке, требующие фундаментальных и прикладных разработок; сформировать перспективные направления для дальнейшей научной деятельности.

Таким образом, *объектом* для изучения в статье выступает совокупность научных криминалистических исследований на уровне докторских и кандидатских диссертаций предпринятых в Республике Беларусь на современном этапе.

На более ранних этапах неоценимый вклад в развитие криминалистической науки и формирование научных школ внесли И.И. Басецкий, Г.И. Грамович, А.В. Дулов, Г.А. Зорин, Н.И. Порубов. Под их руководством защищены докторские и кандидатские диссертации, издана учебная и научная литература, получившая признание в республике и далеко за ее пределами. В настоящее время широко известны докторские диссертации по специальностям 12.00.09, 12.00.12 Л.Г. Горшениена [1], А.Е. Гучка [2], В.Ф. Ермоловича [3], К.А. Исаевой [4], Г.Н. Мухина [5], А.С. Рубиса [6], В.Б. Шабанова [7], В.П. Шиенка [8].

Кандидатские диссертации в области криминалистики защитили: Т.П. Андрианова, И.А. Анищенко, Б.В. Асаенок П.Л. Боровик, О.С. Бочарова, Н.С. Бушкевич, А.А. Вишневский, А.И. Габа, Е.Ю. Горошко, В.Л. Григорович, И.В. Данько, Г.Б. Дергай, А.В. Дешук, О.М. Дятлов, К.С. Егоров, В.И. Елётнов, Н.В. Ефременко, М.Г. Жук, Р.Г. Зорин, Д.В. Исютин-Федотков, Ю.Ф. Каменецкий, О.Г. Каразей, В.К. Кирвель, Е.И. Климова, В.Е. Козлов, М.А. Кравцова, В.С. Красиков, С.К. Купрейчик, И.А. Лапина, Е.А. Лаппо, О.И. Левшук, В.И. Левонец, А.Н. Лепехин, В.М. Логвин, О.В. Маркова, И.А. Моисеева, И.Г. Мухин, А.Э. Набатова, Е.П. Орехова, Г.А. Павловец, А.П. Пацкевич, И.В. Пашута, Ю.В. Пономаренко, Л.М. Попова, А.Н. Порубов, С.Ю. Ревтова, Р.М. Ропот, Р.В. Скачек, В.С. Соркин, В.А. Талалаев, О.В. Танкевич, Е.К. Тарсова, М. Третьяков, Г.В. Федоров, В.В. Хилюта, А.М. Хлус, Ч. Цзиньцзе, Х.Я. Цзун, Н.Г. Цыпарков, А.И. Чувак, Е.П. Чуприна, Ю.П. Шкаплеров, М.П. Шруб.

Для полноты восприятия диссертационных исследований целесообразно провести объединение их в группы, взяв за основу систему криминалистики.

I. *В первую группу целесообразно включить диссертационные исследования, посвященные общим положениям криминалистики, ее предмету, системе, задачам и методам (всего 8: 3 докторских диссертации; 5 кандидатских диссертаций).* В заявленном контексте следует отметить докторскую диссертацию *Л.Г. Горшенина,* посвященную теории криминалистического прогнозирования ее содержанию, структуре, информационной базе, методике (Минск, 1994 г.). Особого внимания заслуживает докторская диссертация *А.С. Рубиса* (Минск, 2007 г.). Автором сформирована теория криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. Серьезный интерес в научном сообществе вызывает докторская диссертация *А.Е. Гучка,* существенно дополнившая знания о предмете криминалистики через разработку криминалистического учения о материальной структуре преступления (Минск, 2014 г.).

На уровне кандидатских диссертаций можно отметить исследования: *В.И. Левонец* – о криминалистической методологии преодоления латентных ошибок (Гродно, 1995 г.); *И.А. Лапиной* – о преступлении в структуре предмета криминалистики (Минск, 2004 г.); *М.А. Кравцовой* – о криминалистических закономерностях отражения преступления в виде морального вреда и его установлении (Минск, 2013 г.).

Весомый вклад в разработку криминалистических методов внесли: исследование на уровне кандидатской *А.Е. Гучка* о методе криминалистического матрицирования при расследовании преступлений (Минск, 1999 г.) [9]; кандидатская диссертация *Ю.В. Пономаренко* о применении метода криминалистической ретроспекции при расследовании преступлений (Минск, 2003 г.).

II. Вторая группа объединяет в себе исследования, посвященные криминалистической технике, ее основным положениям и отдельным отраслям (всего 14 кандидатских диссертаций). Нельзя не остановиться на кандидатских диссертациях *И.А. Анищенко*, исследовавшей теорию и практику предупреждения преступлений с использованием научно-технических средств и методов (Минск, 2004 г.), *Г.Б. Дергая,* посвятившего свое исследование вопросам теории и практики использования достижений научно-технического прогресса в расследовании преступлений (Минск, 2003 г.). Примечательной является диссертация *Чжу Цзиньцзе* о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике (Минск, 2014 г.).

В области криминалистической фотографии и видеозаписи следует отметить работу *Г.А. Павловец* о фиксации доказательственной информации с помощью цифровых средств (Минск, 2012 г.). Вопросам разработки методов криминалистического исследования патронов (боеприпасов) к ручному стрелковому огнестрельному оружию посвящено исследование *Е.А. Лаппо* (Минск, 2016 г.).

В кандидатской диссертации *О.С. Бочаровой* сформированы теоретические и методические основы криминалистического исследования ценных бумаг и документов со специальной защитой (Минск, 1998 г.). *Н.В. Ефременко* представлена методика криминалистического исследования изготовленных по современным технологиям удостоверительных печатных форм и их оттисков (Минск, 2009 г.). *Р.М. Ропотом* разработана методика установления давности образования следов-отображений в судебной экспертизе (на примере исследования оттисков печатей и штампов) (Минск, 2015 г.).

Теоретико-прикладным аспектам разработки и использования функционального портрета человека в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности посвящены диссертации *Л.М. Поповой* (Минск, 1995 г.), *В.И. Елётнова* (Минск, 2016 г.).

К.С. Егоровым исследованы теоретические и прикладные аспекты применения метода криминалистической диагностики в судебно-фонографической экспертизе (Минск, 2004 г.). Теория и практика использования одорологии в борьбе с преступностью рассмотрены в исследовании *Г.В. Федорова* (Минск, 1999 г.). Криминалистическая голография представлена в работе *В.Л. Григоровича* (Минск, 2005 г.). Вопросам теории и практики повышения эффективности использования криминалистических учетов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений посвящено исследования *А.П. Пацкевича* (Минск, 2000 г.).

III. Третья группа представлена диссертациями в области криминалистической тактики (всего 14 кандидатских диссертаций). В.С. Соркин посвятил свою диссертацию проблемам формирования стратегии и тактики защиты по уголовным делам (Гродно, 1996 г.). *В.М. Логвин* сформировал организационные и правовые основы взаимодействия следователя и оперативных работников внутренних дел при расследовании преступлений (Минск, 1999 г.). *Е.К. Тарасова* разработала организационно-тактические основы производства дополнительного расследования уголовных дел (Минск, 2000 г.). *Б.В. Асаенком* исследованы вопросы преодоления противодействия расследованию преступлений (Минск, 2003 г.). *Е.П. Чуприной* сформированы основы взаимодействия следователя и эксперта (Минск, 2008 г.).

Тактика осмотра и освидетельствования в досудебном производстве разработана *Ю.П. Шкаплеровым* (Минск, 2009 г.); допроса исследована и усовершенствована в работах *А.Н. Порубова* (Минск, 2000 г.), *С.Ю. Ревтовой* (Минск, 2002 г.); получения образцов для сравнительного исследования сформирована в диссертации *Д.В. Исютина-Федоткова* (Минск, 2003 г.).

Е.Ю. Горошко сформированы теоретические и прикладные основы комплексных экспертных исследований в уголовном процессе (Минск, 2010 г.). *О.М. Дятлов*ым разработаны теория и практика автоматизации судебно-экспертных исследований (Минск, 1998 г.); *Р.Г. Зориным* исследованы вопросы применения специальных криминалистических знаний при осуществлении защиты по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях (Гродно, 1999 г.). *В.К. Кирвелем* предложены теоретико-правовые и организационные основы применения полиграфа в борьбе с преступностью (Минск, 2004 г.). *Е.П. Ореховой* разработано организационно-правовое обеспечение формирования и применения методики экспертного исследования (Минск, 2014 г.).

IV. Четвертая группа включает в себя научные исследования по криминалистической методике (всего 36: 4 докторских диссертации; 32 кандидатских диссертации). Весомую лепту в разработку общих положений криминалистической методики внес докторской диссертацией *В.Ф. Ермолович* (Минск, 2001 г.). Ученый разработал теоретические и прикладные основы криминалистической характеристики преступлений как элемента криминалистической методики.

А.С. Рубисом в кандидатской диссертации комплексно исследована деятельность прокурора по выявлению преступлений (Минск, 2001 г.) [10]. Теории и практике изучения личности обвиняемого при расследовании преступлений посвящена кандидатская диссертация *А.И. Чувака* (Минск, 2010 г.). Разработку теоретических и прикладных основ расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы на страницах своей диссертации провел *О.Г. Каразей* (Минск, 2008 г.). *И.Г. Мухиным* сформирована криминалистическая характеристика краж цветных металлов и предложены методические рекомендации выполнения первоначального этапа расследования (Минск, 2009 г.). *О.И. Левшук* разработаны основы расследования краж личного имущества на объектах железнодорожного транспорта (Минск, 2016 г.).

А.Э. Набатовой предлагаются понятие, содержание методов криминалистической алгоритмизации и программирования, продемонстрировано их практическое значение и возможности по использованию (на примере расследования разбоев) (Минск, 2010 г.). *А.В. Дешуком* сформировано криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства (Минск, 2016 г.). Организационно-тактическим проблемам расследования вымогательства посвящена работа *А.М. Хлуса* (Минск, 1996 г.). Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджет-

ной сфере представлена в диссертации *Ю.Ф. Каменецкого* (Минск, 2016 г.). В контексте разработки вопросов, связанных с расследованием поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности следует отметить диссертацию *И.В. Данько* (Минск, 2000 г.).

Среди работ, посвященных расследованию преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, следует отметить докторскую диссертацию *К.А. Исаевой* (Минск, 2002 г.). Методике расследования преступлений, совершенных в банковской сфере, посвящены кандидатские диссертации: *А.А. Вишневского* – разработана методика расследования выманивания кредита или дотации (Минск, 1998 г.); *И.А. Моисеевой* – использование криминалистического анализа и иных методов раскрытия преступлений в банковской сфере (Гродно, 1999 г.), *В.В. Хилюты* – расследование мошенничества в сфере банковской деятельности (Минск, 2004 г.). Криминалистические технологии расследования преступлений, связанных с сокрытием экономической несостоятельности (банкротства) предлагаются *Г.М. Третьяковым* (Минск, 2010 г.). *Н.Г. Цыпарков* исследовал особенности расследования уклонения от уплаты налогов (Минск, 2001 г.). Расследованию легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем посвящены диссертации *М.Г. Жук* (Гродно, 1999 г.), *О.В. Марковой* (Минск, 2004 г.).

Расследованию дорожно-транспортных происшествий, связанных с наездом на пешехода, посвятил свою диссертацию *Р.В. Скачек* (Минск, 2012 г.). *С.К. Купрейчиком* исследованы особенности расследования незаконного оборота наркотических средств (Минск, 2001 г.). *П.Л. Боровиком* сформировано криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего (Минск, 2013 г.).

А.И. Габой разработана криминалистическая характеристика и предложены практически значимые рекомендации по расследованию общественно опасных деяний несовершеннолетних с отклонениями в психике (Минск, 2002 г.). *Г.Н. Мухиным* на уровне докторской диссертации разработана криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения (Минск, 2002 г.).

Н.С. Бушкевичем предложено криминалистическое обеспечение расследования хулиганства, совершенного группой лиц (Минск, 2008 г.). *В.А. Талалаевым* сформировано криминалистическое обеспечение расследования хищений огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, совершенных военнослужащими (Минск, 2012 г.). *Е.И. Климовой* разработаны вопросы расследования фальшивомонетничества с использованием метода моделирования (Минск, 2001 г.). Расследованию преступлений против информационной безопасности, посвящены кандидатские диссертации *В.Е. Козлова* (Минск, 2000 г.), *А.Н. Лепехина* (Минск, 2007 г.). *М.П. Шрубом* разработано криминалистическое обеспечение расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации: (в стране происхождения – на примере Республики Беларусь) (Минск, 2010 г.). Расследованию преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, посвящены докторская и кандидатские диссертации *В.Б. Шабанова* (Гродно, 1995 г.; Минск, 2002 г.) [11], *В.С. Красикова* (Минск, 2005 г.).

Криминалистическая характеристика и стратегия раскрытия преступных инсценировок разработаны *Х.Я. Цзун* (Гродно, 1997 г.). *О.В. Танкевичем* сформированы криминалистическая характеристика и стратегия раскрытия транснациональных преступлений (Гродно, 1997 г.). *И.В. Пашутой* предложены теоретические и прикладные основы расследования преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств (Минск, 2016 г.).

Осмыслив содержательный контекст проведенных исследований, осуществив количественную оценку показателей по криминалистическим научным исследованиям на уровне докторских и кандидатских диссертаций, представляется возможным привести обобщенные данные в отрасли за период с 1991 по 2018 гг.

Таблица – Количество научных криминалистических исследований за период с 1991 по 2018 гг.

Место защиты	Гродно	Минск	Всего:
Докторские диссертации	-	7	7
Кандидатские диссертации	7	58	65
			Итого:72

Таким образом, нельзя отрицать, что за анализируемый период криминалистическая наука в Республике Беларусь продолжила свое развитие. Об этом свидетельствует внушительный массив диссертаций. Важно обратить внимание, что некоторые исследования осуществлялись представителями Кыргызстана, Китайской Народной Республики, некоторые ученые выехали из страны, многих, к большому сожалению, уже нет в живых. Отмечается тенденция смены шифра специальности при написании докторских диссертаций, уход из криминалистики в уголовное право и т. д. Еще одной серьезной проблемой является слабое представительство соискателей из регионов республики. Основная масса ученых сосредоточена в г. Минске.

Необходимо особо подчеркнуть, что под влиянием указанных выше факторов наблюдается существенное отставание научных разработок от запросов практики в деле борьбы с преступностью. Современные реалии таковы, что устоявшиеся взгляды и теории в криминалистике требуют существенного переосмысления с позиций глобальных угроз терроризма, экстремизма, коррупции, торговли людьми, наркотрафика и незаконного оборота оружия. Принимая во внимание всеобщую глобализацию, развитие информационных технологий, пришло время менять традиционные криминалистические подходы к разработке практически значимых рекомендаций путем использования IT-технологий.

Отсюда вытекает еще одна насущная проблема криминалистической науки. Изучение передового зарубежного опыта по расследованию преступлений носит фрагментарный характер на уровне отдельных публикаций, диссертаций и сводится к изучению специальной литературы, которой в настоящее время на русском языке явно не достаточно. В криминалистике наблюдается низкая мобильность ученых, совместные исследования с ближайшими соседями из стран СНГ и зарубежными коллегами практически не проводятся.

Приходится констатировать снижение активности по заимствованию криминалистикой передовых технологий в области естественных и технических наук для нужд расследования преступлений. Подобный вывод напрашивается из анализа диссертационных исследований, не многие из них содержат запатентованные разработки, конкретные методики с описанием исследовательского инструментария.

Острота имеющихся проблем усугубляется отсутствием должного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, без которых не может эффективно развиваться криминалистика и ее разделы. В условиях четвертой промышленной революции, когда наблюдается массовый приход информационных технологий в производство, активизация финансируемых научных исследований в области криминалистики будет способствовать адаптации имеющихся технологий и разработке научно-технических средств, методов, методик способных эффективно воздействовать на уровень преступности в целях его снижения, усилит прикладную функцию науки.

Вместе с тем следует признать, что правоохранительными органами наработаны серьезные механизмы и передовой опыт по профилактике, предупреждению, эффективному расследованию преступлений, который важно и нужно представлять на международной арене нашим зарубежным партнерам и коллегам из стран СНГ. В свою очередь, передовой опыт, осмысленный с позиции криминалистической науки, ее фундаментальных основ и теоретических посылов имел бы больший вес и резонанс. Для разрешения сложившейся ситуации очень важно наладить конструктивный диалог между наукой и практикой путем проведения практико-ориентированных научных исследований, конференций, семинаров с приглашением ученых и криминалистов из России и других стран СНГ, Австрии, Германии, Восточной Европы, Китая и т. д.

На основании вышеизложенного, представляется целесообразным сделать следующие выводы и высказать предложения.

1. Очевидным фактом является активизация разработок по криминалистической технике. Учитывая уровень, достигнутый в области естественных и технических наук, внедрения их средств и методов в различные сферы деятельности, не исключает использования при расследовании преступлений. Приспособление достижений науки и техники для нужд криминалистики – первостепенная задача для исследователей, особенно в условиях информационного общества и цифровизации.

2. Криминалистическая тактика нуждается в новом толчке развития. На сегодняшний день требуют переосмысления тактические приемы и психологические основы проведения следственных действий, а также средства и методы их технического сопровождения.

3. В криминалистической методике недостаточно уделяется внимания транснациональной организованной преступности в различных ее формах и проявлениях. Нет отзыва со стороны ученых по проблемам противодействия терроризму, экстремизму. Есть все основания для разработки информационных основ расследования преступлений на уровне IT-технологий. В связи с этим, необходимо развивать научные направления по формализации криминалистического знания и интеграции его в программные продукты по расследованию преступлений в виде автономных приложений, специализированных программ, в том числе на основе искусственных нейронных сетей, способных существенно облегчить деятельность следователя и вывести на новый качественный уровень.

4. Необходимо повышать взаимодействие между учеными-криминалистами и практиками, вести постоянный диалог о проблемных аспектах правоохранительной деятельности, требующих научного осмысления и формирование, по результатам данного диалога заказа на научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую работу с привлечением для ее выполнения соответствующих специалистов, создание научных коллективов, лабораторий и т. д.

5. В качестве одного из компонентов эффективного взаимодействия науки и практики можно определить привлечение ученых-криминалистов в качестве консультантов при расследовании преступлений, выполнение ими отдельных видов работ в правоохранительных органах, прохождении ежегодных стажировок.

Литература

1. Горшенин, Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Г. Горшенин – Минск, 1994. – 330 с.

2. Гучок, А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / А.Е. Гучок. – Минск, 2014. – 254 л.

3. Ермолович, В.Ф. Теоретико-прикладные проблемы криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Ф. Ермолович. – Минск, 2001. – 38 с.

4. Исаева, К.А. Проблемы криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений в сфере экономики: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / К.А. Исаева. – Минск, 2002. – 312 л.

5. Мухин, Г.Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.09 / Г.Н. Мухин ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 38 с.

6. Рубис, А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Рубис. – Минск, 2007. – 310 л.

7. Шабанов, В.Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Б. Шабанов ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 42 с.

8. Шиенок, В.П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. Теоретические основы, правовые и организационные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.П. Шиенок ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 1995 – 32 с.

9. Гучок, А.Е. Применение метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Гучок. – Минск, 1999. – 139 л.

10. Рубис, А.С. Деятельность прокурора по выявлению преступлений: криминалистический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Рубис. – Минск, 2001. – 21 с.

11. Шабанов, В.Б. Особенности расследования насильственных преступлений в ИТУ: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Б. Шабанов. – Гродно, 1995. – 20 с.

[1]Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

[2]Университет гражданской защиты
Министерства по чрезвычайным ситуациям
Республики Беларусь

Поступила в редакцию 12.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 94:342.4(47+57):342.4(476):342.722.1-055.1/.3

Закрепление принципа гендерного равенства в советских конституциях

И.В. Немкевич

Начало имплементации принципа гендерного равенства в советский конституционный процесс было положено в 1918 г. принятием Конституции РСФСР. Закрепление гендерного равноправия в конституциях Советской Беларуси и других советских республик осуществлялось путем рецепции норм первоначально российской Конституции 1918 г., а затем союзных советских конституций. В статье сделан вывод о целесообразности использования советского опыта конституционного гарантирования равенства прав женщины и мужчины в ходе модернизации действующей Конституции Республики Беларусь.
Ключевые слова: гендерное равенство, права женщин, конституционный процесс, Конституция РСФСР, Конституция СССР, Конституция БССР, Конституция Республики Беларусь, конституционные гарантии.

The implementation of the principle of gender equality in the Soviet constitutional process is considered. The beginning of the implementation of the principle of gender equality in the Soviet constitutional process was laid in 1918 by the adoption of the Constitution of the RSFSR. The consolidation of gender equality in the constitutions of the Soviet Belarus and other Soviet republics was carried out through the reception of the norms of the original Russian Constitution of 1918, and then the union Soviet constitutions. The author makes a conclusion on the expediency of using the Soviet experience of constitutional guaranteeing the equality of the rights of women and men during the modernization of the current Constitution of the Republic of Belarus.
Keywords: gender equality, women's rights, constitutional process, Constitution of the RSFSR, Constitution of the USSR, Constitution of the BSSR, Constitution of the Republic of Belarus, constitutional guarantees.

Введение. Конституция суверенной Республики Беларусь является сегодня одной из самых долго используемых в конституционной истории белорусского государства. Призывы к модернизации основного закона уже стали частью общественно-политической повестки дня, что, разумеется, чрезвычайно актуализирует научное осмысление особенностей, достижений и проблем отечественного конституционного процесса. Принятые же Республикой Беларусь международные обязательства, вытекающие из Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативного протокола к ней, из Пекинской декларации и Пекинской платформы действий [1, с. 4], диктуют очевидную необходимость включения гендерного измерения в таковое осмысление.

Основная часть. Революционно-демократические преобразования 1917 г., проходившие при активном участии женщин, создали условия для кардинального изменения фактического и юридического статусов женщины в обществе. Еще до прихода к власти большевиков женщины обрели право участвовать в голосовании на выборах наравне с мужчинами: летом 1917 г. в Беларуси прошли выборы в местные органы власти в соответствии с постановлениями Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум» и «О выборе волостных земских гласных». Советская власть, утвердившаяся в Беларуси осенью того же года, в своих первых декретах освободила женщин от существовавших прежде ограничений их юридического статуса. Женщины получили право свободно избирать профессию, место жительства, получать образование, расторгать брак, а также право на равную оплату за равный с мужчинами труд. Попытка национально-государственного самоопределения в 1918 г. также отражала процесс революционной эмансипации белорусских женщин: Вторая Уставная грамота БНР (9 марта 1918 г.) конституировала всеобщее и равное избирательное право независимо от половой, национальной и религиозной принадлежности граждан. Заметим, что пост Народного секретаря опеки в составе первого правительства Белорусской Народной Республики был доверен известной участнице белорусского движения П. Бодуновой. Но на конституционный уровень своего закрепления политическое равнопра-

вие женщин и мужчин переходит только с принятием 10 июля 1918 г. первой конституции советской государственности – Конституции РСФСР, действие которой распространялось на советскую часть Беларуси.

Первая советская Конституция принципиально не гарантировала равенства всех граждан, хотя ее ст. 22 и говорила о признании равных прав за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности. «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом», она предоставляла комплекс предусмотренных в ней прав и свобод только тем из граждан, которые относились к категории «трудящихся» и «трудящихся масс», и лишала этих прав «отдельных лиц и отдельные группы» (ст. 23). Мужчины и женщины не выделяются терминологически в качестве субъектов прав и свобод. Отсутствует и прямое указание на принцип равенства женщин и мужчин: подразумевалось их равенство в качестве «трудящихся». И именно в таком качестве женщина получала равные с мужчиной политические права, включая право избирать и быть избранной в Советы. В ст. 64 было особо подчеркнуто, что активным и пассивным правом пользуются «обоего пола граждане». Данная норма явилась первым в истории советского конституционного процесса конкретным шагом по имплементации принципа гендерного равенства. Даже столь ограниченное и частичное его воплощение в Конституции РСФСР 1918 г. вводило советское государство в число первых стран мира, предоставивших женщинам право избирать и быть избранными в представительные органы власти. Ведь до 1917 г. женщины имели избирательные права только в шести странах: Австралии, Дании, Исландии, Новой Зеландии, Норвегии и Финляндии. Отметим, что в Конституцию США соответствующая поправка была внесена через год – в июне 1919 г. (ратифицирована в августе 1920 г.). В Германии избирательное право было впервые предоставлено женщинам в январе 1919 г. и закреплено нормой Веймарской конституции. А в Англии избирательные права женщинам были предоставлены лишь в 1928 г., во Франции и в Италии – уже после Второй мировой войны.

Конституция РСФСР 1918 г., соединив политические права с обязанностью трудиться, признавала труд обязанностью всех граждан обоего пола. Статья 18 Конституции провозглашала лозунг: «Не трудящийся да не ест!». При этом она не содержала норм, уточнявших вопрос о совместимости этой обязанности с функциями материнства и бременем домашнего труда женщин. Формально-юридическое изменение их статуса не устраняло двойной и более нагрузки «равноправных» гражданок, ответственных и за воспитание детей, и за быт семьи. Стараясь хотя бы частично компенсировать эту гендерную ассиметрию, советское государство включало льготы для работающих женщин в трудовое законодательство и законодательство о социальном обеспечении.

Формулировку первой Конституции РСФСР об активном и пассивном избирательном праве граждан «обоего пола» «дисциплинированно» воспроизвели конституции других советских республик. Первой из них, принявшей в октябре 1918 г. собственный основной закон на основе Конституции РСФСР, была Туркестанская (Автономная) Советская Республика. Статья 33 Конституции ТАСР наделяла избирательными правами «обоего пола граждан» РСФСР, «проживающих в Туркестанской Республике» [2, с. 28]. Реципировали данную норму Конституция Дагестанской Автономной ССР 1921 г. (ст. 75) и Конституция Крымской Автономной ССР 1922 г. (ст. 29), а также конституции первых формально независимых от РСФСР национальных советских республик: Конституция советской Латвии 1919 г. (ст. 16), Конституция Украинской ССР 1919 г. (ст. 20), Конституция Азербайджанской ССР 1921 г. (ст. 79), Конституция Армянской ССР 1922 г. (ст. 70) и Конституция Грузинской ССР 1922 г. (ст. 119). Отход от дословного воспроизведения формулировки ст. 64 Конституции РСФСР имел место при этом лишь в случае республик Средней Азии (Хорезмской и Бухарской), провозглашенных большевиками в форме «народных» советских республик. Так, ст. 16 Конституции Хорезмской Народной Советской Республики (апрель 1920 г.) гласила: «Правом избирать и быть избранными в Курултай Народных Представителей и в местные Советы пользуется в республике каждый человек, достигший 18 лет, так как признаются равноправными все люди без различия религии, национальности, племенной принадлежности и пола»

[2, с. 97]. Аналогично регулировала вопрос об избирательных правах женщин и ст. 57 Конституции Бухарской Народной Советской Республики (сентябрь 1921 г.): «Правом избирать депутатов и быть избранным пользуются все без исключения граждане БНСР обоего пола, достигшие ко дню выборов 20-летнего возраста» [2, с. 119]. Имплементируя принцип гендерного равенства, данная Конституция, в отличие от Конституции РСФСР, в ст. 12 прямо провозглашала принцип равноправия граждан «независимо от их принадлежности к тому или иному полу, расе, национальности, религии или общественному положению» [2, с. 116]. А обновленная Конституция Хорезмской Народной Советской Республики (1922 г.) включила новую конкретную норму в закрепление данного принципа. «Все граждане без исключения, без различия пола и национальности, – говорилось в ст. 19, – имеют возможность быть принятыми во все как низшие, так и высшие и средние учебные заведения республики для обучения за счет правительства» [2, с. 106].

Первое конституционное закрепление равенства избирательных прав женщин и мужчин в советской Беларуси отмечено своеобразием. Принятая в феврале 1919 г. первая белорусская Конституция по своей структуре и по содержанию была сильно урезанным вариантом Конституции РСФСР 1918 г. Организаторы «игры в независимые республики» (И.В. Сталин) не планировали сохранять недавно провозглашенную ССРБ. Поэтому они считали целесообразным оставить в структуре основного закона очередной «буферной» республики лишь те разделы, которые были необходимы для формального ее юридического оформления. Под «сокращение» попали десять глав Конституции РСФСР, включая и ту из них, в которой закреплялось равенство избирательных прав женщин и мужчин. Данная норма была включена в проект Конституции ЛитБел – следующего эпизода рассчитанной на экспорт революции политики национально-государственного «самоопределения» народов по-советски, которую проводили кремлевские руководители. Статья LX проекта «Конституции Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии» воспроизводила норму ст. 64 российской Конституции 1918 г. в следующей редакции: «Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, пола и гражданства все жители Литовско-Белорусской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет…» [3, с. 313]. Однако летом 1919 г. ЛитБел фактически прекратила свое существование, так и не успев обзавестись собственным основным законом.

Летом 1920 г. в занятом Красной Армией Минске была принята «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии». В этом конституционном акте появляется норма, декларировавшая довольно неожиданный параметр гендерного равноправия – все граждане (без различия пола) получали право пользования землей. Повторное создание белорусской советской республики в 1920 г. «реанимировало» и Конституцию ССРБ 1919 г. Вопиющие пробелы в ее системе II съезд Советов БССР попытался компенсировать в принятых им «Дополнениях к Конституции ССР Белоруссии» неуклюжей отсылкой к российскому законодательству («…по всем остальным вопросам советского строительства в ССРБ съезд постановляет руководствоваться Конституцией и постановлениями VII Всероссийского съезда Советов») [4, с. 203].

Рассмотренные обстоятельства позволяют констатировать курьезный факт: в течение первого «послеоктябрьского» десятилетия советские выборы в Беларуси проходили в отсутствие закрепленных в основном законе республики норм о принципах и порядке их проведения. А норма, конституировавшая в других советских республиках политическое равноправие женщин и мужчин, была включена в конституцию советской Беларуси только с принятием нового основного закона – Конституции БССР 1927 г. Вторая белорусская конституция, юридически оформляя новый статус белорусского государства – статус союзной республики СССР, восполнила пробелы первой советской Конституции 1919 г. Статьи 70 и 71 Конституции БССР 1927 г. с небольшими редакционными изменениями «переводили» на белорусский язык текст «Главы тринадцатой» Конституции РСФСР 1918 г., включавшей норму ст. 64 о равных избирательных правах для граждан «обоих полов» [4, с. 245].

В середине 30-х гг. прошлого века в СССР был сделаны выводы о построении основ социализма и об окончательном разрешении проблемы равноправия женщин и мужчин. Принятая в 1936 г. Конституция СССР впервые прямо закрепила принцип гендерного равенства во всем его объеме, распространив его на все сферы общественных отношений. Статья 122 «Конституции победившего социализма» указывала на видовое разнообразие прав, в которых женщина уравнивалась с мужчиной: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной культурной и общественно-политической жизни». Нормы этой статьи дословно воспроизводила ст. 97 очередного белорусского основного закона – Конституции БССР 1937 г., заменив слова «женщине в СССР» на слова «женщине в БССР» [4, с. 256]. Данная конституционная новелла сочеталась с подтверждением нормы первых советских конституций о равенстве избирательных прав женщин и мужчин. Статья 135 Конституции СССР 1936 г. говорила о праве всех граждан участвовать в выборах независимо от пола, а ст. 137 – о том, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами. Конституция БССР 1937 г. дословно воспроизвела формулировки союзного основного закона в ст. 110 и 112 соответственно.

Разумеется, закрепление на конституционном уровне понимания того, что женщина должна быть равной мужчине не только в праве избирать и быть избранной в Советы, но и во всех других областях государственной и общественной жизни было важным шагом вперед. Заметим, однако, что формулировка указанной нормы выравнивает статус женщины по статусу мужчины, «подтягивая» первый ко второму, а не реализует главную гендерную идею равенства полов. Качественно новым аспектом конституционного закрепления принципа гендерного равенства было дополнение комментируемой нормы перечнем конкретных средств достижения такого равенства. Вводя конструкцию «равных прав – равных возможностей», ст. 122 Конституции СССР (и ст. 97 Конституции БССР) конкретизировала второй своей частью: «Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». Провозглашение государственной охраны интересов матери и государственной помощи матерям одновременно означало воспроизведение традиционных патриархатных представлений общества в отношении гендерных ролей. Конституционная норма исходила из модели семьи старого уклада, в которой женщина – это мать, а отец – работник. Идеология советского равенства не предусматривала роли отца. В Конституции ни слова не говорилось об охране интересов отцов как равноправных членов семьи. На конституционном уровне, следовательно, получал отражение новый элемент гендерного правового диспаритета.

Положительно оценивая вклад конституций 30-х гг. в процесс конституционного закрепления прав советских женщин, следует подчеркнуть, что «охранные» права и льготы от государства не были достаточными и не могли обеспечить реального равноправия полов. Лозунг «Кто не работает, тот не ест» по-прежнему оставался конституционным принципом, а труд – «обязанностью и делом чести» советских граждан и гражданок (ст. 12 Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г.). Уравнение в гражданских, политических, социально-экономических и культурных правах не отменяло необходимости совмещение роли матери, домохозяйки и – для большинства советских женщин – труженицы социалистического производства. Кроме того, нельзя не сказать о том, что изменения в гендерных отношениях в 30–40-х гг. не ограничивались конституционным их отражением. Практически одновременно с «Конституцией победившего социализма» 27 июня 1936 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах». Нуждавшееся в решении резко обострившейся демографической проблемы государство отказывалось от марксистских иллюзий о «свободной любви» и «свободной семье» и брало последнюю под свою

опеку «как ячейку общества». Постановление фактически лишала советских женщин права распоряжаться своими жизнью и телом и превращало деторождение в социальную обязанность. Введенное Постановлением уголовное преследование за аборт калечило судьбы женщин почти 20 лет. В 1944 г. был принят Указ Верховного Совета СССР, согласно которому только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. Указ устанавливал неравенство женщины в том случае, если она решалась на внебрачную связь и свободную любовь. Свободные фактические браки приравнивались к внебрачным связям. Запрещалось добровольное установление отцовства в незарегистрированных брачных союзах, вся тяжесть последствий ложилась на женщину. Развод стал считаться признаком «моральной неустойчивости» и мог повлечь неприятные последствия для карьеры. Таким образом, государство вменяло женщине функции нравственной опоры семьи и хранительницы домашнего очага. Поскольку в большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно для обеспечения прожиточного минимума, женщина была вынуждена еще и материально поддерживать семью своей зарплатой, а также получаемой от «заботливого» социалистического государства помощью.

Советский конституционный процесс не мог не реагировать на очевидные региональные различия в практической реализации политики «раскрепощения» женщины-труженицы. Уголовно-правовая защита женского равноправия, предусмотренная уголовными кодексами семи союзных и некоторых автономных республик, в ряде случаев усиливалась конституционным закреплением нормы об ответственности за действия, нарушавшие права женщин. Например, ст. 93 Конституции Киргизской ССР 1937 г. предупреждала о том, что сопротивление фактическому раскрепощению женщин карается законом, а также уточняла перечень соответствующих деяний: выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, в государственное управление и общественно-политическую жизнь.

После смерти И.В. Сталина в сфере регулирования гендерных отношений наступает определенная либерализация. Проведенная в 1954 г. реформа образования восстановила смешанное обучение в школах. В 1955 г. был вновь легализован аборт, в 1965 г. – значительно облегчена процедура разводов. Осознавая необходимость совмещения материнства с трудовой деятельностью, государство на законодательном уровне закрепляет ряд льгот, облегчавших положение работавшей женщины.

Наиболее полное свое конституционное закрепление советская модель гендерного равноправия получила в конституциях второй половины 70-х гг. 7 октября 1977 г. была принята союзная Конституция, в преамбуле которой говорилось о построении в СССР уже развитого социалистического общества. В соответствии с новой Конституцией СССР в октябре 1978 г. была принята и четвертая советская конституция Беларуси – Конституция (Основной Закон) БССР. Статья 35 союзной Конституции уже не выравнивала статус женщины по статусу мужчины, предоставляя ей равные с мужчиной права, а заявляла равенство обоих статусов: «Женщина и мужчина в СССР имеют равные права». Новеллой этой Конституции была изложенная в ней юридическая конструкция, закреплявшая равенство возможностей женщины и мужчины, определявшая их равенство не только в правах, но и равенство в возможностях. Осуществление прав женщины и мужчины, говорилось во второй части ст. 35, обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин и созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством. Подчеркивалась необходимость правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Белорусский Основной Закон дословно воспроизводил текст данной статьи в своей ст. 33. Изложенные в них гарантии в то время были, пожалуй, наиболее объемной формулировкой гарантий равноправия женщины и мужчины из включавшихся когда-либо в конституции мира.

Конституция СССР 1977 г. впервые на конституционном уровне затрагивала институт семьи и брака. Статья 53 (ее текст повторяет ст. 51 Конституции БССР 1978г.) объявляла, что семья находится под защитой государства, и конкретизировала формы и виды заботы государства о семье. Если в гарантиях ст. 35 были названы меры поддержки материнства и детства, направленные на достижение фактического равенства женщины и мужчины, в ст. 53 сказано о полном равноправии супругов в семейных отношениях.

Заключение. К числу безусловных достижений советского опыта реализации социалистической идеи можно отнести отмену законов, которые ограничивали правовой статус женщины, законодательное закрепление равных прав женщины и мужчины, придание проблеме эмансипации женщин международного политического звучания. С созданием советского государства равноправие полов было закреплено на конституционном уровне.

Закрепление гендерного равноправия в конституциях советской Беларуси осуществлялось путем рецепции соответствующих норм первоначально российской Конституции 1918 г., а затем союзных советских конституций. При этом норма, уравнивавшая избирательные права граждан «обоего пола», была включена в систему основного закона советской Беларуси со значительным (в сравнении с конституциями других советских республик) опозданием. Конституции ССР, БССР и других республик Советского Союза, принятые в 30-х годах, уже прямо закрепляли принцип гендерного равенства, а также дополняли соответствующую конституционную норму перечнем конкретных средств достижения такого равенства. Анализ содержания этих конституционных гарантий позволяет говорить об усеченном – отраслевом понимании гендерного равенства в 1936–1977 гг.: они сводились к защите прав и интересов женщины в трудовых отношениях и сфере социального обеспечения. Советские конституции второй половины 70-х гг. использовали уже универсально-гарантный способ закрепления принципа равенства прав и свобод женщин и мужчин.

Включение в основной закон норм-гарантий представляется положительным конституционным опытом закрепления не только формального равенства в правах, но также и фактического его достижения. Опыт конституционного гарантирования целесообразно использовать и для совершенствования действующей Конституции Республики Беларусь. Внимания аналитиков и законодателей заслуживают как достижения и проблемы отечественного конституционного процесса, так и конституции тех государств, в которых реализуется расширительный подход к гарантированию равного статуса гендерных групп (например, Венгрии, Германии, Польши, Швеции). Конституционное закрепление данного принципа должно, на наш взгляд, включать нормы, гарантирующие существование эффективно работающего механизма достижения реального гендерного равноправия.

Литература

1. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.] ; под общ. ред. Т.В. Лисовской. – Минск : Юнипак, 2018. – 44 с.

2. Советские конституции. Хрестоматия: в 4-х ч. / Сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. – 156 с.

3. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.) / М.Ф. Чудаков. – Минск : Ред. изд. центр Акад. управ. при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.

4. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : ВТАА «Права і эканоміка», 2001. – 363 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 343.222.7-056.24

Лица с инвалидностью как субъекты уголовной ответственности

Е.И. Усова

Предметом исследования является законодательство Республики Беларусь в части реализации своих прав лицами с инвалидностью при назначении уголовных наказаний и их исполнении. Автор, на основании проведенного анализа, делает вывод о том, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в данном направлении. При этом на современном этапе развития государства следует большее внимание уделять именно профилактике преступлений, в том числе среди лиц с инвалидностью.
Ключевые слова: люди с инвалидностью, преступление, гарантированность прав, уголовная ответственность, наказание.

The subject of the research is the legislation of the Republic of Belarus in terms of the exercise of their rights by persons with disabilities in imposing criminal penalties and their execution. The author, on the basis of the analysis, concludes that further improvement of legislation in this direction is necessary. At the same time, at the present stage of development of the state, greater attention should be paid specifically to the prevention of crimes, including its prevention among persons with disabilities.
Keywords: persons with disabilities, crime, warranty of rights, criminal liability, punishment.

Введение. С момента присоединения Республики Беларусь к числу государств, ратифицировавших Конвенцию Организации Объединенных Наций «О правах инвалидов», началась новая веха в нормативном правовом закреплении прав и свобод лиц с инвалидностью. Поскольку за 2018 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 37973 дел с вынесением приговора, а число осужденных составило 40612 человек, часть из которых имеют инвалидность [1], отдельного внимания заслуживает вопрос обеспечения прав людей с инвалидностью в сфере привлечения к уголовной ответственности. По этой причине достаточно актуальным представляется вопрос гарантированности прав людей с инвалидностью при назначении и отбывании уголовного наказания.

Основная часть. Защита прав людей с инвалидностью является важным элементом развития социально ориентированного государства, которым является Республика Беларусь. Существует достаточное количество нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу общественных отношений. К их числу можно отнести: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 «Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 гг., Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.10.2018 г. № 774 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2018–2020 годы», Конвенцию «О правах инвалидов», ратифицированную Законом Республики Беларусь от 18 октября 2016 г., Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 104 от 11 сентября 2017 г. «Об утверждении сводного плана деятельности на 2017 г.» и другие. В своей массе эти документы направлены на обязанность обеспечения и поощрения полной реализации всех прав человека и основных свобод всеми инвалидами без какой-либо дискриминации по признаку инвалидности.

Как правило, это регламентация таких сфер общественных отношений как здоровье, образование, труд и занятость, достаточный жизненный уровень и социальная защита, участие в политической и общественной жизни, семья, абилитация, реабилитация и вытекающие из них права и свободы.

В Национальном плане действия по реализации в Республике Беларусь Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 гг. приведены статистические данные. Так, по итогам 2016 г. численность инвалидов, получающих пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите, составила 554,9 тыс. человек (5,8 % от численности населения страны), в том числе

инвалидов I группы – 86,5 тыс. человек, II группы – 266,4 тыс. человек, III группы – 172,4 тыс. человек, детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 29,6 тыс. человек. Удельный вес женщин с инвалидностью в общей численности инвалидов составил 54,8 % [2].

В Республике Беларусь в 2016 г. впервые признано инвалидами 58275 человек, из них 54454 человека – в возрасте 18 лет и старше, 19950 человек – в трудоспособном возрасте, 3821 человек – до 18 лет. Уровень первичной инвалидности населения республики в целом за 2016 г. по сравнению с 2015 г. снизился на 3,5 %, в том числе среди взрослого населения – на 3,6 %, трудоспособного населения – на 3,7 %. Среди детского населения уровень первичной инвалидности вырос на 2,5 % [2].

Среди взрослого населения структура заболеваний при первичной инвалидности, приводящих к инвалидности, относительно стабильна. На первом месте – болезни системы кровообращения (43 %), на втором – новообразования (24,2 %), на третьем – болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (7,6 %).

Уровень врожденных аномалий у детей до 18 лет составляет 25,3 %, у 16,8 % детей причиной инвалидности являются болезни нервной системы, болезни психического расстройства составляют 16,6 % [2].

По информации, размещенной на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2017 г. признано инвалидами 55380 человек в возрасте 18 лет и старше, что несколько выше, чем в 2016 г. [3].

Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь указывает на численность инвалидов, получающих пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите по состоянию на 01.11.2018 г., равную 568032. Из них инвалидов I группы – 88902, II группы – 263919, III группы – 183454 человека, детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 31757 [4].

Данная информация свидетельствует о наличии части общества, которая нуждается в дополнительной защите со стороны государства. Причем должны максимально полно затрагиваться абсолютно все сферы жизнедеятельности таких субъектов права.

Отдельным пунктом следует выделить правовое закрепление прав людей с инвалидностью в сфере привлечения их к административной и уголовной ответственности, а также порядка и условий исполнения, наложенных на них мер ответственности.

Статья 13 Конвенции «О правах инвалидов» закрепляет гарантированный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы, облегчающие выполнение своей эффективной роли прямых и косвенных участников, в том числе свидетелей, во всех стадиях юридического процесса, включая стадию расследования и другие стадии предварительного производства [5]. Чтобы содействовать обеспечению инвалидам эффективного доступа к правосудию, государства-участники способствуют надлежащему обучению лиц, работающих в сфере отправления правосудия, в том числе в полиции и пенитенциарной системе.

Национальный план действий также содержит положения, по которым вплоть до 2025 г. будут разрабатываться меры социальной защиты и реабилитации инвалидов, находящихся в изоляторах временного содержания и иных местах содержания арестованных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, и будет повышаться квалификация и уровень обучения работников судов и правоохранительных органов, органов исполнения наказания и органов прокуратуры методам работы с различными категориями инвалидов [2, п. 5].

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее УК) лишь частично затрагивает вопросы, связанные с привлечением к уголовной ответственности лиц с инвалидностью.

Такие наказания как общественные работы (ст. 49), исправительные работы (ст. 52) и арест (ст. 54) не могут быть назначены инвалидам I и II группы. К лишению свободы (ст. 57), пожизненному заключению (ст. 58) и смертной казни (ст. 59) люди с инвалидностью привлекаются на общих основаниях. Данное положение носит несколько дискриминационный характер по отношению к данным лицам, поскольку в правовых нормах указаны возможные исключения для других субъектов. Например, пожизненное заключение (ст. 58) и смертную казнь (ст. 59) нельзя применять в отношении несовершеннолетних и мужчин, достигших ко дню постановления приговора шестидесятипятилетнего возраста [6].

Более того, такое наказание как штраф (ст. 50) может назначаться к лицам с инвалидностью на общих основаниях. Размер штрафа определяется с учетом размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и материального положения осужденного и устанавливается в пределах от тридцати до одной тысячи базовых величин. За преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы штраф устанавливается в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин [6].

Что касается остальных наказаний, то применительно к лицам с инвалидностью не имеется отличительных особенностей их назначения. К ним такие наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение по военной службе, ограничение свободы применяются на общих основаниях.

Не менее острой является проблема исполнения наложенных наказаний. Проблема заключается в том, что на законодательном уровне не в полной мере урегулирован вопрос, связанный с условиями содержания людей с инвалидностью с учетом их физиологических особенностей и возможной адаптацией.

В органах, ведающих исполнением наказаний, всем осужденным в случаях необходимости или при наличии соответствующих рекомендаций врача оказывается медицинская помощь. Но в данном случае речь идет о постоянных, улучшенных условиях пребывания людей с инвалидностью в пенитенциарных учреждениях, когда им с учетом степени утраты здоровья нужна дополнительная помощь.

По причине того, что инвалиды III группы привлекаются к уголовной ответственности наравне со всеми остальными субъектами, видится целесообразным остановиться на более детальном анализе именно этой группы инвалидности для уяснения актуальности рассматриваемой проблемы.

Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 25 октября 2007 г. № 97 «Об утверждении Инструкции о порядке и критериях определения группы и причины инвалидности, перечне медицинских показаний, дающих право на получение социальной пенсии на детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, и степени утраты их здоровья» установлено, что признание инвалидности лиц старше 18 лет осуществляется в зависимости от степени выраженности ограничений жизнедеятельности, обусловленных стойкими расстройствами функций организма, возникших в результате заболеваний, дефектов или травм [7, п. 46].

При этом выделяют 4 степени выраженности стойких нарушений функций организма:

1-я степень – легкие (незначительно выраженные) нарушения функции;

2-я степень – умеренные (умеренно выраженные) нарушения функции;

3-я степень – выраженные нарушения функции;

4-я степень – резко выраженные нарушения функции [7, п. 34].

При комплексной оценке различных показателей, характеризующих нарушение основных категорий (критериев) жизнедеятельности человека, выделяют пять функциональных классов (далее – ФК) их выраженности (в процентах):

– ФК 0 – характеризует отсутствие нарушения жизнедеятельности (0 %);

– ФК 1 – легкое нарушение (от 1 % до 25 %);

– ФК 2 – умеренно выраженное нарушение (от 26 % до 50 %);

– ФК 3 – выраженное нарушение (от 51 % до 75 %);

– ФК 4 – резко выраженное нарушение (от 76 % до 100 %) [6, п. 36].

Для установления III группы инвалидности Инструкция указывает на наличие оснований, к которым относят умеренное нарушение жизнедеятельности, соответствующее ФК 2, вследствие заболеваний, дефектов или травм, приводящее к умеренно выраженной социальной недостаточности, в случаях:

– умеренно выраженного нарушения функции одной из систем организма, приводящего к стойкому умеренному ограничению жизнедеятельности;

– легкого нарушения функций двух и более систем организма, создающего синдром взаимного отягощения в рамках одной категории жизнедеятельности, приводящего к стой-

кому умеренному ограничению жизнедеятельности; выраженного изолированного нарушения одной из функций организма, частично компенсируемого лекарственными средствами или техническими и иными средствами, приводящего к стойкому умеренному нарушению жизнедеятельности;

– легкого нарушения профессионально значимых функций у работающего, ведущего к умеренному или выраженному ограничению способности к профессиональной (трудовой) деятельности из-за снижения квалификации, объема работ или значительного изменения условий труда;

– выраженного нарушения профессионально значимых и других функций у лица, длительно не работающего, ведущего к выраженному ограничению способности к трудовой деятельности;

– относительно неблагоприятного клинико-трудового прогноза вне зависимости от степени нарушения жизнедеятельности на момент проведения медико-социальной экспертизы;

– анатомического дефекта, установленного п. 62 настоящей Инструкции;

– легкого снижения трех и более способностей в рамках ФК 1, приводящих к синдрому социальной компенсации [7, п. 49].

Для оценки вероятной возможности отбытия уголовного наказания лицами III группы инвалидности на общих основаниях в учреждениях, ведающих исполнением наказаний, необходимо уточнить какими анатомическими дефектами обладают данные лица.

К ним относят следующий дефекты:

– отсутствие всех фаланг четырех пальцев одной кисти, исключая первый;

– отсутствие всех фаланг трех пальцев кисти, включая первый;

– отсутствие первого и второго пальцев кисти с соответствующими пястными костями;

– отсутствие трех пальцев кисти с соответствующими пястными костями;

– отсутствие первых пальцев обеих кистей;

– более высокие ампутации одной верхней конечности;

– культя стопы после ампутации по Шопару и более высокие уровни ампутации одной нижней конечности;

– двусторонние культи стоп по Шарпу;

– укорочение одной нижней конечности на 10 см и более у лиц старше 18 лет или на 10 % (по сравнению со здоровой конечностью) и более у детей;

– дефекты челюсти и твердого неба, если протезирование не обеспечивает жевания;

– низкий рост, патологически обусловленный (патология нейроэндокринной системы, опорно-двигательного аппарата, хромосомные аномалии), – рост менее 150 см у лиц старше 18 лет;

– обширный не замещенный аутотрансплантатом костный дефект – 6 квадратных сантиметров и более, костный дефект черепа, замещенный аутотрансплантатом в результате операции пластики дефекта черепа, – 12 квадратных сантиметров и более;

– отсутствие одного глаза;

– отсутствие одного легкого;

– состояние после экстирпации желудка;

– состояние после тотальной тиреоидэктомии;

– кифосколиоз IV степени (с углом сколиотической деформации более 60 градусов при измерении по Коббу);

– эндопротезы двух крупных суставов нижних конечностей;

– слепота на один глаз (полная или практическая слепота (слабовидение) на один глаз (острота зрения 0,04 и ниже с коррекцией) [7, п. 62].

Такие физические особенности конечно же отличают их носителей от лиц без инвалидности, и безусловно должны быть учтены при назначении и исполнении наказаний, поскольку зачастую могут препятствовать нормальному существованию, не говоря уже о нахождении в пенитенциарных учреждениях.

Кроме всего вышеизложенного содержание осужденных в местах исполнения наказаний имеет много ограничений.

Так, осужденные к аресту отбывают наказание по месту осуждения в арестных домах, расположенных в районе, наиболее приближенном к их постоянному месту жительства [8, ст. 58]. Осужденные к аресту содержатся в условиях строгой изоляции и на них распространяются условия содержания для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на общем режиме в тюрьме.

Администрация арестного дома вправе привлекать осужденных к аресту к выполнению работ по хозяйственному обслуживанию арестного дома продолжительностью до десяти часов в неделю, но не более двух часов в день без оплаты [8, ст. 59–60]. Для осужденных, содержащихся в тюрьме, перевод на улучшенные условия содержания не предусматривается [8, ст. 125].

Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительного учреждения обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности. Осужденные привлекаются к труду на предприятиях или в производственных мастерских исправительных учреждений, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. При привлечении осужденных к труду трудовой договор (контракт) с ними не заключается [8, ст. 98].

Осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, а также осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы, привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде. Несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде [8].

Осужденные к лишению свободы могут привлекаться и к выполнению работ без оплаты труда только по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий.

Осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы, осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, осужденные беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда по их желанию [8, ст. 101]. К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время. Продолжительность работ не должна превышать четырнадцати часов в неделю.

Осужденный к штрафу обязан уплатить штраф в течение тридцати дней со дня вступления приговора суда в законную силу [8, ст. 29].

По информации, размещенной на официальном сайте Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, средний размер трудовой пенсии по инвалидности в ноябре 2018 г. составил 346,73 руб., социальной – 204,92 руб. [9].

Как было отмечено ранее, минимальный размер штрафа равен тридцати базовым величинам, что соответствует 765 белорусским рублям, а максимальный составляет 1000 базовых величин, то есть 25500 белорусских рублей. Если средний ежемесячный размер социальной пенсии равен 204,92 рублям, то реальная возможность выплаты штрафа является мало реализуемой.

В случае, если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по ходатайству осужденного и заключению судебного исполнителя может отсрочить или рассрочить уплату штрафа на срок до одного года. В случае неуплаты осужденным штрафа взыскание производится судебным исполнителем принудительно, в том числе и путем обращения взыскания на имущество осужденного [8, ст. 29].

Заключение. Подводя итог выше сказанному необходимо отметить, что обеспечение прав лиц с инвалидностью в Республике Беларусь при назначении и отбывании уголовных наказаний требует дальнейшего совершенствования. В современных условиях большое значение приобретает профилактика правонарушений. Она позволяет снизить количество преступлений, что, безусловно, положительным образом скажется не только на правах лиц с инвалидностью, но и на состоянии уровня преступности в целом. Более того, превенция позволит выявить социальные процессы и детерминанты, способствующие совершению противоправных деяний, и поможет их устранить. По этой причине гарантированность прав людей с

инвалидностью выйдет на иной уровень, связанный не столько с обеспечением их прав при привлечении к уголовной ответственности, сколько с реализацией своих прав и свобод в других областях жизнедеятельности.

Литература

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2018 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа : http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/3d491815105645b4.html. – Дата доступа : 27.02.2019.

2. Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 июня 2017 г., № 451 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.pravo.by. – Дата доступа : 28.02.2019.

3. Распределение лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами по классам болезней [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/godovye-dannye_13/raspredelenie-lits -vozraste-18-let-i-starshe-vpervye-priznannyh-invalidami-po-klassam boleznei/index.php. – Дата доступа : 27.02.2019.

4. Численность инвалидов, получающих пенсию в органах по труду, занятости и социальной защите по состоянию на 01.11.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : http://mintrud.gov.by/ru/chislinv. – Дата доступа : 27.02.2019.

5. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи, 13 декабря 2006 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа : 27.02.2019.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Об утверждении Инструкции о порядке и критериях определения группы и причины инвалидности, перечне медицинских показаний, дающих право на получение социальной пенсии на детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, и степени утраты их здоровья [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 25 октября 2007 г., № 97 : в ред. постановления здравоохранения Респ. Беларусь от 27 февраля 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 2000 г., № 365-З: принят Палатой Представителей 14 декабря 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. Пенсионное обеспечение [Электронный ресурс] // Официальный сайт министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/3-dekabrja---mezhdunarodnyj-den-invalidovnbsp_3097. – Дата доступа : 28.02.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.10.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 343.212

Поощрительные нормы как институт уголовного права Украины

П.В. Хряпинский

Исследованы вопросы институционального аспекта поощрительных норм уголовного права. Традиционно в уголовном праве выделяют предметные институты, связанные с преступлением и наказанием. Поощрительные нормы не вписываются в рамки предметного института, поскольку имеют функциональное своеобразие. Делается вывод, что поощрительные нормы формируют самостоятельный предметно-функциональный институт уголовного права Украины. Признаками института поощрительных норм являются: 1) наличие специфического метода и предмета правового регулирования; 2) наличие блоков правовых норм; 3) правовое своеобразие и функциональность норм; 4) особенность юридической конструкции норм.
Ключевые слова: поощрительные нормы, предметный и функциональный институты, институциональный аспект, особенность метода и предмета правового регулирования; правовое своеобразие и функциональная направленность поощрительных норм уголовного права.

The article deals with the institutional aspects of the incentive norms of criminal law. Traditionally, in criminal law, objective institutes are associated with crime and punishment. Encouraging norms do not fit into the framework of the objective institution, because they have functional originality. It is concluded that incentive norms form an independent subject-functional institution of the criminal law of Ukraine. Signs of the institution of incentive norms are: 1) the existence of a specific method and subject of legal regulation; 2) the existence of blocks of legal norms; 3) the legal identity and functionality of norms, 4) the peculiarity of the legal construction of norms.
Keywords: incentive norms, subject and functional institutes, institutional aspect, peculiarity of method and subject of legal regulation; legal originality and functional orientation of the incentive norms of criminal law.

Введение. Современная правовая доктрина исходит из положения, что по содержанию «правовая система» более емкое понятие, чем «система права» и включает не только состояние и взаимосвязь отраслей права (систему права), но и систему законодательства. Вместе «система права» и «система законодательства» являются структурными элементами и формируют правовую систему. Правовая система – это комплексная, интегрирующая категория, включающая всю правовую организацию общества, в которой система права и система законодательства являются составными элементами. Естественно, что система права и система законодательства тесно связаны и взаимообусловлены. Система права рассматривается как структурированная определенным образом совокупность правовых норм, соответствует характеру правоотношений, которые им регулируются, система же законодательства существует в виде нормативно-правовых актов, поэтому право и его система не существуют вне законодательства, а законодательство в широком смысле и есть право [1, с. 21–22]. Объективность системы права обусловлена реально существующими общественными отношениями и не может зависеть от субъективного усмотрения людей. В связи с этим следует отметить, что в основе системы права лежат социально обусловленные экономические, организационные, политические, культурные, национальные и другие факторы.

Среди последних исследований системы права в целом, и уголовного права, в частности, в правовой науке необходимо отметить содержательные работы таких теоретиков права, как С.С. Алексеев, В.И. Гойман, С.Г. Дробязко, В.В. Лазарев, О.В. Петришин, П.М. Рабинович и др.; в области исследователей уголовного права – Ю.В. Баулин, В.К. Грищук, М.И. Панов, Ю.А. Пономаренко, Ю.Е. Пудовочкин и др. Вместе с тем, проблематика структуры публичного права в части выделения в нем уголовно-правового института все еще ожидает своего специального исследования.

В доктрине уголовного права Украины институциональный аспект поощрительных норм исследован поверхностно. Отсутствие целостного понимания института поощритель-

ных норм, системы, функций и принципов его конструирования и применения, порождает существенные проблемы как на теоретическом уровне, так и в практической плоскости законотворчества, правоприменения поощрительных норм. Поэтому целью данной статьи выступает вычленение и исследование поощрительных норм как отдельного уголовно-правового института в системе уголовного права Украины.

Основная часть. Все правовые предписания взаимосвязаны, обусловленные познанными и выраженными в них общими потребностями, внутренне согласованными исходными правовыми предписаниями, единством конечных целей и задач. Каждый элемент системы права в результате взаимосвязи с другими элементами функционирует как единое целое. Любой отдельно взятый ее элемент не может раскрыть свои качества и функции, будучи исключенным из единой системы права. Можно сказать, что современная система права является юридическим выражением потребностей и интересов общества, уровня его сегодняшнего развития. Система законодательства является формой жизни системы права. Именно уголовное законодательство предоставляет уголовному праву один из его основных признаков – формальную определенность. Система уголовного права и система уголовного законодательства соотносятся между собой как философские категории «содержания и формы». В отличие от системы права, система законодательства носит субъективный характер и во многом зависит от воли законодателя. Она существует в виде нормативно-правовых актов, принятых и действующих в обществе. Общепризнанным в литературе является положение о том, что любой закон, в том числе и уголовный, является разновидностью нормативно-правового акта [2, с. 201].

Внешней формой выражения уголовного закона может быть только текст нормативно-правового акта. Поэтому следует согласиться с Ю.А. Пономаренко, что под содержанием уголовного закона следует понимать систему сформулированных законодателем нормативно-правовых предписаний, адресованных судам и иным органам уголовного преследования, которые определяют деяния, являющиеся преступлениями, и ответственность за них [3, с. 166]. Поощрительные нормы являются элементом унифицированной системы уголовного права, которая действует как кодифицированный нормативно-правовой акт государства – Уголовный кодекс Украины 2001 г. (далее – УК). Устоявшимся является определение кодекса как единого, юридически и логически целостного, внутренне согласованного закона, обеспечивающего полное, обобщенное и системное регулирование данной группы общественных отношений [4, с. 185]. Сочетание всех уголовно-правовых предписаний в одном нормативно-правовом акте свидетельствует, с одной стороны, о высоком уровне законодательной техники, с другой, повышает эффективность практического применения уголовного закона, что, соответственно, является дополнительной гарантией обеспечения незыблемости законных прав и свобод человека в уголовно-правовой сфере. Первичным модулем, кирпичиком системы законодательства является правовая норма, но, как правило, она не способна достаточно полно и всесторонне урегулировать те или иные общественные отношения без взаимодействия с другими правовыми нормами, направленными на урегулирование тех же отношений. Система уголовно-правовых норм, объединенных между собой общим предметом регулирования, образует правовой институт. Такие институты в теории права называют предметными. С.С. Алексеев указывает на пять признаков предметного института: 1) наличие определенной совокупности норм, имеющих свою особую структуру; 2) своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм; 3) внешнее отделение этой группы; 4) обеспечение данной совокупностью норм самостоятельного регулятивного воздействия на определенную группу общественных отношений; 5) отраслевая чистота норм [2, с. 133–135]. В одном из последних исследований сущности уголовно-правового института наказания несовершеннолетних в уголовном праве Украины отмечается, что базовыми признаками этого института являются: 1) согласование уголовно-правовой нормы, определяющей цели, систему (вид и размеры), особенности назначения наказания несовершеннолетним; 2) нормативное закрепление в положениях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Украины; 3) регулирование общественных отношений, связанных с выбором судом вида и размера наказания несовершеннолетнему, совершившему преступление; 4) предметно-функциональная

направленность; 5) базирование на принципах учета биосоциальных и психофизических особенностей несовершеннолетних в законодательстве и правоприменительной практике. На этих основаниях автором делается вывод, что понятие института наказания несовершеннолетних предусматривает систему уголовно-правовых норм, закрепленных в положениях Общей и Особенной частей УК Украины, определяющих цели, систему, особенности назначения наказания несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление [5, с. 34–35].

Уголовное законодательство традиционно рассматривается как система предметных правовых институтов, основные из которых делятся на институты Общей части и институты Особенной части. Последние же в свою очередь подразделяются на более мелкие, частные институты (т. н. «субинституты»), которые состоят из уже упомянутых уголовно-правовых норм. В юридической литературе высказаны различные мнения относительно количества и содержания уголовно-правовых институтов. Впрочем, развитие системы современного уголовного законодательства состоит не только в том, что образуются новые предметные институты и уголовно-правовые нормы, но и в том, что возникают новые, образованные по несколько иным признакам сквозные, функциональные институты. Источниками образования функциональных институтов выступают альтернативные, нетипичные нормы, состоящие из исключения из общего порядка системы [6, с. 80]. Именно к последнему следует отнести поощрительные уголовно-правовые нормы. С учетом единства метода и предмета правового регулирования они образуют достаточно логичную и относительно автономную систему нормативных предписаний, которая обеспечивает режим правового стимулирования правомерного социально-полезного поведения в уголовном законодательстве. Итак, поощрительные уголовно-правовые нормы образуют «сквозной» предметно-функциональный институт уголовного законодательства Украины.

Системным признаком предметно-функционального института поощрительных норм является особый метод правового регулирования, заключающийся в стимулировании правомерного, общественно-одобрительного поведения лица в уголовном праве. Метод формирует предметную однородность института поощрительных норм и определяет направление его развития. Естественно, что именно метод стимулирования правомерного, социально-одобрительного поведения определяет наличие поощрительных предписаний в целом ряде предметных институтов Общей и Особенной частей УК. Исходя из вышеприведенных положений теории права и учитывая специфику институтов предметно-функционального типа, на наш взгляд, к *признакам института поощрительных уголовно-правовых норм следует отнести следующие: 1) наличие специфического метода и предмета правового регулирования; 2) наличие блоков правовых норм; 3) правовое своеобразие и функциональную направленность норм; 4) особенность юридической конструкции поощрительных норм.*

Наличие специфического метода и предмета правового регулирования. Дополняя характеристику поощрительного метода, отметим, что поощрение принципиально, кардинальным образом отличается от принуждения в виде уголовного наказания. Этот метод имеет совершенно иную интеллектуально-мотивационную структуру. Субъект поощрения на информационном уровне воспринимает стимулирующее правовое предписание, на психологическом уровне осознает вариативность поведения, которое предоставляет ему законодатель, предвидит социальные и правовые последствия своего выбора поведения и под влиянием позитивности, социального одобрения или выгодности выбирает для себя вариант правомерного поведения и, соответственно, приобретает право на исключение, освобождение или смягчение уголовной ответственности или наказания. Так, например, поощрительный метод отражается в нормах об освобождении от уголовной ответственности в Особенной части УК. В Особенной части УК предусматривается более 20 таких предписаний. Освобождается от уголовной ответственности, если: лицо, кроме руководителя организованной группы, до сообщения ему о подозрении в совершении преступления, добровольно заявило о том, что произошло, органу, должностное лицо которого наделено правом сообщать о подозрении в соответствующей незаконной деятельности или иным образом способствовало ее прекращению или предотвращению преступления, которое оно финансировало или совершению которого способствовало, при условии, что в его действиях нет состава иного преступления (ч. 5

ст. 110-2 УК); гражданин Украины добровольно заявил органам государственной власти о преступной связи с иностранным государством, иностранной организацией или их представителями и о полученном задании (ч. 2 ст. 111 УК); лицо без гражданства или иностранец добровольно заявили органам государственной власти о прекращении преступной деятельности, если вследствие этого и принятых мер было предотвращено причинение вреда интересам Украины (ч. 2 ст. 114 УК); руководитель предприятия, учреждения или организации выплатил заработную плату, стипендию, пенсию или иные установленные выплаты гражданам до привлечения его к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 175 УК); лицо уплатило налоги, сборы (обязательные платежи), а также возместило ущерб, нанесенный государству их несвоевременной уплатой (финансовые санкции, пеня) до привлечения его к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 212 УК); лицо уплатило страховые взносы на общеобязательное государственное пенсионное страхование, а также возместило ущерб, причиненный Пенсионному фонду Украины их несвоевременной уплатой (штрафные санкции, пеня), до привлечения его к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 2121 УК); лицо, кроме организатора или руководителя преступной организации, добровольно заявило о создании преступной организации или участие в ней и активно способствовало ее раскрытию (ч. 2 ст. 255 УК); лицо, до сообщения ему о подозрении в совершении преступления, добровольно сообщило правоохранительному органу о преступлении, способствовало его прекращению или раскрытию, и вследствие этого и принятых мер было предотвращена опасность для жизни или здоровья человека либо причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных тяжких последствий, и в его действиях нет состава иного преступления (ч. 2 ст. 258 УК); лицо, кроме организатора и руководителя террористической группы или террористической организации, добровольно сообщило в правоохранительный орган о соответствующей террористической деятельности, способствовало ее прекращению или раскрытию преступлений, совершенных в связи с созданием или деятельностью такой группы или организации, и в его действиях нет состава иного преступления (ч. 2 ст. 258-3 УК); лицо, кроме организатора или руководителя террористической группы (организации), добровольно до привлечения его к уголовной ответственности сообщило о соответствующей террористической деятельности или иным образом способствовало ее прекращению или предотвращению преступления, которое оно финансировало или совершению которого способствовало, и в его действиях нет состава иного преступления (ч. 2 ст. 258-5 УК); лицо, находившееся в составе указанных в этой статье формирований, добровольно вышло из такого формирования и сообщило о его существовании органам государственной власти или органам местного самоуправления (ч. 6 ст. 260 УК); лицо добровольно сдало органам власти оружие, боевые припасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства (ч. 3 ст. 263 УК); лицо добровольно сдало органам власти радиоактивные материалы (источники ионизирующего излучения, радиоактивные вещества или ядерные материалы, находящиеся на любом физическом состоянии в установке или изделии или в другом виде) (ч. 4 ст. 265 УК); лицо, впервые совершившее такое преступление и добровольно заявило об этом правоохранительным органам, вернуло транспортное средство владельцу и полностью возместило причиненный ущерб (ч. 4 ст. 289 УК); лицо добровольно сдало наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги и указало источник их приобретения или способствовало раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом, за незаконное их производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку (ч. 4 ст. 307 УК); лицо добровольно обратилось в лечебное учреждение и начало лечение от наркомании (ч. 4 ст. 309 УК); лицо добровольно сдало прекурсоры, предназначавшиеся для производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ, и указало источник их приобретения или способствовало раскрытию этих преступлений (ч. 4 ст. 311 УК); лицо добровольно сдало ядовитые или сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими или психотропными или их аналогами, или сильнодействующие лекарственные средства и указало источник их приобретения или способствовало раскрытию преступлений, связанных с их незаконным оборотом (ч. 5 ст. 321 УК); военнослужащий с применением к нему мер, предусмотренных Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Украины (ч. 4 ст. 401 УК) [7, с. 28]. Своеобразие заключается в том, что все специальные виды освобождения от уголовной ответственности являются обязательными

(императивными) для суда, специальными с точки зрения законодателя и безусловными для лица, которое освобождается от уголовной ответственности на основаниях этих поощрительных норм [8, с. 62–63]. На это обстоятельство, как на определяющее, обращает внимание А.А. Дудоров, который относительно поощрительного предписания, предусмотренного ч. 4 ст. 212 УК, подчеркивает, что в Особенной части УК воплощен подход, согласно которому нормы, возлагают обязанность поощрения, имеют значительно большую побудительную силу, чем нормы, лишь уполномочивающие к поощрению. Применительно к преступному уклонению от уплаты налогов такой подход представляется вполне оправданным, поскольку в этом случае условия поощрения подлежат более четкой формализации. Норма об освобождении от уголовной ответственности при определенных условиях налогового преступника, применение которой было бы правом, а не обязанностью суда (суд имеет дискреционные полномочия), неизбежно повлекла бы за собой разнобой в правоприменительной практике и, как следствие, нарушение принципа равенства граждан перед законом [9, с. 492–493].

Предметом правового регулирования поощрительных норм выступают общественные отношения, на восстановление которых направляются правомерные, общественно-полезные действия лица, совершившего соответствующее преступление. Это могут быть отношения в сфере личной неприкосновенности, собственности, хозяйственной деятельности и тому подобное. Признаком, что их объединяет, на наш взгляд, является восстановительная, компенсационная сущность. С помощью этого восстанавливаются нормальные условия существования и функционирования общественных отношений, устраняются связанные с преступлением препятствия в деятельности их участников, восстанавливаются предметы внешнего мира, в связи с которыми возникли и существовали определенные общественные отношения.

Наличие блоков правовых норм. Формирование единых по предмету правового регулирования блоков правовых норм характеризует предметные институты. Поощрительные нормы органично вплетаются в ткань уголовно-правовой материи, образуя с другими нормами данной отрасли права целостное единство, сложное системное образование, функционирование которого подчиняется решению такого социальной задачи, как борьба с преступностью [10, с. 67]. Наличие своеобразного метода правового регулирования определяется выразительным отличием стимулирующего метода от естественно присущего уголовному праву метода запрета в регулировании общественных отношений. Под методом уголовно-правового регулирования большинство исследователей понимают средства, приемы или их совокупности, влияющие на общественные отношения с целью их трансформации или хранение с использованием разнообразного правового инструментария, предусмотренного законом. Мы поддерживаем тех исследователей, которые считают основными методами в сфере уголовно-правового регулирования запрет (принуждение) и поощрение (стимулирование). Трансформация правоотношений запретительного типа в положительные правоотношения, осуществляется поощрительными нормами и свидетельствует о своеобразном единство предмета правового регулирования. Следовательно, все поощрительные нормы стремятся к единому, общему для всех, специфическому предмету в виде тождественной или однородной группы общественных отношений. Специфика этой группы общественных отношений заключается в том, что они направляются в правомерную плоскость и имеют бесконфликтный характер. Так, В.В. Сташис считает прогрессивной новацией уголовного законодательства Украины выделение самостоятельного Раздела IX Общей части УК «Освобождение от уголовной ответственности»: «Он начинается статьей о правовых основаниях и поряде освобождения от уголовной ответственности, в которой сформулированы два основных положения: полнота перечня правовых оснований освобождения от уголовной ответственности (только в случаях, предусмотренных в УК, а также на основании закона Украины об амнистии или акта о помилования) и возможность освобождения от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных УК, исключительно судом. Порядок освобождения от уголовной ответственности устанавливается законом (ч. 2 ст. 44 УК). В этом разделе УК предусмотрены такие основания освобождения от уголовной ответственности как деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, передача виновного на поруки, смена обстановки и истечение сроков давности» [11, с. 6]. Ярким примером этого подхода могут служить предметные блоки норм, объединенные по признаку единства родового объекта преступлений в разделах Особенной части УК. Современная законодательная техни-

ка, воспринимая указанный способ изложения правовых предписаний блоками в соответствующих разделах УК, распространила его и на поощрительные нормы. Так, впервые в отечественной законотворческой практике в Общей части УК выделены предметные разделы: обстоятельства, исключающие преступность деяния – Раздел VIII (ст.ст. 36–43 УК); освобождение от уголовной ответственности – Раздел IX (ст.ст. 44–49 УК); освобождение от наказания и его отбывания – Раздел XII (ст.ст. 74–87 УК) и другие.

Правовая своеобразие и функциональная направленность норм. Институт поощрительных уголовно-правовых норм характеризуется такими качествами как целостность, относительная завершенность, что позволяет ему полностью урегулировать общественные отношения, присущими ему средствами и способами, которые стимулируют к правомерному поведению. Направленность поощрения на стимулирование правомерного и общественно-полезного поведения человека в сфере уголовно-правового регулирования заключается в виде: а) добровольного и окончательного прекращения приготовления к преступлению и покушения на преступление, которое совершается единолично или в соучастии (ст.ст. 17, 31 УК); б) причинение вреда в целях защиты охраняемых законом прав и интересов лица, а также общественных интересов и интересов государства от общественно опасного посягательства при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, выполнении приказа или распоряжения, деянии, связанном с риском, выполнении специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ст.ст. 36, 38, 39, 41, 42, 43 УК); в) искреннего раскаяния, активного способствования раскрытию преступления, полного возмещения причиненных убытков или устранении причиненного вреда, примирении с потерпевшим и других действий лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, кроме коррупционного преступления (ст.ст. 45–49 УК); г) явки с повинной, чистосердечного раскаяния или активного способствования раскрытию преступления; добровольного возмещения нанесенного ущерба или устранении причиненного вреда; оказания медицинской помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (пп. 1), 2), 2-1) ч. 1 ст. 66 УК); д) добросовестного поведения и отношения к труду, доведение своего исправления в период отбывания наказания осужденным (ст.ст. 75–81 УК) е) чистосердечного раскаяния и дальнейшего безупречного поведения осужденного, добросовестного поведения и отношения к труду и обучению несовершеннолетнего (ст.ст. 97, 104, 105, 107 УК); ж) специального положительного посткриминального поведения в случае совершения лицом, строго определенных в Особенной части УК, оконченных преступлений.

Особенность юридической конструкции поощрительных норм. Конструктивно структура поощрительной уголовно-правовой нормы, на наш взгляд, состоит из диспозиции, гипотезы и поощрительной санкции. Единство указанных элементов образует объективную информационную систему, – основу стимулирующего заряда поощрительной нормы. Как цельные правовые образования, структурные элементы поощрительных норм отражают особенности стимулирующих средств, способы уголовно-правового воздействия, направленные на эффективную реализацию возникших уголовных правоотношений. Основу стимулирующего влияния структурных элементов поощрительной уголовно-правовой нормы образует поощрительная санкция. Высшей мерой поощрения – исключением уголовной ответственности стимулируются поступки в условиях необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление и другое. Освобождением от уголовной ответственности поощряется положительное посткриминальное поведение в виде действенного раскаяния, примирение с потерпевшим и другое. Поэтому необходимо подчеркнуть, что именно в наличии поощрительной санкции во многом и заключается особенность юридической конструкции поощрительных уголовно-правовых норм.

Заключение. Поощрительные уголовно-правовые нормы образуют самостоятельный предметно-функциональный институт в системе уголовного права Украины, признаками которого являются: 1) наличие специфического метода и предмета правового регулирования; 2) наличие блоков правовых норм; 3) правовое своеобразие и функциональная направленность норм; 4) особенность юридической конструкции норм.

Литература

1. Дробязко, С.Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С.Г. Дробязко // Нац. центр законодательства и правовых исследований РБ ; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 11–22.

2. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия : Опыт комплексн. исследования / С.С. Алексеев. – М. : Статус, 1999. – 712 с.

3. Пономаренко, Ю.А. Кримінальний закон: єдність форми і змісту / Ю.А. Пономаренко // Проблеми законності : міжвід. наук. збірн. / відп. ред. В.Я. Тацій. – Х. : Націон. юрид. акад. України ім. Я. Мудрого, 2001. – Вип. 46. – С. 165–167.

4. Теорія держави і права / О.В. Петришин, С.П. Погребняк, В.С. Смородинський [та ін.]. ; за ред. О.В. Петришина. – Х. : Право, 2015. – 368 с.

5. Назимко, Є.С. Теоретико-прикладні засади становлення та розвитку інституту покарання неповнолітніх у кримінальному праві України : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Є.С. Назимко. – Х. : Харківський нац. ун-т внутр. справ, 2016. – 36 с.

6. Мальцев, В.В. Предмет и метод уголовного права / В.В. Мальцев // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 68–81.

7. Хряпінський, П.В. Спеціальне звільнення від відповідальності у кримінальному праві та законодавстві України / П.В. Хряпінський. – Запоріжжя : ЗНУ – Альянс, 2010. – 270 с.

8. Баулін, Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності / Ю.В. Баулин. – К. : Атіка, 2004. – 296 с.

9. Дудоров, О.О. Ухилення від сплати податків: кримінально-правові аспекти / О.О. Дудоров. – К. : Істина, 2006. – 648 с.

10. Хряпінський, П.В. Заохочувальні норми у кримінальному законодавстві України / П.В. Хряпінський. – Х. : Харків юридичний, 2009. – 840 с.

11. Сташис, В.В. Загальна характеристика нового Кримінального кодексу України / В.В. Сташис // Новий Кримінальний кодекс України. Питання застосування і вивчення : матер. Міжнар. наук.-практ. конф., Харків, 25–26 жовтня 2001 р. / редкол.: В.В. Сташис (голов. ред.) [та ін.]. – Київ-Харків : «Юрінком Інтер», 2002. – С. 3–12.

Национальный технический университет
«Днепровская политехника»

Поступила в редакцию 08.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 343.615.1:343.621

Некоторые вопросы квалификации умышленного причинения тяжких телесных повреждений по признаку прерывания беременности

О.Г. Шляхтова, С.Л. Емельянов

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты квалификации умышленного причинения тяжких телесных повреждений по признаку прерывания беременности. Выявлены особенности данного признака и его уголовно-правовое значение. Внесены предложения по совершенствованию ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь.
Ключевые слова: жизнь, беременность, прерывание, вред, здоровье, признак, повреждения.

In this article separate aspects of qualification of deliberate causing heavy bodily harms on the basis of termination of pregnancy are considered. Features of this sign and its criminal value are revealed. Suggestions on the improvement of Article 147 of the Criminal code of Republic of Belarus are made.
Keywords: life, pregnancy, interruption, harm, health, sign, damages.

Введение. Здоровье человека является одним из важных правоохраняемых благ во все времена. Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, которое закреплено в ст. 45 Конституции Республики Беларусь [1]. Государство гарантирует охрану здоровья каждого человека и иными законодательными актами, в частности, уголовным законом, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья.

Основная часть. Тяжкими считаются телесные повреждения, вызвавшие прерывание беременности независимо от ее срока. Важно, чтобы прерывание беременности последовало именно от телесного повреждения (т. е. должна быть прямая причинная связь с повреждением), а также не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины. Для решения экспертных вопросов в случаях прерывания беременности при производстве экспертизы необходимо участие врача акушера-гинеколога [2].

Также стоит отметить, что, если внешние причины обусловили необходимость прерывания беременности путем медицинского вмешательства (выскабливание матки, кесарево сечение и прочее), то эти повреждения и наступившие последствия приравниваются к прерыванию беременности и оцениваются как тяжкие телесные повреждения [2].

Таким образом, правильная квалификация тяжкого телесного повреждения по признаку прерывания беременности по ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) обусловливается фактом установления причинной связи между действиями виновного и прерыванием беременности.

Причинная связь выступает как необходимым и решающим условием наступления последствий в результате деяния, так и обязательным признаком материальных составов преступления, к которым, в частности, относится состав преступления, предусмотренного ст. 147 УК. Недоказанность такой связи исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности.

Таким образом, в тех случаях, когда причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившим результатом – ущербом здоровью – отсутствует, нет и состава телесного повреждения [3].

В уголовно-правовом понимании одним из признаков причинной связи является то, что общественно опасные последствия следуют именно за конкретным преступным деянием. Кроме того, возможно установление причинной связи и не только между действием и наступившими последствиями, но также и между бездействием и последовавшими результатами.

На основании изложенного, следует признать необходимым наличие определенной последовательности действий: деяние всегда должно предшествовать во времени наступившим последствиям. Однако для правильной квалификации преступлений простой последователь-

ности событий недостаточно. Необходимо установить, что последствие явилось результатом именно данного деяния, является следствием его закономерного развития, а не результатом действия каких-либо посторонних сил. Иными словами, причинная связь между деянием и наступившими последствиями выступает как необходимая.

Адекватное определение причинной связи будет способствовать исключению влияния случайных факторов в процессе квалификации преступлений и, следовательно, позволит оградить граждан от неправомерного привлечения лица к уголовной ответственности.

Согласно уголовному законодательству Республики Беларусь общепризнанным является положение о признании субъектом преступления физического, вменяемого лица, достигшего на момент совершения общественно опасного деяния возраста привлечения к уголовной ответственности [4].

Исходя из данного положения, можно выделить следующие обязательные признаки субъекта преступления:

1) им может быть только физическое лицо;

2) лицо должно быть вменяемым;

3) лицо должно достигнуть возраста, с которого согласно УК наступает уголовная ответственность.

Достижение определённого возраста – одно из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности.

В основе установления такого возраста, по достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, стоит способность несовершеннолетнего осознавать происходящее и в соответствие с этим осознанно действовать. Учитывая возраст, малолетние лица не могут быть субъектами преступления, так как у них нет возможности в достаточной степени отдавать себе отчет в своих деяниях, а также руководить своими поступками.

Уголовная ответственность согласно ч. 1 ст. 27 УК Беларуси наступает с 16 лет, а за отдельные виды преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 27 УК Беларуси, – с 14 лет. В рассматриваемом нами случае уголовная ответственность наступает с 14 лет. Это обусловлено тем, что по достижении этого возраста лицо уже способно осознавать фактический характер и общественную опасность таких деяний [2], [5, с. 9].

Признак вменяемости субъекта преступления раскрывается в ст. 28 УК: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики» [6, с. 23].

Существует два критерия определения вменяемости: медицинский и юридический. Для медицинского критерия невменяемости достаточно установить любое из указанных в законе болезненных состояний психики лица на момент совершения им преступления. Медицинский критерий невменяемости устанавливается врачами-психиатрами и фиксируется в акте судебно-психиатрической экспертизы [7, с. 74].

Юридический (психологический) критерий содержит неспособность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им. Данный критерий указывает на степень и глубину расстройства психической деятельности. Также он характеризуется несколькими признаками: интеллектуальным и волевым [8, с. 31].

Интеллектуальный признак невменяемости заключается в неспособности лица сознавать фактический характер своего действия или бездействия (лицо вообще не понимает, что оно делает), а также неспособности сознавать общественную опасность своего действия (бездействия), т. е. лицо не осознает, что своим деянием оно причиняет или может причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Отметим, что для наличия интеллектуального признака достаточно хотя бы одного из его условий. Например, олигофреник, поджигая чужое имущество, может осознавать фактическую сторону своего

действия, т. е. понимать, что оно вызывает пожар, но он не понимает общественную опасность совершаемого им поджога, не сознает, что общество отрицательно оценивает такие действия, считая их преступными [9, с. 90].

Волевой признак юридического (психологического) критерия заключается в неспособности лица во время совершения им общественно опасного деяния руководить своим действием (бездействием). Волевые действия неразрывно связаны с сознанием человека. В таких случаях лицо при более или менее нормальном функционировании рассудка может правильно оценить совершаемое им деяние (как фактическую его сторону, так и общественно опасный характер), однако в силу расстройства его волевой деятельности он будет не в состоянии руководить своими действиями (бездействием). Подобное расстройство волевой сферы наблюдается у некоторых хронических наркоманов, особенно при наркотическом голоде (необходимо отметить, что хроническая наркомания в качестве заболевания не образует медицинский критерий), клептоманов (лица, страдающие непреодолимым желанием совершить кражу чужого имущества), пироманов (лица, имеющие неудержимую тягу к поджогам) и т. п.

Для наличия юридического (психологического) критерия невменяемости достаточно установить наличие хотя бы одного из его признаков: интеллектуального либо волевого [10, с. 50].

Определение невменяемости осуществляется только в отношении лиц, совершивших предусмотренное УК общественно опасное деяние. Для установления невменяемости необходимо одновременное наличие двух критериев: и юридического, и медицинского.

Вывод о невменяемости лица делает суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, указывающей на наличие медицинского критерия невменяемости.

Таким образом, субъектом умышленного причинения тяжкого телесного повреждения по УК Республики Беларусь является физическое лицо, вменяемое и достигшее 14 лет.

Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права, как правило, понимают внутреннее (психическое) отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим общественно опасным последствиям.

Юридическое значение субъективной стороны преступления состоит в следующем:

1) в качестве составной части основания уголовной ответственности она отграничивает преступное поведение от непреступного. К примеру, не является преступлением причинение общественно опасных последствий без вины, неосторожное совершение деяния, наказуемого лишь при наличии умысла, а также предусмотренное нормой уголовного права деяние, но совершенное без указанной в этой норме цели. Так, не будет признаваться кражей хищение без цели обращения имущества в свою собственность или собственность другого лица. Поэтому лицо, страдающее таким психическим заболеванием, как клептомания, не будет привлечено к уголовной ответственности за отсутствием состава преступления. В данном случае отсутствует субъективная сторона – нет цели обратить имущество в свою собственность или собственность других лиц;

2) субъективная сторона преступления предоставляет возможность отличить составы преступления друг от друга, которые схожи по объективным признакам;

3) фактическое содержание факультативных признаков субъективной стороны преступления в значительной мере определяет степень общественной опасности как преступления, так и лица, которое его совершило [11, с. 19].

Таким образом, субъективная сторона преступления представляет собой важный элемент основания уголовной ответственности, квалификации преступления и в конечном итоге назначения наказания.

Вина является социальной категорией, так как в ней выражается отношение лица, совершающего преступление, к основным социальным ценностям. Социальную сущность вины выражает неверное отношение к ценностям общества, которое проявляется в конкретном общественно опасном деянии.

Таким образом, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, совершившее его, осознавало общественную опасность своего действия (бездействия), пред-

видело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Закон определяет умысел применительно к материальному составу. Он указывает на характер психического отношения субъекта как к действию (бездействию), так и к последствию. Форма вины в формальных составах характеризуется психическим отношением к деянию. Если квалифицировать преступление как умышленное, то в данном случае достаточно того, что лицо осознает общественно опасный характер своего действия или бездействия.

Рассматриваемый нами состав преступления характеризуется умышленной формой вины.

Указывая прерывание беременности как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь, законодатель исходил из того, что оно представляет опасность для жизни женщины, так как нередко вызывает наступления осложнений, которые угрожают жизни потерпевшей. Также в случае тяжких последствий прерывания беременности может наступить смерть потерпевшей. Поэтому при прерывании беременности не имеет значения, каков был ее срок [3].

В юридической литературе дискуссионным является вопрос о заведомости для виновного беременности потерпевшей. В п. 3 ч. 2 ст. 139 УК предусматривается ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [3]. Здесь законодатель говорит о заведомой осведомленности убийцы о беременности женщины, которую он намеревается лишить жизни. Иными словами лицо заранее и бесспорно знало о состоянии беременности, в котором находится женщина.

Отметим, что в ч. 1 ст. 147 УК ничего не указано о заведомости для виновного состояния беременности, а только лишь упоминается о прерывании беременности как об одном из признаков умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Следовательно, прервать данное состояние можно лишь тогда, когда оно осознается на основе тех же данных, что при посягательстве на жизнь женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

В юридической литературе была высказана достаточно спорная точка зрения, согласно которой прерывание беременности следует расценивать как проявление особой жестокости [12, с. 15]. Однако подобную точку зрения вряд ли можно разделить, поскольку особая жестокость предполагает причинение особых страданий и мучений имеет место непосредственно в момент самого посягательства, а прерывание беременности наступает после его окончания.

Кроме того, обращает на себя внимание конструкция ст. 148 УК, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное лишение профессиональной трудоспособности, в которой указывается на заведомость для виновного полной утраты профессиональной трудоспособности потерпевшего. Ввиду того, что составы, закрепленные в ст. 147 и 148 УК, базируются на одном общем признаке, а именно, на выделении специальных характеристик потерпевших, представляется целесообразным их унифицировать.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 147 УК Беларуси и конкретизировать признак прерывания беременности следующим образом: *«… прерывание беременности женщины, заведомо для виновного находящейся в таком состоянии …»*.

Заключение. Таким образом, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 147 УК, выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека как одно из ценных благ, естественное право, на которое имеет каждый человек с момента своего рождения. В данном определении здоровье характеризует объект преступления.

Субъект умышленного причинения тяжкого телесного повреждения по УК Беларуси – общий, им может быть физическое лицо, которое осознавало фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) и могло руководить ими, достигшее 14-летнего возраста для привлечения к уголовной ответственности.

Для установления наличия причинной связи при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью следует установить, что общественно опасные последствия, указанные в ч. 1 ст. 147 УК Беларуси, являются следствием именно данного преступного деяния, которое

явилось необходимым, закономерным и достаточным основанием для наступления данных общественно опасных последствий.

Совершение исследуемого преступления возможно лишь с умышленной формой вины.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Инструкция о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь 24.05.2016 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., и изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 131-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2019. – 2/2491.

5. Устименко, В.В. Специальный субъект преступления (понятие, виды, некоторые вопросы квалификации): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Устименко. – Харьков : Выщ. шк., 1989. – 26 с.

6. Орымбаев, Р. Специальный субъект преступления / Р. Орымбаев. – Алма-Ата : «Наука», 1989. – 152 с.

7. Бабий, Н.А. Уголовное право. Общая часть: конспект лекций / Н.А. Бабий. – Минск : Тесей, 2000. – 288 с.

8. Комяк, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть / Н.А. Комяк. – Минск : Право и экономика, 2007. – 88 с.

9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

10. Тихомиров, М.Н. Пособие по изучению Русской Правды / М.Н. Тихомиров. – М., 1953. – С. 75–86.

11. Рарог, А.И. Проблемы субъективной стороны преступления / А.И. Рарог. – М. : Юрайт, 2006. – 578 с.

12. Адельханян, Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.А. Адельханян. – Ростов-на-Дону, 2000. – 27 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 16.12.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

Экономика

УДК 338(476):002:004(0)

Информация как основа воспроизводства инноваций

А.М. Баранов

Исследуется экономический механизм когнитивной ренты в информационной экономике, анализируется влияние мезоинформации на воспроизводство инноваций, представлена модель циклов интеллектуальной деятельности, позволяющая наращивать знания, разработана модель формирования интеллектуального капитала и интеллектуальной ренты в условиях информационного развития экономики.
Ключевые слова: информация, мезоинформация, интеллектуальное моделирование, интеллектуальный капитал, когнитивная рента, информационноемкость, инновации.

The economic mechanism of a cognitive rent in information economy is investigated, influence of mesoinformation on reproduction of innovations is analyzed, the model of cycles of intellectual activity, which allows increasing knowledge, is presented, the model of formation of the intellectual capital and intellectual rent in the conditions of information development of economy is developed.
Keywords: information, mesoinformation, intellectual modelling, intellectual capital, cognitive rent, information volume, innovations.

Введение. В советской политэкономии научное знание рассматривалось как общественное благо, которое не может эффективно производиться частным сектором, в связи с чем обосновывалась монополия государственного регулирования научных исследований. В постсоветский период характер научных исследований и инноваций изменился в связи с необходимостью усиления конкурентных позиций в мировой экономике; инновации стали рассматриваться более комплексно как процесс взаимодействия различных субъектов инновационной системы (включая исследовательские организации, фирмы и государство), что обусловливает комплекс *формальных и неформальных институтов страны.* Методологической основой становятся отдельные направления *нового институционализма в экономической теории*, а также некоторые идеи *немецкой исторической школы*.

Основная часть. В отличие от материальных товаров информация – уникальный продукт, *зависящий от времени* ее потребления, поэтому решение о ее производстве не может быть выработано только на основе её цены, поскольку последней не существует до производства, а производство не начинается, пока не выявлен спрос. Таким образом, факторы, определяющие спрос, определяют также и предложение информации. Информацию можно произвести всего однажды, её распространение – процесс, в котором предложение копий и их цена – связаны.

В соответствии с *методом инверсии,* в условиях продаж стандартных, неинформационноёмких товаров индустриальной экономики действуют типовые законы экономической теории: закон убывающей предельной полезности, закон эффекта масштаба производства, прямая зависимость между повышением цены товара и степенью монополизации рынка и т. д. Информационные товары и услуги, включённые в межсетевое взаимодействие, *изменяют классические постулаты и проявляют ассиметричность информации в сравнении с другими продуктами труда.* Так, например, сетевые информационноёмкие товары предполагают рост доходности от их реализации в долгосрочной перспективе, так как:

– небольшие капиталовложения, проходя сквозь призму сети, экспоненциально усиливают друг друга и дают больше прибыли, чем большие индивидуальные вложения крупных фирм;

– эффект экономии на масштабе потенцируется не ростом объёма производства фирмы, а в результате налаживания эффективного сетевого взаимодействия между всеми акторами

(мелкие фирмы, торговые посредники, контактные аудитории, группы потребителей и т. д.), причём в сети он достигает невиданных ранее темпов;

– огромная эффективность экономии на масштабе и стирание границ в рамках информационного взаимодействия приводят к появлению монополистических структур глобального характера (например, Microsoft). Однако вопреки всем правилам классической конкурентной стратегии, такие *монополистические структуры* не увеличивают стоимость информационных продуктов, более того они *стремятся продавать товары по цене как можно более низкой*, а иногда и вообще *предоставлять часть товаров бесплатно*.

Поскольку сами по себе *знания – это концентрированная и обобщенная форма мезоинформации,* прошедшая экспертизу в рамках соответствующего института, их широкое использование в производстве приводит в действие механизмы концентрации и усиления производственных возможностей, что формирует дополнительную ренту [1]. Так, по мнению *В.Л. Макарова и Г.Б. Клейнера* в современной экономике фирма, осуществляющая успешные инвестиции в интеллектуальный компонент, получает «когнитивную ренту» [2].

Важной чертой информационной экономики является то, что активный рост наукоемких производств, который обеспечивается новым экономическим механизмом когнитивной ренты, носит *экспоненциальный характер.* Так, рост объема знаний, лежащий в основе этой закономерности, подчиняется «Закону Энгеля», согласно которому прирост знаний пропорционален (в геометрической прогрессии) объему уже накопленных данных [3]:

$$\frac{\partial Zt}{\partial t} = kZ(t), \tag{1}$$

где Z – объем накопленных знаний, k – коэффициент пропорциональности, t– время.

Дифференциальное уравнение (1) имеет решение в форме экспоненты:

$$\partial Zt = e^{kt}. \tag{2}$$

Когнитивная рента подразумевает накопление и использование мезоинформации о более эффективных методах управления ресурсами компании, организации производственного процесса и реализации результатов производства в рамках институциональной модели организации и уровня коммуникативных взаимодействий субъектов хозяйствования во внутренней и внешней экономической среде.

Так, по мнению *З. Айларовой* в содержательном аспекте когнитивная рента реализуется через определенную управленческую деятельность по поиску, выявлению, интерпретации, отбору, синтезу, хранению и распространению информации в организации [4].

В целом оптимальное соотношение цен и ценности информации является труднодостижимым. Тем не менее попытаемся обозначить основные общетеоретические аспекты расчёта:

доход от реализации информации (I) примем равным:

$$I = P \times Q, \tag{3}$$

где P– цена; Q – количество предоставленных информационных услуг.

При этом при оказании информационных услуг производитель несёт как *прямые информационные издержки* (на создание одной индивидуализированной услуги (S), так и *фиксированные* (F), которые не зависят от объёма предоставления услуг (например, издержки на поиск и обработку данных, приобретение лицензии на использование программного продукта и т. д.).

Прибыль от реализации информации *(R)* определим по формуле:

$$R = I - S \times Q - F. \tag{4}$$

При этом, если *метаинформация о спросе является достоверной,* то по его наиболее вероятному (или среднему) количественному значению (D) вычисляется *размер цены* (P), необходимый для получения целевой прибыли:

$$P = S + (R + F) / D. \tag{5}$$

Цена информации является очень сложной категорией, поскольку представляет разную ценность даже для одного потребителя в разные промежутки времени, тем более критерии качества отличаются у группы потребителей.

Следует отметить, что экспоненциальный рост производства, возрастающая отдача от вложений при условии высокой информационной емкости продукции и *ускоренного во времени* (за счет информационных технологий) характера ее распространения подтверждается

на практике деятельностью таких высокотехнологичных компаний, как *Microsoft, Apple, Samsung VendorGroup, IBM, Dell Technologies VendorGroup, Intel, Facebook, LG Electronics* и др. В России наличие таких компаний можно проиллюстрировать примерами *«Лаборатории Касперского», Mail.Ru Group, «Яндекс», в Беларуси – Wargaming.net, EPAM Systems, Itransition, IBAGroup*, что свидетельствует о возможности экстраполяции законов информационной экономики на ряд отечественных фирм, деятельность которых обусловлена, во-первых, важностью в ней интеллектуальной составляющей (инновационного характера самого продукта), а во-вторых, сетевым характером предоставления услуг и товаров.

Формирование информационной экономики невозможно без *внедрения новой мезоинформации в экономическую систему как фирмы, так и страны*. Данные, информация, метаинформация, знания как форма новой мезоинформации должны стать инновациями, охватывающими все стадии воспроизводственного цикла. Систематизация инноваций в информационной сфере позволяет запустить процесс экспоненциальной модернизации технологического базиса новой экономики и приводит к глубокой трансформации факторов производства, что ведет к повышению эффективности использования экономических ресурсов.

В этих условиях *сдерживающим фактором инновационного развития становится время,* для снижения времени восприятия инноваций необходим *рост релевантности мезоинформации,* что снижает действие фактора неопределенности и усиливает инновационный поток (рисунок 1).

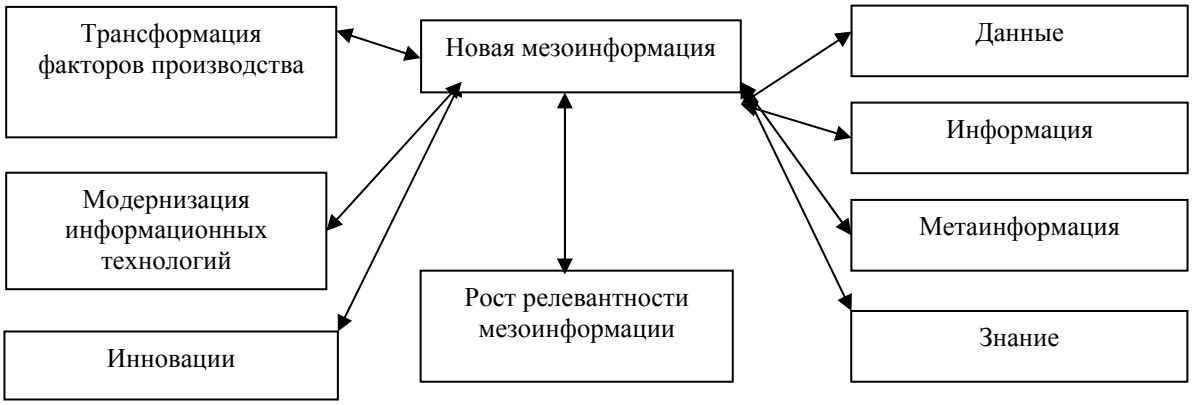

Рисунок 1 – Влияние мезоинформации на воспроизводство инноваций

Антропогенный метод информационно-временного анализа отражает трансформацию научно-технического прогресса, в рамках которого использование релевантной мезоинформации автоматически ускоряет инновационный цикл, инновации в сфере информационных технологий позволяют снизить стоимость, упростить производство материальных и нематериальных продуктов, *сокращая время*, необходимое для их создания. Инновации создают предпосылки их выгодного применения, но при этом не формируют механизма реализации подобных возможностей. По мнению *О.С. Коломиец,* данный механизм реализуется лишь при зрелом функционировании *институтов информационной экономики*, в которой информация, воплощенная в виде информационного продукта, услуги, технологии, сопровождает и предшествует инновационному процессу [5].

Существуют различные варианты интенсификации роста воспроизводства инноваций через наращивание информационноемкости:

1. В условиях практического применения *метода эмпирической виртуализации* необходимо формирование индивидуальных интеллектуально-информационных систем с возможностью постоянного прогнозирования развития ситуации в условиях динамичных изменений микро- и макросреды с использованием систем искусственного интеллекта как самим работником, так и рабочей группой, в том числе и виртуальной, в которую он входит, что дает мультипликационный эффект в приращении информации и знаний.

2. *С позиции социально-личностного подхода и социометрического метода* необходимо совершенствование интеллекта работника знаний и наилучшая его адаптация в рабочей

группе методами, основанными на современных достижениях психологии и социологии, что позволит значительно усилить его ментальные и творческие возможности и обеспечит преумножение личностных знаний и обеспечение когнитивной ренты:

$$\partial Z(t) = Z(t) \times Pg \times Ze, , \qquad (6)$$

где *Zt*– знания, полученные путем прохождения данных сквозь синтаксический, семантический, прагматический, институциональный фильтры; *Pg* – коэффициент, отражающий уровень применения знаний в рамках рабочей группы; *Ze* – знания, самостоятельно полученные работником в рамках использования *эмпирической виртуализации*.

Концептуальной моделью циклов интеллектуальной деятельности, характеризующей продуцирование знаний, является вариация модели *Р. Аккофа*, предложенная *В.А. Дресвянниковым* [6], которая характеризует накопление интеллектуального капитала путем его перехода на новые качественные уровни. Адаптация данной модели с учетом разработанной нами методологии представлена на рисунке 2.

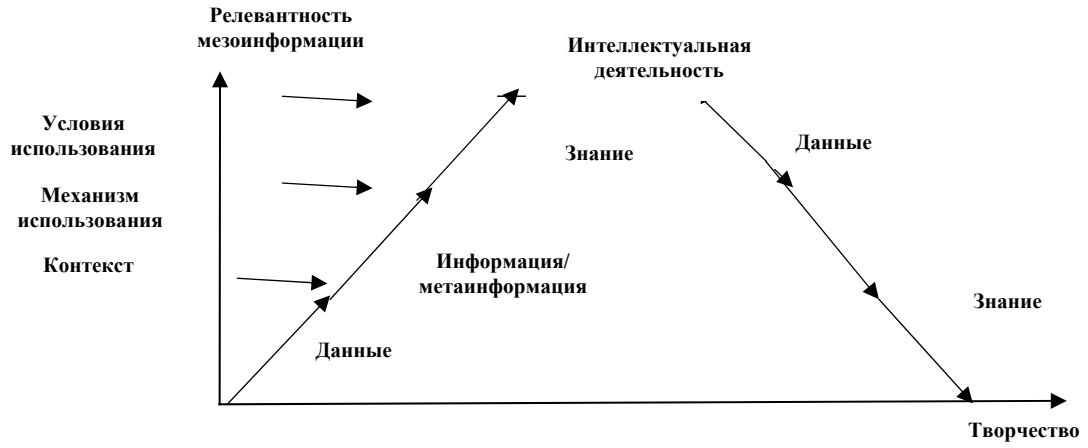

Рисунок 2 – Модель циклов интеллектуальной деятельности трансформации знаний

Восходящий вектор в данной модели показывает процесс создания новых знаний на базе анализа процесса работы сотрудника (*jobanalysis*), при котором поступившая мезоинформация в контексте информационной среды и на базе механизма ее реализации трансформируется в информацию либо метаинформацию, а затем с учетом условий ее применения и релевантности – в знания – как результат интеллектуальной деятельности человека. Нисходящий вектор – использование сотрудником полученных знаний с учетом накопленных личностных неявных знаний (*tacit knowledge)* и создание нового массива данных для следующего цикла интеллектуальной деятельности.

С позиции *социометрического метода* на результат интеллектуальной работы оказывают влияние такие факторы как *время для творчества, готовность рисковать; свобода; мотивация; дискуссии; поддержка; конфликтность*, которые могут быть сгруппированы в математическую модель:

$$IR = T \times a1 + R \times a2 + F \times a3 + M \times a4 + D \times a5 + S \times a6 + C \times a7 , \qquad (7)$$

где *IR* – интегральный показатель оценки интеллектуальной работы; *T* – время для творчества работника; *F* – свобода для творчества; *R* – готовность к риску; *M* – мотивация; *D* – дискуссия; *S* – поддержка; *C* – конфликтность; a_i (i = 1..6) ($\sum a_i = 1$) – весовой коэффициент, показывающий значимость соответствующей составляющей для работника.

На практике для определения значений показателей и их весовых коэффициентов используются *методы социально-психологических и экспертных оценок.*

С нашей позиции в основе модели формирования интеллектуального капитала лежит *двухуровневая модель*, подразумевающая создание *релевантной мезоинформации* с помощью нематериальных факторов производства через информационное обеспечение, образование, творчество работников, временной менеджмент и как результат – экономико-правовую деятельность, цель которой – создание интеллектуального капитала, реализация которого позво-

ляет получить интеллектуальную ренту компании. С другой стороны, процесс продуцирования такого капитала невозможен без организационной и инновационной инфраструктуры, к которым относятся рабочие группы, сформированные *с помощью социометрических методов, интегрированные корпоративные структуры, в том числе виртуальные предприятия и информационные кластеры, а также отдельные институты информационной экономики,* в том числе рынок информации, определяющий ее цену, спрос, предложение и т. д. (рисунок 3) [7].

Информационное обеспечение компании создает единое информационное пространство, технологической основой которого служат информационные технологии и распределенные сети, в том числе реализованные по технологии блокчейн. Информационные технологии становятся средством труда работников знаний, входя в состав научно-технического капитала современной компании.

Образование и повышение квалификации выполняют функцию диффузии знаний, помогая создавать интеллектуальные ресурсы с последующим формированием антропогенного потенциала и интеллектуального капитала.

Творческая деятельность способствует созданию новых знаний в форме, доступной для последующего тиражирования. Познание и творчество рассматриваются в том числе сквозь призму фундаментальной и прикладной науки, проектной, рационализаторской и индивидуальной познавательной деятельности, аналитических исследований.

Риск-менеджмент направлен на принятие и выполнение управленческих решений, связанных со снижением вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизацию возможных торговых потерь проекта, вызванных его реализацией.

Рисунок 3 – Модель формирования интеллектуального капитала и интеллектуальной ренты

Тайм-менеджмент включает всю совокупность технологий планирования работы сотрудника организации, которые применяются *самостоятельно* для повышения *эффективности использования рабочего времени* и повышения контроля за возрастающим объемом задач.

Итоговая цель экономико-правовой деятельности – включить информацию и знания в систему экономико-правовых отношений во внутренней и внешней среде предприятия, трансформировать их в интеллектуальный и финансовый капитал. Компания вступает в договорные взаимоотношения с общественными институтами и субъектами деловой среды, которые образуют инфраструктуру интеллектуальной деятельности – так формируются интеллектуальные ресурсы, знания, интеллектуальный капитал [8].

Заключение. Важной особенностью информации является то, что каждая её единица уникальна, поэтому к определению её ценности *нельзя подходить с помощью метода общественно необходимых затрат труда,* то есть, можно рассчитать типовые затраты усреднённого бита информации, но нельзя подсчитать затраты конкретной, необходимой, с учётом семантико-прагматического фильтра, информации. При этом, процесс создания информации невозможен без приложения интеллектуального труда (и соответственно требует наличия высококвалифицированных специалистов), что является основополагающей предпосылкой формирования *информационно-антропогенной парадигмы развития.*

Литература

1. Ченцова, Н.В. Особенности формирования экономики знаний в современных условиях : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Н.В. Ченцова ; Фин. акад. при Прав-ве РФ. – М., 2008. – 26 с.

2. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М. : Экономика, 2007. – 204 с.

3. Кулинкович, А.Е. Биоконституционная социология познания. Современная борьба двух экспонент роста: компьютерной мощи и знаний человечества [Электронный ресурс] / А.Е. Кулинкович. – Режим доступа : http://www.ka2.ru/nauka/kulinkovich_6.html. – Дата доступа : 08.01.2018.

4. Айларова, З.А. Когнитивные границы функционирования фирм в условиях экономики знаний : автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.01 / З.А. Айларова ; Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2011. – 26 с.

5. Коломеец, О.С. Организация и развитие рынка информации в России : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / О.С. Коломеец ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2007. – 152 с.

6. Дресвянников, В.А. Формирование системы управления интеллектуальным капиталом на промышленных предприятиях (теория и методология) : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / В.А. Дресвянников ; Всерос. заочный фин.-экон. ин-т. – М, 2008. – 357 с.

7. Баранов, А.М. Информационная экономика Беларуси: вариативность технологического развития / А.М. Баранов // Известия ВУЗов. Серия Экономика, финансы и управление производством. – 2018. – № 3. – С. 36–40.

8. Баранов, А.М. Экономика знаний Беларуси в аспекте мирового опыта / А.М. Баранов // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 9–10. – С. 81–86.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 338.57.055.2

Финансовые рынки и инфляция в развитых странах: исследование взаимосвязи (на материалах США)

О.С. Башлакова, Л.Н. Марченко

Исследованы механизмы трансляции роста денежной массы на инфляционные процессы в странах с развитыми финансовыми рынками в современной денежно-кредитной системе, а также выявлены ключевые факторы, обусловливающие инфляцию спроса.
Ключевые слова: денежная масса, денежная база, инфляция, финансовый рынок, государственный долг, ипотечные облигации, биржевые индексы, привилегированные акции, курс акций.

The mechanisms of transmission of the growth of money supply to inflationary processes in countries with developed financial markets in the modern monetary system are investigated, and key factors responsible for demand inflation are identified.
Keywords: money supply, monetary base, inflation, financial market, national debt, mortgage bonds, stock market indices, preferred shares, stock price.

Понятие «инфляция» впервые начало употребляться в североамериканской публицистике в период Гражданской войны 1861–1865 гг. и означало переполнение каналов денежного обращения бумажными ассигнациями. Во второй половине XIX в. термин «инфляция» в этом же значении употреблялся в составе специальной терминологии финансистов и банкиров, однако имел более узкое толкование, а именно «увеличение ассигнационной денежной базы при неизменном либо уменьшающемся количестве монетарного золота в обращении» [1].

В экономический обиход термин «инфляция» вошел только на рубеже первых двух десятилетий XX в. Генезис понятия «инфляция» заключался в постепенном расширении спектра изучаемых причин данного явления. В настоящее время в экономической науке инфляция рассматривается как комплексный феномен, находящийся в сложной взаимосвязи с другими экономическими процессами. Сложность управления инфляционными процессами заключается в том, что, с одной стороны, инфляция индуцирует ряд негативных последствий для экономики, а с другой – инфляция считается неизбежным сопутствующим фактором экономического роста, причём дефляция (снижение цен) в современной экономической науке также воспринимается как негативное явление, с которым необходимо бороться.

В качестве негативных последствий инфляции для экономики можно отметить:

– дестимулирование инвестиционной и инновационной активности субъектов хозяйствования;

– дисперсию цен, искажающую рыночные сигналы, на которые ориентируются экономические субъекты при принятии управленческих решений;

– снижение эффективности экономической деятельности предприятий, несущих инфляционные издержки;

– искажающее воздействие инфляционных процессов на информационную базу принятия экономических решений на всех уровнях, в первую очередь – на динамику и сопоставимость данных об макроэкономических агрегатах.

Вместе с тем дефляция, в силу действия «эффекта храповика» и иных факторов, также препятствует экономическому росту и дестимулирует инвестиции.

Несмотря на многолетнюю историю исследования инфляции, у учёных не сложилось единого мнения по ряду принципиальных проблем, находящихся в центре внимания таких исследований. В частности, дискуссионными остаются такие научные проблемы, как причины инфляции в экономике, последствия инфляции для экономических процессов, алгоритмы оптимизации государственного регулирования экономики в условиях инфляции, допустимость инфляционных процессов в условиях сбалансированного устойчивого развития экономики, а также порядок применения антиинфляционных мер.

Ограниченность инструментария стимулирования экономического роста у государства в современной рыночной экономике не позволяет отказаться от денежно-кредитной экспансии как ациклического инструмента, призванного предотвратить или, по крайней мере, смягчить проявления кризиса. Это показала реакция государственных структур на кризис 2008–2009 гг.,

которая была на удивление однообразной и заключалась в снижении базовых ставок рефинансирования экономики, снижении резервных требований, а также в приобретении центральными банками на временной основе ликвидных ценных бумаг (а иногда и не очень ликвидных), то есть повсеместно, от США и Евросоюза до Китая и Индии экономические регуляторы сосредоточились на политике «дешёвых» денег. При этом вопрос о том, в какой мере данная политика индуцирует инфляцию, и как эта инфляция, будучи достаточно умеренной, влияет на темпы роста экономики, а также устойчивость и сбалансированность этого роста, пока остаётся открытым, что делает дальнейшие исследования на эту тему достаточно актуальными.

Исследование факторов и механизмов формирования инфляционных процессов началось в конце XIX – начале XX вв., с развитием теории и практики денежно-кредитного регулирования экономического развития, в основе которого лежит воздействие государства, как правило, в лице центрального банка, на объём и структуру денежной массы. Первой моделью инфляции являлась, по сути, формула И. Фишера [2], который в качестве факторов изменения уровня цен в экономике рассматривал динамику денежной массы, физического объёма предложения товаров и услуг, а также скорость обращения денег. Аналогичной точки зрения придерживались такие известные экономисты, как А. Маршалл и А. Пигу.

В дальнейшем исследованием инфляционного механизма занимались многие известные экономисты. Разработчиками используемых в настоящее время в науке и практике подходов являются У. Филипс [3], Дж. Кейнс [4], М. Фридмен [5], Р. Лукас [6], Ф. Кейган [7], М. Бруно и С. Фишер [8], Т. Сарджент [9], Т. Перссон и Г. Табелини [10].

В современной экономической науке исследования факторов, детерминирующих инфляцию, производятся на основе исследования корреляции между показателями инфляции и предположительно определяющими её факторами. Данные исследования схожи между собой, в качестве примере можно привести фундаментальное исследование связи между объёмом денежной массы и инфляцией в странах с различными темпами инфляции, выполненное С. Фишером, Р. Сахаем и К. Вегом [11]. В данном исследовании показано, что наблюдается прямая и весьма значимая прямая корреляция между темпами роста денежной массы и инфляцией в странах с высокими темпами инфляции и низким уровнем развития финансовых рынков. При этом для стран с низкой инфляцией и развитым финансовым рынком данная корреляция гораздо менее значима, что указывает на актуальность исследования механизма влияния динамики денежной массы на инфляционные процессы. Аналогичный результат был получен и в ходе иных исследований [12], [13], [14].

Выше отмечалось, что разработка стратегии государственного регулирования современной экономики во многом зависит от ответа на ряд не разрешённых до настоящего времени следующих вопросов.

В какой мере политика «дешёвых» денег, проводимая центральными банками для борьбы с кризисами в экономике, стимулирует инфляцию, а значит и связанные с ней негативные эффекты?

Каков механизм возникновения инфляционных процессов при наращивании денежной массы в рамках современной денежно-кредитной системы?

В какой мере умеренная инфляция (по поводу необходимости подавления высокой инфляции, не говоря уже о гиперинфляции, в современной экономической науке сложился консенсус) оказывает негативное влияние на экономическое развитие?

Замысел исследования заключается в том, что особенности функционирования современной денежно-кредитной системы связаны с использованием финансовых инструментов в качестве ликвидных активов банков, позволяющих увеличивать денежную массу (здесь и далее, если иного не оговорено, под денежной массой понимается агрегат M2). Действительно, если директивно какой-либо финансовый инструмент регулятором оценивается как надёжный, то рост кредитования под обеспечение либо непосредственно на приобретение такого финансового инструмента позволяет коммерческим банкам существенно нарастить денежную массу, не выходя за рамки действующих нормативов безопасного функционирования, в основе расчёта которых лежат показатели структуры баланса этих банков.

При этом очевидно, что рост денежной массы в первую очередь отразится на тех сегментах финансового рынка, где торгуются инструменты с нормативно высокой ликвидностью. В этом случае рост денежной массы опосредовано влияет на общую инфляцию через финансовые рынки. Поэтому в настоящей работе предполагается изучить:

– корреляцию между динамикой денежной массы по агрегату М2 и динамикой цен на финансовых рынках, где торгуются ликвидные инструменты, а именно государственные облигации, ипотечные облигации, банковские векселя, нефтяные фьючерсы, наиболее надёжные привилегированные акции (голубые фишки), с учётом предложения финансовых инструментов, так как оно непостоянно и существенно меняется между периодами;

– корреляцию между темпами инфляции на потребительском рынке и динамикой цен на финансовых рынках, указанных выше (если влияние роста денежной массы на инфляцию опосредуется финансовыми рынками, то такое исследование позволяет выявить как тесноту самой корреляции, так и временные лаги между изменением денежной массы и темпами инфляции).

Данные предположения можно проверить с помощью следующих гипотез.

Гипотеза 1. Рост денежной массы вызывает рост объёмов продаж государственных облигаций, медианной стоимости жилья, так как наиболее значимый сегмент первичного спроса на жильё обеспечивается кредитованием под ипотечные облигации, а также рост рыночной стоимости надёжных банковских векселей, нефтяных фьючерсов при элиминировании иных значимых факторов, влияющих на их стоимость, а также курса «голубых фишек» при элиминировании иных значимых факторов.

Гипотеза 2. Рост вложений в государственные ценные бумаги, медианной стоимости жилья, вложений в банковские векселя, стоимости нефтяных фьючерсов и курса «голубых фишек» вызывает инфляцию на потребительском рынке с определённым временным лагом.

Информационной базой для исследований послужили поквартальные данные за 10 лет с 2008 по 2017 гг.[15]−[21]. Данный период был выбран для исследования по следующим причинам:

– данные за этот период ближе всего к текущему периоду, поэтому позволяют выявить наиболее актуальные закономерности;

– на этот период пришёлся финансовый кризис 2008–2009 гг., а также период восстановления и подъёма, поэтому рассматриваемый период включает различные стадии экономического цикла, что делает его достаточно репрезентативным;

– последствия кризиса, которые во многих сферах ощущаются и в настоящее время, создали новую ситуацию на финансовом рынке с иной структурой воздействующих на него факторов и изменившую значимость этих факторов. К таким последствиям можно отнести существенное смягчение денежно-кредитной политики, появление новых форм мобилизации капитала (ICO, краудфандинг), развитие информационных технологий, позволяющих обрабатывать гораздо быстрее большие массивы информации, быстрый рост государственного долга в ведущих экономиках мира, обусловленный низкой ценой и большими сроками размещения капитала, взрывообразный рост избыточных резервов центральных банков и др.

Исходной переменной (Y) является денежной массе агрегата М2, скорректированные данные по который содержатся в экономической статистике Федеральной резервной системы США (официальный сайт Федерального резервного банка Сент-Луиса [15]). Данные для анализа за квартал брались на начало периода, что объясняется тем фактом, что по исследуемой гипотезе рост денежной массы индуцирует рост спроса на инструменты финансового рынка, что как раз и позволяет наращивать денежную массу.

Данные по государственным долговым ценным бумагам (переменная X1) приведены с сайта администрации Президента США [16] по состоянию на конец периода. Представление данных именно в таком виде делает их сопоставимыми с данными о денежной массе, а также позволяет исследовать статистику вложений в государственные долговые ценные бумаги США как следствие роста денежной массы. Кроме того, представление данных в таком виде позволяет несколько нивелировать влияние иных факторов на рынок государственных долговых ценных бумаг. Очевидно, что если денежную массу рассматривать как фактор спроса, то на цену как минимум повлияет ещё и предложение, которое обусловлено собственными факторами, связанными с бюджетной политикой. Исследуя конечный результат в форме суммы вложений в государственный долг, мы абстрагируемся от количества и цены как отдельных факторов. Учитывалась общая сумма вложений в государственные ценные бумаги США любого вида, как публичные, так распространяемые на закрытых площадках, как торгуемые, так и неторгуемые, а также все четыре их разновидности по срокам обращения:

– краткосрочные казначейские векселя (Bills);

– среднесрочные казначейские облигации (Notes);

– долгосрочные казначейские облигации (Bonds);

– казначейские защищенные от инфляции облигации (TIPS).

Это сделано потому, что любые из этих ценных бумаг являются ликвидными активами, позволяющими банковской системе наращивать денежную массу.

Данные о медианной цене жилья (переменная X2), к которой привязан курс ипотечных облигаций, эмитируемых крупнейшими ипотечными агентствами, взяты по отчётам Бюро переписи населения США [17] также по состоянию на конец периода – в среднем за последний месяц исследуемого квартала. Поскольку эмиссия ипотечных облигаций фактически осуществляется только в случае приобретения недвижимости на первичном рынке, то медианная цена жилья является прямым следствием вложений в ипотечные облигации, что позволяет использовать этот показатель для анализа динамики данного сегмента финансового рынка.

Данные о динамике цены барреля нефти марки WTI, переменная (X3) получены с сайта New York Mercantile Exchange [18]. Данные взяты в среднем за исследуемый период (квартал), чтобы сгладить конъюнктурные колебания цены, так как уровень цены на определённую дату может быть обусловлен такими факторами, как геополитика, ожидания, инсайдерская информация и т.д.

Что касается цены привилегированных акций ведущих банков, которые представляют собой, как правило, высоколиквидные активы, то тут необходимо отметить, что множество конъюнктурных факторов, влияющих на курс таких ценных бумаг, делают затруднительным выбор наиболее приемлемого показателя. Анализ динамики рынка акций был проведен по топ-5 крупнейшим американским банкам по размеру активов (JPMorgan Chase, Bank of America, Citigroup, Wells Fargo и U.S. Bancorp), с целью выявления банка, на курс акций которого меньше, чем на другие повлияли индивидуальные факторы, такие, как слияния и поглощения, менеджмент, нетипичные для рынка операции, эмиссия акций, меняющая их предложение на рынке, ожидания, поведение крупных инвесторов и др. Здесь несомненным лидером с позиции минимизации таких факторов является банк Wells Fargo, акции которого использованы в работе как акции банка-представителя (переменная X4). Данные о курсе акций банка взяты с его сайта по состоянию на последний день периода (квартала), так как временной лаг реакции на рост денежной массы для данного сегмента рынка предполагается наибольшим [19].

И, наконец, важным инструментом роста денежной массы могут быть наиболее ликвидные акции (так называемые «голубые фишки»). Для исследования данных об их курсе в работе был использован биржевой индекс S&P 500 (переменная X5), в котором представлен курс акций крупнейших акционерных обществ США, акции которых торгуются на бирже (по состоянию на последнюю дату квартала) [20].

Конечной зависимой переменной Z в данном исследовании являются данные об инфляции на потребительском рынке [21]. При этом за 100 % принят уровень цен 1984 г., индекс инфляции взят на последнюю отчётную дату соответствующего периода (квартала).

Поскольку на все показатели финансового рынка США за рассматриваемый период оказывали влияние экзогенные факторы, включая ожидания участников рынка, геополитику, бюджетно-финансовую и институциональную политику и иные, более случайные и субъективные факторы, в работе проверена корреляция не только квартальных, но и среднегодовых данных, которые во многом сглаживают действие экзогенных факторов. При этом для вычисления среднегодовых показателей по данным, исследуемым на определённую дату, был использован показатель средней хронологической (денежная масса, объём государственных долговых ценных бумаг в обращении, котировки привилегированных акций банка Wells Fargo, индекс S&P 500, индекс инфляции), а для данных, принятых к расчёту в среднем за период (медианная цена жилья, котировки нефтяных фьючерсов) – средней арифметической.

Для проверки выдвинутых в работе гипотез использовался стандартный коэффициент корреляции Пирсона. В качестве вариантов мы рассматривали: коэффициент линейной корреляции Пирсона; коэффициент ранговой корреляции Спирмена; коэффициент корреляции (тау) Кендалла; показатель точечной двухрядной корреляции; показатель четырёхполевой корреляции. Коэффициент Пирсона был выбран по следующим причинам: сравниваемые переменные должны быть получены в интервальной шкале или шкале отношений; распределе-

ния независимых и зависимых переменных близки к нормальному; число варьирующих признаков в сравниваемых переменных является одинаковым. Качественная оценка тесноты связи между величинами выявлена по шкале Чеддока.

Результаты проверки выдвинутых гипотез представлены на рисунках 1 и 2.

На рисунке 1 представлены коэффициенты корреляции между ростом денежной массы (Y) и показателями рынка ликвидных финансовых инструментов X1, X2, X3, X4, X5.

Рисунок 1 – Коэффициент корреляции Пирсона между денежной массой M2 (Y), млрд. долларов США, и факторами X1, X2, X3, X4, X5

Здесь X1 – государственные долговые обязательства, млрд. долларов США; X2 – медианная цена жилья, долларов США; X3 – цена на 3-месячные фьючерсы нефти бенчмарка WTI (в среднем за период), долларов США за баррель; X4 – котировки привилегированных акций банка «Уэллс Фарго», долларов США за акцию; X5 – индекс S&P 500.

На рисунке 2 представлен коэффициент корреляции между показателями рынка ликвидных финансовых инструментов X1, X2, X3, X4, X5 и уровнем инфляции Z, %.

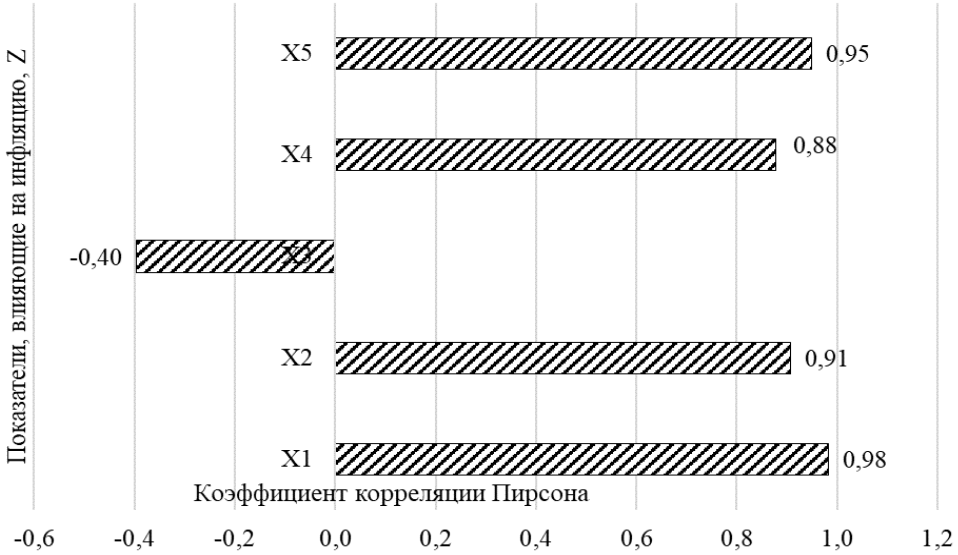

Рисунок 1 – Коэффициент корреляции Пирсона между инфляцией (Z), %, и факторами X1, X2, X3, X4, X5

В результате проверки выдвинутых гипотез по коэффициенту Пирсона и проверки значимости результатов по шкале Чеддока были получены следующие результаты.

Гипотеза 1. Проверка гипотезы по квартальным данным с синхронизацией данных по датам (когда денежная масса и объём вложений в государственные долговые бумаги США принимаются на одну и ту же дату) показала весьма высокую корреляцию обеих перемен-

ных: коэффициент Пирсона 0,98 при чрезвычайно высокой статистической значимости результата. Обращает на себя внимание, что даже темпы роста обеих переменных показывают умеренную корреляцию при достаточной статистической значимости результата. Исследование корреляции между денежной массой и медианной ценой жилья показало весьма высокую корреляцию, причём вероятность случайных совпадений (о чём говорит высокая статистическая значимость) практически нулевая. Отсутствует значимая корреляция между динамикой денежной массы и ценой фьючерса нефти американского бенчмарка WTI, что объясняется воздействием на нефтяные цены более существенных факторов, чем изменение денежной массы. Также исследование показало высокую степень корреляции между денежной массой и курсом акций банка из топ-5 Wells Fargo на уровне 0,90, а также очень высокую степень корреляции между денежной массой и курсом «голубых фишек», 0,98. Несколько меньшая степень корреляции для привилегированных акций банка Wells Fargo по сравнению с вложениями в государственные облигации и ценой жилья объясняется действием локальных факторов для конкретного субъекта хозяйствования.

Гипотеза 2. Проверка гипотезы о том, что динамика показателей финансового рынка обусловливает инфляцию полностью подтверждается результатами исследования (исключение, как и в первой гипотезе, составляют нефтяные фьючерсы, для остальных факторов корреляция является очень высокой (государственные облигации, ипотечные облигации, индекс акций S&P 500) или высокой (курс акций банка Wells Fargo)).

В целом, обобщая проверку гипотез, можно утверждать, что наращивание денежной массы коммерческими банками осуществляется в форме вложений в активы, которые нормативно расцениваются регулятором и банками как максимально ликвидные.

Следует отметить несколько механизмов, которые транслируют инфляцию с финансовых рынков на потребительский рынок:

– ликвидные инструменты финансового рынка сами по себе являются способом прекращения обязательств. Таким образом, они вытесняют классические деньги с товарных рынков. Действительно, если денежная масса постоянна, чем больше объём прекращения обязательств на товарных рынках с помощью ликвидных активов, тем больше предложение денег на прочих сегментах товарного рынка;

– вложения в ликвидные инструменты финансового рынка имеют собственные каналы трансляции на товарные рынки. Так, вложения в государственные облигации транслируются на товарные рынки через бюджетные расходы, вложения в ипотечные облигации транслируются на товарный рынок через расходы строительных компаний, у которых приобретается за счёт банковских кредитов первичная недвижимость, вложения в ценные бумаги финансовых организаций транслируются в форме расширения кредитования экономики и инвестиций в финансовые инструменты с последующей описанной в данном разделе трансляцией на товарные рынки, а вложения в акции транслируются на товарные рынки через расходы компаний-эмитентов;

– транслированное на товарные рынки предложение денег мультиплицируется путём обращения, создавая расширенное вторичное предложение по стандартной схеме.

Таким образом, само наращивание безналичной денежной массы осуществляется в нынешней денежно-кредитной системе в виде приобретения нормативно ликвидных активов в форме долговых ценных бумаг либо выдачи кредитов с обратной покупкой фактически под залог ликвидных инструментов финансового рынка. Сначала такой рост денежной массы вызывает увеличение вложений в ликвидные финансовые инструменты, а затем через эти вложения транслируется на товарные рынки, вызывая инфляцию.

Говоря о макроэкономических выводах, основанных на подтверждении выдвинутых в работе гипотез, необходимо отметить, что современная денежно-кредитная система частичных резервов, в которой процентные ставки не формируются на рыночной основе, а являются объектом манипулирования со стороны регуляторов, создаёт постоянную опасность возникновения «пузырей» на финансовом рынке. Если в 2008–2009 гг. лопнул «пузырь» на ипотечном рынке, то в настоящее время явно формируется ещё больший «пузырь» на рынке государственных долговых обязательств, которые благодаря высокой нормативной ликвидно-

сти являются наилучшим инструментом наращивания денежной массы. Вместе с тем наблюдающийся в большинстве экономик мира, включая США, быстрый рост государственного долга относительно ВВП может привести к тому, что данный пузырь также лопнет, что будет иметь гораздо более серьёзные последствия, чем ипотечный кризис.

Литература

1. Marshall, A. Money, Credit and Commerce / A. Marshall. – Prometheus Books, 2003. – 506 p.

2. Fisher, W.C. The Tabular Standard in Massachusetts History / W.C. Fisher // Quarterly Journal of Economics. – 1913. – V. 27. – P. 417–451.

3. Phillips, A.W. Employment, inflation and growth: an inaugural lecture / A.W. Phillips. – Bell, 1962. – 37 p.

4. Keynes, J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. – Palgrave Macmillan, 1936. – 472 p.

5. Friedman, M. Inflation: Causes and Consequences / M. Friedman. – Bombay : Asia Publishing House, 1963. – 51 p.

6. Lucas, R.E. Expectations and the Neutrality of Money / R.E. Lucas // Journal of Economic Theory. – 1972. – № 4. – P. 3–24.

7. Cagan, P. The Monetary Dynamics of Hyperinflation / M. Friedman (ed.) // Studies in the Quantity Theory of Money. – Chicago : University of Chicago Press, 1956. – P. 25–117.

8. Bruno, M. Seigniorage, Operating Rules, and the High Inflation Trap / M. Bruno, S. Fischer // Quarterly Journal of Economics. – 1990. – № 105. – P. 353–374.

9. Sargent, T.J. Macroeconomic Features of the French Revolution / T.J. Sargent, F.R. Velde // Journal of Political Economy. – 1995. – № 103. – P. 474–518.

10. Persson, T. Macroeconomic Policy, Credibility, and Politics / T. Persson, G. Tabellini // Chur : Harwood Academic Publishers, 1990. – 185 p.

11. Fischer, S. Modern Hyper and High Inflations / S. Fischer, R. Sahay // Journal of Economic Literature. – 2002. – № 40. – P. 837–880.

12. Calvo, G.A. Inflation Stabilization and BOP Crises in Developing Countries, J. Taylor, M. Woodford (eds) / G.A. Calvo, C.A. Vegh // Handbook of Macroeconomics. – Amsterdam : North Holland, 1999. – P. 1531–1614.

13. Echenique, F. Are Stabilization Programs Expansionary? / F. Echenique, A. Forteza. – Mimeo : Berkeley, 1997. – P. 65–89.

14. Kydland, F.E. Is the Business Cycle of Argentina Different? / F.E. Kydland, C.E. Zarazaga // Economic Review, Federal Reserve Bank of Dallas. – 1997. – № 4. – P. 21–36.

15. M2 for the United States. Economic Research, Federal Reserve Bank of St. Louis [Electronic resource]. – Access mode : https://fred.stlouisfed.org/series/MABMM201USA189N. – Date of access : 23.12.2018.

16. Office of Management and Budget, The White House [Electronic resource]. – Access mode : https://www.whitehouse.gov/omb/historical-tables/. – Date of access : 23.12.2018.

17. United States Census Bureau [Electronic resource]. – Access mode : https://www.census.gov/2017census/partners/pdf/2017_TQA_Agent_FAQs_english.pdf. – Date of access : 23.12.2018.

18. CME Group [Electronic resource]. – Access mode : https://www.cmegroup.com/market-data/daily-bulletin.html. – Date of access : 21.12.2018.

19. Wells Fargo [Electronic resource]. – Access mode : https://www.wellsfargo.com/about/orporate/vision-and-values/index. – Date of access : 19.12.2018.

20. Fusion Media Limited, Investing [Electronic resource]. – Access mode : https://ru.investing.om/etfs/spdr-s-p-500. – Date of access : 21.12.2018.

21. Federal Reserve Bank of St. Louis [Electronic resource]. – Access mode : https://fred.stlouisfed.org/series/T10YIE. – Date of access : 20.12.2018.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 16.03.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 331.5(476)

Проблемные аспекты согласования рынка труда и рынка образовательных услуг

А.А. Казущик, М.А. Башлак

Рассматриваются проблемные аспекты согласования спроса и предложения на рынке труда в контексте взаимодействия с рынком образовательных услуг. Также исследуется ситуация, складывающаяся на рынке труда в Республике Беларусь в 2017 г. Сделан вывод о необходимости создания Национальной рамки квалификаций – совокупности механизмов правового регулирования спроса на квалификации работников со стороны рынка труда и предложения квалификаций со стороны системы образования и обучения.
Ключевые слова: рынок труда, рынок образовательных услуг, тренды глобального рынка труда, дисбаланс, Национальная рамка квалификаций, гармонизация профессиональных и образовательных стандартов.

The problematic aspects of the coordination of supply and demand in the labor market in the context of interaction with the market of educational services are examined. The situation on the labor market of the Republic of Belarus in 2017 is also being studied. The conclusion is made on the need to create a National Qualifications Framework – a set of mechanisms for the legal regulation of the demand for the qualification of workers from the labor market and the provision of qualifications from the education and training system.
Keywords: labor market, educational services market, global labor market trends, imbalance, National framework of qualifications, harmonization of professional and educational standards.

Республикой Беларусь взят курс на развитие цифровой экономики, отраслей V и VI технологических укладов, в которых ведущую роль играет человеческий потенциал и человеческий капитал, являющиеся основным источником экономического роста. В Государственной программе о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. обозначены ориентиры развития человеческого потенциала как одной из основных целей социальной политики Республики Беларусь, которая достигается посредством решения задач по повышению эффективности использования рабочей силы, включая улучшение условий и повышение безопасности труда, развитию социальной инфраструктуры и созданию комфортных условий жизнедеятельности населения. В качестве ключевых задач обозначены: обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, содействие повышению качества трудовых ресурсов и росту конкурентоспособности рабочей силы, стимулирование экономической активности населения, вовлечение в трудовую деятельность экономически неактивного населения (инвалиды, женщины, имеющие малолетних детей, лица пенсионного возраста и другие), совершенствование институциональных, организационных и финансовых механизмов содействия занятости [1, с. 3].

Прежде чем анализировать тренды на рынке труда Республики Беларусь, обратимся к тенденциям развития глобального рынка труда. Формируется новая парадигма занятости – сокращается потребность в работниках физического труда за счет появления новых трудосберегающих технологий. Современный рынок труда предполагает наличие у специалистов базовых надпрофессиональных компетенций: умение принимать решения в ситуации неопределённости; умение строить эффективные коммуникации, вести переговоры; гибкость как приспособление к постоянно изменяющимся условиям; эффективный тайм-менеджмент; предвидение проблем; стрессоустойчивость; постоянное обучение; генерация идей; креативность; навыки презентации идей, продуктов, технологий.

Новая образовательная среда должна в полной мере адаптироваться под требования рынка труда, на котором чётко прослеживаются тенденции, обозначенные CEO компании *LinkedIn Джеффом Вайнером* [2]:

– широкое распространение искусственного интеллекта и автоматизации. Так, в экономике США становятся проблемными с приходом автоматизации более 50 % профессиональных областей; под угрозой – среднеквалифицированный персонал в отрасли производства, розничной торговли, гостиничном и ресторанном обслуживании. В Республике Беларусь в 2018 г. у уязвимы позиции таких категорий работников, как операторы call-центров, бухгалтеры начального уровня, специалисты по страхованию, операторы ввода информации, модераторы, юристы низкой квалификации [3];

– дефицит квалифицированных специалистов. Так, в США осенью 2017 г. были открыты 6 миллионов вакансий при одновременном наличии 7,1 миллионов безработных и 13,9 миллионов тех, кто ищет дополнительную работу; эти тренды можно проследить и на рынке труда Республики Беларусь;

– рост числа независимых работников, работающих на фрилансе, в проектах. Так, в США их количество приближается к 60 млн. человек (порядка 35 % занятых в экономике).

Согласно шестому выпуску совместного исследования *Hays* и института экономического прогнозирования *Oxford Economics,* глобальный рынок труда в 2017 г. показал наличие следующих тенденций:

– компании продолжают сталкиваются с нехваткой квалифицированной рабочей силы;

– распространение инновационных форм занятости дает новый импульс рынку; так, все больше работодателей и профессионалов применяют временное, проектное трудоустройство и занятость на контрактной основе;

– растет число высококвалифицированных трудовых мигрантов;

– в среднем по всем странам произошло некоторое улучшение состояния рынков труда ввиду сокращения общего давления на зарплаты [4].

Обратимся к ситуации, складывающейся на рынке труда Республики Беларусь.

Численность безработных, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, в конце 2017 г. составила 22,9 тыс. человек, что на 35,3 процента меньше, чем в конце 2016 г. Удельный вес женщин составляет 36 %, молодежи в возрасте от 16 до 30 лет – 23 %. Средний период трудоустройства в 2017 г. составил: по Республике Беларусь – 2 месяца, мужчины – 2 месяца, женщины – 2,1 месяц, молодежь – 1,6 месяцев. Средняя продолжительность безработицы в 2017 г. составила: по Республике Беларусь – 4 месяца, мужчины – 4 месяца, женщины – 3,9 месяцев, молодежь – 2,8 месяцев. Коэффициент напряженности на рынке труда республики снизился с 1,0 на 1 января 2017 г. до 0,4 безработных на одну вакансию на 1 января 2018 г. [5]. Вместе с тем, официальная безработица основана на данных о гражданах, вставших на учет в службу по труду, занятости и социальной защите, и не может в полной мере отражать размер фактической безработицы. Основываясь на методике выборочного обследования домохозяйств по критериям Международной организации труда в 2017 г. фактический уровень безработицы составил 5,6 % от численности рабочей силы (в 2016 г. данный показатель был 5,8 %). В структуре фактической безработицы категория «женщины» составляет 35,5 %; «молодежь» – 30,4 %. Одна из существенных проблем для Республики Беларусь – наличие вынужденной неполной занятости. По данным портала *finance.tut.by*, ссылающегося на данные Министерства труда, вынужденная неполная занятость в 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. уменьшилась на 46,9 %. Так, в январе–декабре 2016 г. в режиме вынужденной неполной занятости трудились 252,4 тыс. человек. При этом целодневные простои уменьшились в 2017 г. на 36,6 % (в январе–декабре 2016 г. в таком режиме трудились 148,5 тыс. человек). В 2017 г. по инициативе нанимателей в режиме неполного рабочего времени трудились почти 86,4 тыс. человек. В режиме неполного рабочего времени в промышленности трудились 41,4 тысячи человек, строительстве – 25,3 тыс. человек [6].

На рынок труда оказывают негативное влияние демографические, экономические факторы. В некоторой степени складывающуюся конъюнктуру отражает динамика вакансий и резюме на специализированных информационных порталах. К числу наиболее востребованных информационных ресурсов относятся порталы: **Общереспубликанский банк вакансий** (https://vacancy.mintrud.by*);* **rabota.tut.by (**https://jobs.tut.by*)***;* **Belmeta.com (**https://belmeta.com*);* **Работа.by** *(*https://rabota.by*);* **Praca.by** (https://praca.by*);* **linkedin.com (**https://ru.linkedin.com*).*

Обратимся к информации общереспубликанского банка вакансий. За январь-ноябрь 2017 г. отмечено более 10 млн. обращений к банку вакансий преимущественно со стороны соискателей. При этом наибольшее количество запросов нанимателей связано с профессиями и специальностями инженера, бухгалтера, экономиста, водителя автомобиля, подсобного рабочего, секретаря – от 1,3 до 3,6 тыс. обращений [7].

По состоянию на 23.04.2018 г. статистка портала следующая: резюме размещено 2888 (за месяц – 749; за неделю – 161; за день – 65); количество вакансий составляет 64963 (за месяц – 25349; за неделю – 3984; за день – 812); количество организаций составляет 93595. По состоянию на 20.08.2018 г. статистка портала следующая: резюме размещено 3099 (за месяц – 7474; за неделю – 181; за день – 40); количество вакансий составляет 70115 (за месяц – 24392; за неделю – 6341; за день – 1613); организаций представлено в количестве 95488 [8].

Также проведем анализ наиболее популярного ресурса по трудоустройству – сайта **rabota.tut.by.** В 2017 г. на сайте **rabota.tut.by** ежедневно было активно в среднем 19 392 вакансий и 155 413 резюме. Таким образом, на одну вакансию приходится 7,6 резюме.

Среднее количество вакансий, ежедневно опубликованных на сайте rabota.tut.by в течение квартала, максимальное значение которых приходится на третий квартал, представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика вакансий, размещенных на ресурсе rabota.tut.by поквартально в 2014–2017 гг.

Года	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
2014 год	12 747	13 475	13 494	11 861
2015 год	8 745	10 187	11 409	11 043
2016 год	11 145	13 693	15 475	14 755
2017 год	15 120	19 257	21 775	21 415

Источник: [9].

Распределение вакансий по профессиональным областям в 4 квартале 2017 г. следующее: продажи – 27,3 %; информационные технологии, интернет, телеком – 12,9 %; рабочий персонал – 11,1 %; производство – 10,0 %; транспорт, логистика – 9,9 %; строительство, недвижимость – 8,9 %; маркетинг, реклама – 7,8 %; начало карьеры, студенты – 6,7 %; бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятий – 6,0 %; туризм, гостиницы, рестораны – 6,0 %; административный персонал – 5,6 %; банки, инвестиции, лизинг – 4,2 %; автомобильный бизнес – 3,7 %. Наибольший прирост вакансий в 2017 г. по сравнению с 2016 г. наблюдался в следующих областях: строительство, недвижимость (+82,6 %); рабочий персонал (+75,6 %); автомобильный бизнес (+71,7 %); производство (+68,9 %).

Структура резюме в 4 квартале 2017 г. следующая: начало карьеры, студенты – 24,2 %; продажи – 15,6 %; бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятий – 6,6 %; транспорт, логистика – 6,5 %; производство – 6,1 %; административный персонал – 5,8 %; информационные технологии, интернет, телеком – 4,9 %; маркетинг, реклама – 4,1 %; строительство, недвижимость – 3,7 %; рабочий персонал – 3,7 %; туризм, гостиницы, рестораны – 2,3 %; искусство, развлечения, масс-медиа – 2,0 %; безопасность – 1,8 %; высший менеджмент – 1,6 %; юристы – 1,5 %; банки, инвестиции, лизинг – 1,5 %; управление персоналом, тренинги – 1,5 %. Наибольший прирост резюме в 2017 г. по сравнению с 2016 г. наблюдался в следующих областях: наука, образование (+25,7 %); медицина, фармацевтика (+17,1 %); рабочий персонал (+10,8 %); искусство, развлечения, масс-медиа (+8,9 %); туризм, гостиницы, рестораны (+7,6 %); информационные технологии, интернет, телеком (+6,0 %) [9].

Таким образом, качественный и количественный дисбаланс рынков труда и рынка образовательных услуг проявляется в том, что одновременно существует избыток специалистов в одной сфере и недостаток – в другой. По мнению Е.В. Ванкевич, «разрыв между объемом и качеством подготовки специалистов и реальной потребностью в них со стороны организаций увеличивает трансакционные издержки на рынке труда» [10, с. 7]. Данная проблема рассматривается либо в плоскости рынка труда с позиции интересов сторон работников и работодателей, либо в плоскости рынка образовательных услуг, субъектами которого выступают учреждения образования и абитуриенты, студенты, выпускники.

Представляются целесообразными следующие пути решения данной проблемы. **Во-первых,** создание полноценно работающей Национальной рамки квалификаций (НРК) как совокупности механизмов правового, институционального регулирования спроса на квалификации работников со стороны рынка труда и предложения квалификаций со стороны системы образования и обучения; системное и структурированное по уровням описание квалификаций, признаваемых на национальном и международном уровнях, посредством которых осуществляется измерение и взаимосвязь результатов обучения и устанавливается соотношение дипломов, свидетельств, сертификатов об образовании и обучении. В этой связи актуальным является независимая оценка качества образования (работодателями), объективно отражающих требования профессиональной деятельности (результатов обучения, описания требований и квалификаций). В Республике Беларусь еще в 2014 г. было принято Постановление Совета Министров № 34 «О некоторых вопросах развития национальной системы квалификаций Республики Беларусь» [11].

Во-вторых, гармонизация профессиональных и образовательных стандартов. Профессиональные стандарты содержат знания и компетенции с точки зрения их востребованности на рынке труда, образовательные – цели и конечные результаты образования. Оценивая международный опыт гармонизации, следует отметить приоритет профессиональных стандартов и механизм социального партнерства всех участников процесса: государства, потенциальных работодателей, представителей профессиональных сообществ, представителей учреждений образования.

Профессиональный стандарт представляет собой многоплановый документ, позволяющий формировать кадровую политику на предприятии; в системе профессионального образования позволяющий разрабатывать и актуализировать государственные образовательные стандарты и программы (в части профессиональной составляющей), проводить независимую оценку квалификаций. В профессиональном стандарте четко обозначены требования к трудовым функциям, качеству выполнения работы, требуемому уровню квалификации и компетенциям специалиста.

Профессиональные стандарты оптимизируют процесс управления персоналом при разработке СТП, должностных инструкций, тарификации должностей, систем оплаты труда, мотивации и стимулирования, при проведении аттестации и сертификации персонала. Для работника профессиональный стандарт может быть дорожной картой при планировании карьеры и персональной траекторией профессионального роста. Для работодателя профессиональный стандарт предоставляет критерии оценки персонала, направления развития компетенций, освоения требуемых квалификаций.

С точки зрения рынка образовательных услуг профессиональный стандарт является основой для разработки и обновления образовательных стандартов, учебных планов, учебно-методического обеспечения; четко показывает выпускникам требуемые от них компетенции.

Общественный Болонский комитет Беларуси, обобщив международный опыт, пришел к выводу о том, что профессиональные стандарты разрабатываются на основе:

– постоянного мониторинга тенденций развития отраслей и сфер деятельности как на национальном, так и международном уровне;

– опросов работодателей с целью выяснения задач, присущих данному виду профессиональной деятельности, а также поведению работников, условиям труда;

– достижения согласования относительно предъявляемых требований.

Профессиональные стандарты требуют наличия группы экспертов, в состав которой должны входить представители отрасли, исследователи, представители профсоюзов и других заинтересованных сторон, которые обеспечивают разработку проектов профессиональных стандартов; соответствующего финансирования [12].

В Республике Беларусь Методические рекомендации по разработке профессиональных стандартов, предложенные Министерством труда и социальной защиты, определяют общие правила разработки, структуру и содержание профессионального стандарта [13]. Профессиональные стандарты предназначены для использования: при приеме на работу работников и закреплении их трудовых функций; при разработке содержания образовательных программ, в соответствии с которыми должна быть организована подготовка кадров; при оценке знаний, умений и практического опыта соискателя, сформированных в результате обучения.

Инициатором разработки профессионального стандарта могут быть: республиканские органы государственного управления, секторальные советы квалификаций, наниматели (объединения нанимателей), а также иные организации. В частности, в сфере бизнес-управления Секторальный совет квалификаций создан в феврале 2018 г., включает правителей Министерства экономики, республиканских органов государственного управления, объединений нанимателей и работников, учреждения образования, ведущие подготовку в сфере бизнес-управления. Порядок разработки профессионального стандарта представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Порядок разработки профессионального стандарта

Этап	Порядок работ
1	2
Определение трудовых функций (трудовых действий) и опрос нанимателей относительно предлагаемого перечня с учетом фактически выполняемых функций	1.1. определение заинтересованных сторон для сотрудничества в ходе разработки проекта профессионального стандарта; 1.2 определение выборки респондентов из числа нанимателей, осуществляющих исследуемый вид трудовой деятельности; 1.3 определение трудовых функций (трудовых действий), характерных для исследуемого вида трудовой деятельности, на основе анализа нормативных правовых актов и иных источников информации; 1.4 разработка инструментария для сбора первичных данных, содержащего примерный перечень выявленных трудовых функций (трудовых действий), выполняемых работниками в данном виде трудовой деятельности; 1.5 проведение опроса респондентов, рассматривавших предлагаемый перечень с учетом фактически выполняемых трудовых функций (трудовых действий).
Определение видов экономической деятельности, групп занятий, их обзор	2.1. определение согласно ОКЭД видов экономической деятельности, на которые распространяется разрабатываемый проект профессионального стандарта; 2.2. определение согласно ОКЗ групп занятий, которые охватывает разрабатываемый проект профессионального стандарта; 2.3. подготовка краткого обзора исследуемого вида трудовой деятельности: основная цель, задачи, связи с другими видами трудовой деятельности, сведения об особенностях и тенденциях его развития.
Определение обобщенных и характерных трудовых функций	Определение обобщенных трудовых функций, трудовых функций, характерных для данного вида трудовой деятельности на основе систематизированных исходных данных, полученных в результате опроса респондентов.
Перечень компетенций	Определение перечня знаний, умений и практического опыта работников, необходимых для выполнения трудовых действий по каждой трудовой функции
Распределение трудовых функций по уровням квалификаций	Распределение трудовых функций по уровням квалификации методом экспертных оценок, полученных в ходе опроса нанимателей или отражающих опыт самих членов рабочей группой. В качестве критериев отнесения трудовых функций к тому или иному уровню квалификации выступают характеристики квалификаций, установленные в Секторальной рамке квалификаций, а при ее отсутствии – в документе, определяющем уровень квалификации.
Формирование проекта профессионального стандарта	Формирование проекта профессионального стандарта. Результаты проделанной работы заносятся в соответствующие таблицы макета профессионального стандарта. На стадии формирования проекта профессионального стандарта на основе ОКСК устанавливаются требования к уровню и направлению образования работника, необходимые ему для осуществления данного вида трудовой деятельности, а также требования к опыту практической работы.
Рассмотрение проекта Секторальным советом квалификаций	Внесение проекта профессионального стандарта на рассмотрение Секторальным советом квалификаций, доработка проекта (в случае необходимости).

Источник: [13].

В качестве примера разработанного в Беларуси профессионального стандарта можно привести профессиональный стандарт «Специалист в оценочной деятельности»; одновременно утверждена секторальная рамка квалификаций в оценочной деятельности [14]. Также представляет интерес опыт России: на специализированном портале размещена информация о Национальном реестре профессиональных стандартов, областей и видов профессиональной деятельности, трудовым функциям, советам по профессиональной квалификации, уведомлений о разработке и пересмотре профессиональных стандартов [15].

Литература

1. Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : https://www.mintrud.gov.by/system/ extensions/spaw/uploads/files/ Gosudarstvennaja-programma-na-2016-2020-1.pdf. – Дата доступа : 20.08.2018.

2. LinkedIn's CEO: These Are the 3 Trends That'll Shape the Future of Talent [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://business.linkedin.com/talent-solutions/blog/talent-connect/2017/linkedin-ceo-jeff-weiner-3-trends-that-will-shape-the-future-of-work. – Дата доступа : 20.06.2018.

3. Эксперты рассказали, кого ждут сокращения в 2018 году [Электронный ресурс] // Финансы. TUT.BY. – Режим доступа : https://finance.tut.by/news575860.html. – Дата доступа : 17.03.2018.

4. HAYS GLOBAL SKILLS INDEX 2017. Regional Dynamics of the Global Labour Market [Электронный ресурс] // Hays. Международная рекрутинговая компания. – Режим доступа : http://www.hays.ru/Hays-Global-Skills-Index-2017/index.htm. – Дата доступа : 17.03.2018.

5. Состояние рынка труда [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : http://mintrud.gov.by/ru/rynok. – Дата доступа : 20.08.2018.

6. Сколько белорусов отправили в отпуска за свой счет, а сколько – перевели на неполный рабочий день [Электронный ресурс] // Финансы. TUT.BY. – Режим доступа : https://finance.tut.by/news583099.html?crnd=20783. – Дата доступа : 17.03.2018.

7. Рынок труда Беларуси испытывает дефицит [Электронный ресурс] // naviny.by. – Режим доступа : http://naviny.by/new/20171220/1513791044-rynok-truda-belarusi-ispytyvaet-deficit-medsester-vrachey-i-voditeley. – Дата доступа : 17.04.2018.

8. Общереспубликанский банк вакансий Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Государственная служба занятости Республики Беларусь. – Режим доступа : http://vacancy.mintrud.by/. – Даты доступа : 23.04.2018, 20.08.2018.

9. Рынок труда Беларуси. Итоги 2017 года [Электронный ресурс] // Работа. TUT.BY.– Режим доступа : https://gomel.jobs.tut.by/article/21722. – Дата доступа : 23.04.2018.

10. Рынок образовательных услуг и рынок труда Республики Беларусь: направления согласования / Е.В. Ванкевич [и др.]; под науч. ред. Е.В. Ванкевич. – Витебск : УО «ВГТУ», 2010. – 206 с.

11. О некоторых вопросах развития национальной системы квалификаций Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров от 17.01.2014, № 34 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://pravo.by/upload/docs/op/C21400034_1390424400.pdf. – Дата доступа : 20.08.2018.

12. Национальная рамка квалификаций и профессиональные стандарты как регуляторы рынка труда и его связи с образованием [Электронный ресурс] // Общественный Болонский комитет. – Режим доступа : http://bolognaby.org/issledovanija-analitika/162-nacionalnaya-ramka-kvalifikacij-i-professionalnye-standarty-kak-regulyatory-rynka-truda-i-ego-svyazi-s-obrazovaniem. – Дата доступа : 20.08.2018.

13. Методические рекомендации по разработке профессиональных стандартов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утверждены Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 28.07.2017, № 37 // НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.instlab.by/prof_standart/. – Дата доступа : 03.09.2018.

14. Проект профессионального стандарта «Специалист в области оценочной деятельности» [Электронный ресурс] // Ассоциация оценочных организаций. – Режим доступа : http://www.instlab.by/prof_standart/. – Дата доступа : 20.08.2018.

15. Национальный реестр профессиональных стандартов Российской Федерации [Электронный ресурс] // ВНИИ труда Минтруда России. – Режим доступа : http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr- professionalnykh-standartov/. – Дата доступа : 03.09.2018

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.02.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 339.727.22:339.5(476)

Экспериментальное моделирование зависимости экспорта товаров Республики Беларусь от привлеченных прямых иностранных инвестиций

С.Ф. Каморников, Н.С. Шалупаева

Проведено исследование взаимосвязи накопленных в экономике Республики Беларусь прямых иностранных инвестиций и товарного экспорта страны на основе осуществления эконометрических оценок взаимозависимости рассматриваемых показателей. Доказано, что приток прямых иностранных инвестиций является существенным фактором развития товарного экспорта республики. На макроуровне установлен комплементарный характер взаимосвязи между накопленными в национальной экономике прямыми иностранными инвестициями и товарным экспортом страны.
Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, внешняя торговля, экспорт товаров, эмпирические исследования, эконометрические оценки.

The relation between foreign direct investment accumulated in the economy of the Republic of Belarus and the country's merchandise export was investigated in the article on the basis of econometric estimates of this indicators interdependence. It is proved that the inflow of foreign direct investment in the republic is a significant factor of its merchandise export development. At macro level the complementary relation between the foreign direct investments accumulated in the national economy and the country's merchandise export has been established.
Keywords: foreign direct investment, foreign trade, merchandise export, empirical researches, econometric estimates.

На современном этапе развития мировой экономики миграция прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в результате развития международного разделения производственного процесса и распространения глобальных производственных сетей многонациональных компаний превращается в один из важнейших факторов, стимулирующих развитие международной торговли в целом и внешней торговли отдельных стран. В настоящее время ПИИ определяют динамику и географию торговли промежуточными и конечными товарами и услугами между странами, оказывают существенное влияние на развитие внешней торговли страны-реципиента, ее динамику, товарную и географическую структуру и внешнеторговое сальдо. Это обусловливает усиление конкуренции за ПИИ, особенно со стороны развивающихся и переходных экономик. Вместе с тем, иностранный капитал не всегда оказывает только положительное влияние на развитие внешней торговли страны-реципиента, что, в свою очередь, ставит перед национальными правительствами задачи, связанные с разработкой и реализацией комплексных мер экономической политики, направленных на повышение привлекательности страны для ПИИ и на создание условий для их эффективного использования.

Исследование проблем взаимосвязи ПИИ и внешней торговли является особенно актуальным для малой экпортоориентированной экономики Республики Беларусь, развитие которой во многом зависит от внешнего сектора. Во-первых, высокая степень открытости национальной экономики предопределяет важность внешнеторговой деятельности для развития всей экономики страны. При этом в данной сфере существует ряд проблем, обозначенных в Национальной программе поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 гг., которые связаны с высокой товарной и географической концентрацией экспорта, медленным освоением новых рыночных ниш, низкой конкурентоспособностью отечественной продукции, отставанием от передовых стран по уровню производительности труда, высокой энерго- и материалоемкостью производства, недостаточным использованием конкурентных преимуществ, высокой импортоемкостью промышленного производства и экспорта, низкой долей высокотехнологичных товаров в экспорте [1]. Во-вторых, учитывая ряд внутренних проблем развития национальной экономики (низкий уровень национальных сбережений, истощение золотовалютных резервов, существенный внешний долг, высокий уровень

износа основных средств, устаревшие технологии и т. д.), важным инструментом решения вышеперечисленных проблем во внешнеторговой сфере республики представляется привлечение экспортоориентированных ПИИ.

В связи с этим научную и практическую значимость приобретает исследование взаимосвязи ПИИ и внешней торговли Республики Беларусь, а также разработка инструментария оценки и прогнозирования воздействия притока ПИИ на развитие экспорта страны.

В той или иной степени отдельные аспекты исследования взаимосвязи ПИИ и внешней торговли стран можно выделить в рамках неоклассической теории международной торговли, неокейнсианской теории экономического роста, марксистской теории вывоза капитала, различных концепций ПИИ и международной корпорации [2, с. 82]; в работах таких ученых как К. Акамацу, П. Баккли, Л. Ванг, Р. Вернон, Дж. Гроссман, Дж. Даннинг, М. Кассон, К. Коджима, Дж. Маркусен, Дж. Ниари, Т. Озава, Б. Олин, А. Ругман, С. Хаймер, Э. Хелпман, С. Хирч, Т. Хорст и др. Среди отечественных исследователей, затрагивающих те или иные вопросы взаимосвязи ПИИ и торговли, следует выделить труды таких ученых как Д.С. Калинин, А.В. Данильченко, Д.В. Муха, Е.А. Семак, Г.А. Шмарловская и др.

Эмпирические исследования взаимосвязи ПИИ и торговли представлены в публикациях международных организаций (ОЭСР, МВФ, ЮНКТАД и др.), в работах таких зарубежных ученых как Дж. Айзенман, Л. Брейнард, М. Бломстром, Б. Блониген, А. Венейбл, Дж. Гроссман, Дж. Даннинг, А. Кокко, Дж. Маркусен, И. Ной, Э. Хелпман и др. Среди российских исследователей следует выделить работы таких ученых как А.Н. Новопашина, А.А. Пестова, О.Г. Солнцев, И.О. Сухарева, О.Д. Фальченко и др.

Вместе с тем, систематизация существующих эмпирических работ показала, что в экономической литературе не представлены эконометрические исследования взаимосвязи ПИИ и внешней торговли Республики Беларусь (за исключением исследования влияния притока ПИИ на развитие высокотехнологичного экспорта республики в работе В.И. Ляликовой и Т.Ю. Гораевой [3]), что обусловило необходимость проведения авторского исследования.

Целью статьи является определение наличия связи между привлекаемыми ПИИ и товарным экспортом Республики Беларусь на основе проведения эконометрических оценок взаимозависимости исследуемых показателей, установления формы связи и характера изменения одного признака в зависимости от изменения другого (альтернативный, комплементарный или комплексный характер взаимосвязи). Информационную базу исследования составили статистические данные ЮНКТАД об объемах чистых накопленных в экономике Республики Беларусь ПИИ (X) и внешней торговли товарами страны (Y) за период 1995–2017 годов [4]. Выбор показателя чистых накопленных ПИИ для оценки притока ПИИ обусловлен выявленной в результате теоретического и статистического анализа зависимостью внешнеторговых эффектов ПИИ от величины накопленных ПИИ (см. подробнее [2]). В основу проведенного исследования положены общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукции и дедукции и др.), а также экономико-статистические методы, методы линейного регрессионного анализа, методы анализа временных рядов и др.

Прежде всего, представляется целесообразным проанализировать динамику поступления ПИИ в экономику республики. Так, на 1 января 2018 г. объем накопленных ПИИ в Беларуси составил 19775,5 млн долл. США, что составляет 36,6 % от ВВП [4]. Данный показатель по-прежнему существенно ниже аналогичных показателей большинства стран ЦВЕ (для сравнения, в Чехии – 70,9 %, в Венгрии – 66,9 %), однако уже соответствует среднему уровню стран с транзитивной экономикой (39,4 %) и стран СНГ (37,3 %) [4]. Анализ притока ПИИ в экономику Беларуси на валовой основе и с учетом изъятий иностранных инвесторов (чистое принятие обязательств) показал, что сальдо притока ПИИ, оставаясь положительным, имеет неустойчивую динамику. Пик привлечения ПИИ пришелся на 2011 г. При этом существенная часть притока ПИИ связана с реализацией крупных инвестиционных проектов с участием государства, например, продажей РАО «Газпром» акций ОАО «Белтрансгаз», продажей иностранному инвестору доли Правительства Республики Беларусь в уставном фонде СПООО «Мобильная цифровая связь», акций системообразующих банков (ОАО «Белпромстройбанк», ОАО «Белвнешэкономбанк»). В последние годы наблюдается сокращение притока ПИИ в экономику республики, при этом, начиная с 2008 г., наблюдается су-

щественный разрыв между показателями притока ПИИ на валовой и на чистой основе (рисунок 1). Так, по итогам 2017 г. в реальный сектор экономики Беларуси поступило 7634,2 млн долл. США ПИИ [5], при этом на чистой основе в экономику республики, по данным ЮНКТАД, привлечено только 1276,4 млн долл. США [4], что является негативной тенденцией.

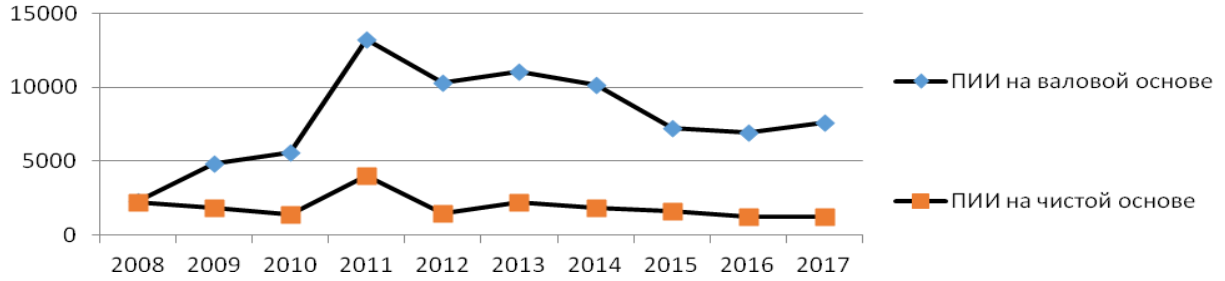

Рисунок 1 – Динамика притока ПИИ в экономику Беларуси в 2008–2017 годах, млн долл. США

Источник: авторская разработка на основе данных Национального банка Республики Беларусь и Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Более того, начиная с 2011 г. отрицательное внешнеторговое сальдо организаций с иностранными инвестициями превышает дефицит внешней торговли товарами Республики Беларусь в целом, которые по итогам 2017 г. составили -8522 и -5023 млн долл. США соответственно (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели внешнеторговой деятельности организаций с иностранными инвестициями в Республике Беларусь в 2007–2017 гг., млн долл. США

Показатели	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Объем экспорта товаров	4809	4734	9422	11384	10523	6193	4990	6328
Доля в товарном экспорте страны, %	19,8	22,2	23,4	30,6	28,9	23,2	21,3	21,7
Объем импорта товаров	8682	12110	17444	17827	18318	13694	11697	14850
Доля в товарном импорте страны, %	30,3	42,4	38,1	41,5	44,9	45,2	42,4	43,4
Внешнеторговое сальдо	-3873	-7376	-8022	-6443	-7795	-7501	-6708	-8522

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

В целом анализ статистических данных о внешнеторговой деятельности организаций с иностранными инвестициями позволил заключить, что:

– во-первых, сальдо внешней торговли товарами организаций с иностранными инвестициями, действующих на территории Республики Беларусь, перманентно принимает отрицательные значения;

– во-вторых, на фоне высоких объемов импорта объемы и доля экспорта организаций с иностранными инвестициями в общем экспорте страны неуклонно снижаются.

Полученные выводы являются, с одной стороны, подтверждением мировой тенденции более высокой зависимости иностранных предприятий от импорта товаров и услуг; с другой стороны, свидетельствует о преимущественной ориентации организаций с иностранными инвестициями, действующих в республике, на удовлетворение внутреннего спроса в стране.

Вместе с тем, влияние привлекаемых ПИИ на развитие внешней торговли не ограничивается показателями внешнеторговой деятельности организаций с иностранными инвестициями. В особенности это касается долгосрочного периода, т.к. косвенное влияние ПИИ на экономику инвестируемой страны, выражающееся, например, в стимулировании конкуренции, инноваций, росте производительности труда, сбережений, могут привести к значительным косвенным внешнеторговым эффектам ПИИ, которые затронут динамику и структуру импорта и экспорта страны, в том числе в торговле со страной-инвестором, что в свою очередь отразится на потоках ПИИ. Кроме того, могут возникнуть межсекторальные переплете-

ния ПИИ и внешней торговли, что значительно усложняет анализ. В связи с этим вопрос взаимосвязи ПИИ и внешней торговли страны может быть разрешен лишь путем сопоставления эмпирических данных о развитии этих процессов [6, с. 282].

В связи с этим возникает необходимость проведения эконометрических оценок, обусловленная тем, что в силу сложности характера взаимосвязи ПИИ и внешней торговли стран определить априори характер и степень связи между инвестициями и торговлей практически невозможно, особенно в отраслевом разрезе.

В статье представлена ***оценка взаимосвязи ПИИ и внешней торговли товарами и услугами Республики Беларусь с использованием эконометрического инструментария***, которая имеет целью определение наличия связи между исследуемыми показателями, ее формы и характера изменения одного признака в зависимости от изменения другого (альтернативный, комплементарный или комплексный характер связи).

Проведенный анализ теоретических и эконометрических исследований позволил сформулировать следующие научные гипотезы для экономики Республики Беларусь.

Гипотеза 1. Приток ПИИ является существенным фактором развития внешней торговли товарами Республики Беларусь.

Гипотеза 2. Накопление ПИИ в экономике республики ведет к увеличению экспорта товаров страны.

Для подтверждения/опровержения гипотез построены парные эконометрические модели зависимости экспорта товаров (Y_t) от чистых накопленных ПИИ (X_t) в экономике республики.

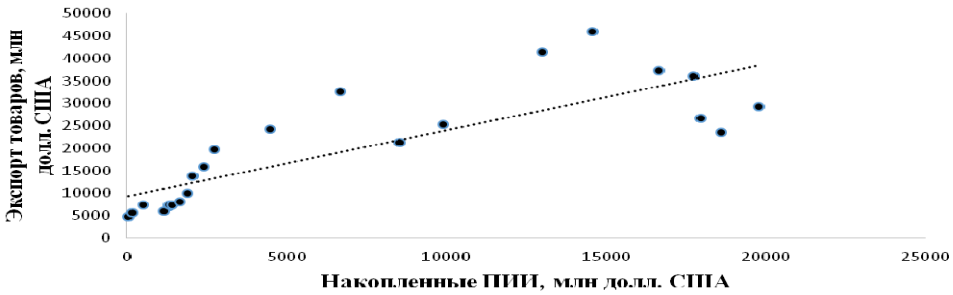

Рисунок 2 – Корреляционное поле зависимости товарного экспорта от накопленных ПИИ в Республике Беларусь

Источник: авторская разработка на основе данных ЮНКТАД.

На первом этапе построена модель взаимосвязи накопленных ПИИ и товарного экспорта. Выбор функциональной формы модели взаимосвязи объемов экспорта товаров (Y_t) и ПИИ (X_t) осуществлен на основе анализа диаграммы рассеяния Y по переменной X (рисунок 2), который позволил предположить, что имеет место линейная зависимость исследуемых показателей, связь между которыми в общем виде описывается следующим уравнением:

$$Y_t = a + bX_t + \varepsilon \quad (1)$$

Для оценки параметров модели (1) применен метод наименьших квадратов (МНК). В результате получена следующая регрессионная зависимость товарного экспорта от ПИИ:

$$Y_t = 9341,8 + 1,469X_t + \varepsilon \quad (2)$$

Как показал анализ, общее качество модели (2) является удовлетворительным. Линейный коэффициент корреляции равен 0,818; коэффициент детерминации R-квадрат составляет 0,669. Модель является статистически значимой (значение показателя «Значимость F» меньше 0,05, что говорит о том, что полученное уравнение регрессии статистически значимо в целом; значения показателя «P-Значение» меньше 0,05, что говорит о том, что коэффициенты линейной модели также статистически значимы).

На основе анализа коэффициента регрессии модели (2) получен вывод, что с увеличением ПИИ на 1 млн долл. США объем экспорта товаров Республики Беларусь увеличивается в среднем на 1,469 млн, что характеризует среднюю величину экспортных эффектов ПИИ в экономике.

Для оценки прогностических способностей модели (2) проанализирована выполнимость основных модельных предпосылок. В частности, для статистического тестирования автокорреляция в остатках модели использована статистика Дарбина-Уотсона. Так как наблюдаемое значение DW -статистики равно 0,569 при пороговых значениях 1,26 и 1,44, то в уравнении модели присутствует автокорреляция в остатках, что говорит о его непригодности для прогноза.

Для устранения автокорреляции применен обобщенный метод наименьших квадратов (ОМНК), суть которого сводится к проведению следующей двухшаговой процедуры: 1) преобразованию исходных уровней временного ряда с помощью известного значения коэффициента автокорреляции первого порядка $\rho = 0,702$; 2) применению к преобразованным данным обычного МНК.

Полученное уравнение линейной регрессионной модели имеет вид:

$$Y_t = 11225,4 + 1,244 X_t + \varepsilon \qquad (3)$$

Коэффициенты модели (3) являются статистически значимыми. Автокорреляция в остатках модели отсутствует (наблюдаемое значение статистики Дарбина-Уотсона равно 1,64 при пороговых значениях 1,26 и 1,44). Между тем коэффициент детерминации R-квадрат имеет значение, равное 0,265, а средняя ошибка аппроксимации составляет 26,7 %, поэтому построенная линейная модель не отличается высокой точностью.

Таким образом, общее качество модели (3) является низким, в связи с чем она не может быть использована для прогнозирования развития экспорта товаров республики в зависимости от ПИИ. Во многом это связано с выбором линейной формы модели, в то время как зависимость экспорта товаров республики от накопленных ПИИ, очевидно, носит нелинейный характер в силу неустоявшихся пока закономерностей этого явления (по сути, процесс накопления ПИИ в большинстве отраслей национальной экономики находится на начальном этапе своего развития).

Учитывая, что на объемы внешней торговли товарами, кроме фактора накопленных ПИИ, влияют и другие факторы, следует предположить, что оцененная выше связь фактора X с переменной Y является завышенной. Для выявления реальной связи между исследуемыми показателями и реальной степени влияния ПИИ на развитие товарного экспорта Республики Беларусь в работе проведен анализ рядов динамики экспорта товаров и ПИИ, который показал, что в них присутствуют достаточно четкие возрастающие тренды, наличие которых приводит к некоторому искажению как результатов моделирования, так и их интерпретации (в частности, к искажению степени коррелированности уровней рядов, коэффициента детерминации, а также неэффективным оценкам параметров регрессии). Во многом это связано с тем, что данные, составляющие статистическую базу исследования, представляют собой временные ряды.

Повышающие тенденции временных рядов наиболее точно описываются для экспорта товаров – степенной функцией $\tilde{Y}_t = 2688 t^{0,7862}$ ($R^2 = 0,78$), для ПИИ – параболой $\tilde{X}_t = 53,013 t^2 - 283,51 t + 590,23$ ($R^2 = 0,97$).

Для исключения тенденций из уровней временных рядов применяется метод отклонения от тренда. В результате применения к рядам отклонений dY и dX обычного МНК и моделирования их связи по линейной форме с нулевым свободным членом (моделирование по полной линейной форме приводит к уравнению, свободный член которого не является статистически значимым) получена модель:

$$dY = 1,217 X + \varepsilon \qquad (4)$$

Стандартная проверка первой модельной предпосылки (условия равенства нулю математического ожидания случайного остатка) показывает отсутствие смещения параметра уравнения регрессии. Уравнение регрессии значимо в целом, статистически значимым является и коэффициент регрессии. Линейная связь фактора dX с фактором dY является заметной (линейный коэффициент корреляции равен 0,554).

Модель (4) показывает, что при устранении тенденции из исходных уровней временных рядов имеет место связь между остаточными величинами. Таким образом, значение коэффициента корреляции, равное 0,554, отражает реальную связь ПИИ с экспортом; эта связь является заметной, но не сильной. Оцененная ранее связь ПИИ с экспортом по исходным статистическим данным ввиду наличия тенденций во временных рядах действительно является завышенной (линейный коэффициент корреляции между X_t и Y_t по исходным данным равен 0,818). Коэффициент детерминации R-квадрат для построенной модели имеет значе-

ние, равное 0,306. Значит, изменения фактора dY на 30,6 % объясняются изменением фактора dX. Это говорит о том, что, кроме накопленных ПИИ, имеются и другие существенные факторы, влияющие на динамику товарного экспорта Республики Беларусь.

Полученные результаты оценок зависимости экспорта товаров Республики Беларусь от накопленных в экономике ПИИ позволили обосновать ряд выводов.

1) Наблюдается заметная положительная связь между объемами накопленных ПИИ в экономике республики и объемами экспорта товаров страны (рисунок 2).

2) ПИИ являются существенным фактором развития экспорта товаров страны, определяя изменения объемов товарного экспорта на 31 % (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты корреляционно-регрессионного анализа взаимосвязи накопленных ПИИ и экспорта товаров Республики Беларусь

Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации*	Коэффициент эластичности
0,554	0,306	0,530

Примечание: *После устранения трендов из модели.
Источник: авторская разработка на основе данных ЮНКТАД [4].

3) Средний коэффициент эластичности экспорта товаров по ПИИ, равный 0,530, показывает, что с увеличением накопленных ПИИ на 1 % объем экспорта товаров Республики Беларусь увеличивается в среднем на 0,53 %.

4) Относительные количественные экспортные эффекты ПИИ в экономике Беларуси составляют 1,469 долларов США на 1 доллар ПИИ.

Таким образом, проведенное исследование взаимосвязи ПИИ и экспорта товаров Республики Беларусь позволило:

1) подтвердить гипотезу о том, что приток ПИИ является существенным фактором развития товарного экспорта Республики Беларусь, однако доказано существование и других неучтенных в модели существенных факторов;

2) подтвердить гипотезу о том, что накопление ПИИ в экономике республики ведет к увеличению экспорта товаров страны, что говорит о комплементарном характере взаимосвязи между рассматриваемыми показателями на макроуровне.

Литература

1. Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : pravo.by/upload/docs/op/C21600604_1470690000.pdf. – Дата доступа : 20.09.2018.

2. Шалупаева, Н.С. Концептуальная модель взаимосвязи международной торговли и процессов прямого иностранного инвестирования / Н.С. Шалупаева // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 3–4 (82–83). – С. 82–90.

3. Ляликова, В.И. Прогнозирование развития высокотехнологичного сектора в Республике Беларусь / В.И. Ляликова // Экономика и управление. – 2015. – № 4 (44). – С. 3–8.

4. UNCTAD Data center [Electronic resource]. – Mode of access : http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en. – Date of access : 30.09.2018.

5. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2018 [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10865/. – Дата доступа : 30.09.2018.

6. Шалупаева, Н.С. Методика оценки воздействия прямых иностранных инвестиций на развитие внешней торговли страны-реципиента: авторский подход / Н.С. Шалупаева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2018. – № 3 (70). – С. 281–292.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.02.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 368:336.717.3:347.191

Обоснование предельного уровня базового страхового тарифа по договорам страхования депозитов юридических лиц в банках

А.К. Костенко, В.В. Бураковский

Рассмотрен методический подход к формированию страхового тарифа по договорам страхования ответственности банков перед вкладчиками-юрлицами, базирующийся на применении нового механизма перераспределения рисков между банковским и страховым сектором экономики; инструментами матстатистики обоснована гипотеза о целесообразности привязки величины базового страхового тарифа к среднегодовому значению рентабельности активов банковского сектора.
Ключевые слова: банкострахование, депозиты юрлиц, страхование ответственности, базовый страховой тариф, страховое возмещение, рентабельность активов банка.

The methodical approach to the formation of the insurance rate under insurance contracts for banks deposits of legal entities, based on the use of a new mechanism of risk redistribution between the banking and insurance sectors of the economy is discussed; the hypothesis on the expediency of linking the marginal value of the basic insurance rate to the average annual return on assets of the banking sector using the tools of mathematical statistics is substantiated.
Keywords: bank insurance, deposits of legal entities, liability insurance, basic insurance rate, insurance compensation, return of bank assets.

Индикатором полноценного финансового рынка выступает высокий уровень доверия со стороны населения и субъектов хозяйствования к инструментам, которые могут быть предложены в рамках отдельных его секторов, включая кредитный и страховой рынок. Конечный результат, выраженный в росте экономики и благосостояния населения, как правило, выше, если имеет место кооперация участников финансового рынка, а в данном случае – коммерческих банков и страховых организаций.

В Беларуси потенциал банкострахования используется не в полной мере. К числу основных причин следует отнести отсутствие действенных, мотивирующих к активной кооперации механизмов перераспределения рисков и связанных с ними потенциальных выгод и потерь; невысокие темпы развития страхового рынка и, в частности, сектора добровольного страхования; ограниченная ресурсная база страховых организаций.

В последние годы в научной литературе вопросам взаимодействия банковского и страхового секторов экономики уделяется повышенное внимание. В частности, теоретические аспекты, современные тенденции и перспективы развития банкострахования нашли свое отражение в трудах российских исследователей Е.С. Алехина, У.И. Алиева, Ф.Н. Ахмедова, О.Ю. Донецковой, А.В. Екимова, П.А. Комаровой, С.М. Макейкиной, Ю.Ю. Мягковой, Е.А. Помогаевой, Е.В. Семенова, И.Н. Третьяковой, Е.А. Федосова, В.А. Хейнонен, А.Е. Яблонской, и др.; украинских исследователей И.А. Школьника, А.А. Шакуры, С.М. Козьменка, Л.С. Захаркиной, Н.Е. Аванесовой, И.Б. Дзедзика, К.И. Русаненко, Ю.П. Макаренко и др.; белорусских исследователей О.В. Мелюшко, О.С. Башлаковой, Т.А. Бронской, Е.А. Курбан, С. Филиппенкова и др.

Вместе с тем отсутствуют системные исследования методических аспектов страхования ответственности банков перед вкладчиками – юридическими лицами, а также действенных механизмов стимулирования банков, привлекающих в депозиты средства субъектов хозяйствования, и их страховщиков к тесному взаимодействию. По мнению экспертов, возможность сохранения средств в случае, например, отзыва у банка лицензия нивелируется низкими процентными ставками, которые готовы предложить банки, заинтересованные в страховании депозитов своих клиентов.

Определенный оптимизм вызывает опыт Российской Федерации, где в сентябре 2017 г. после многолетних прений правительством был одобрен законопроект, регулирующий госу-

дарственное (обязательное) страхование вкладов юридических лиц из числа малых предприятий. Вместе с тем, по нашему мнению, страхование депозитов юридических лиц должно быть добровольным, а значит экономически целесообразным для страхователя.

Возникает закономерный вопрос, каким же образом мотивировать банк к страхованию своей ответственности перед вкладчиками – юридическими лицами? Рассмотрим поэтапно эти и другие аспекты, опираясь на действующую практику и нормативно-правовую базу.

Для определения размера страхового взноса (страховой премии), подлежащего уплате по договору добровольного страхования, сегодня применяются страховые тарифы, включающие базовые страховые тарифы, а также корректировочные коэффициенты к ним, установленные страховщиком. Мотивацией к использованию банками страхования депозитного портфеля юридических лиц на первом этапе будет *обеспечение безубыточной основы привлечения средств юридических лиц в депозиты с учетом интереса страховой организации*, выраженного размером базового страхового тарифа (БСТ). Безубыточность, с нашей точки зрения, будет обеспечиваться использованием в качестве предельного уровня БСТ значений таких показателей, как рентабельность активов (ROA) и (или) рентабельность кредитных вложений (Ркп).

Опираясь на статистические данные Нацбанка РБ за 2014–2018 гг., можно увидеть, что годовые значения ROA до выплаты налогов находились в пределах 1,2 % (сентябрь 2016 г.) – 2,3 % (январь 2014 г.). Значения показателя Ркп за аналогичный промежуток времени находились в интервале от 5,43 % в 2014 г. до 8,4 % в 2017 г. [1] Обосновывая выбор между названными показателями, следует учитывать фактическое значение и динамику изменения процентной маржи в целом по банковскому сектору.

В 2014–2018 гг. процентный коридор между средними ставками по выданным юрлицам новым кредитам банков и средними ставками по новым банковским депозитам юрлиц в национальной валюте находился в диапазоне от 19,1 % (июнь 2015 г.) до 3,9 % (август 2015 г.). В 2017 г. наметился тренд на снижение процентной маржи банков вслед за снижением ставки рефинансирования Нацбанка в течение года с 17 % до 11 % (рисунок 1).

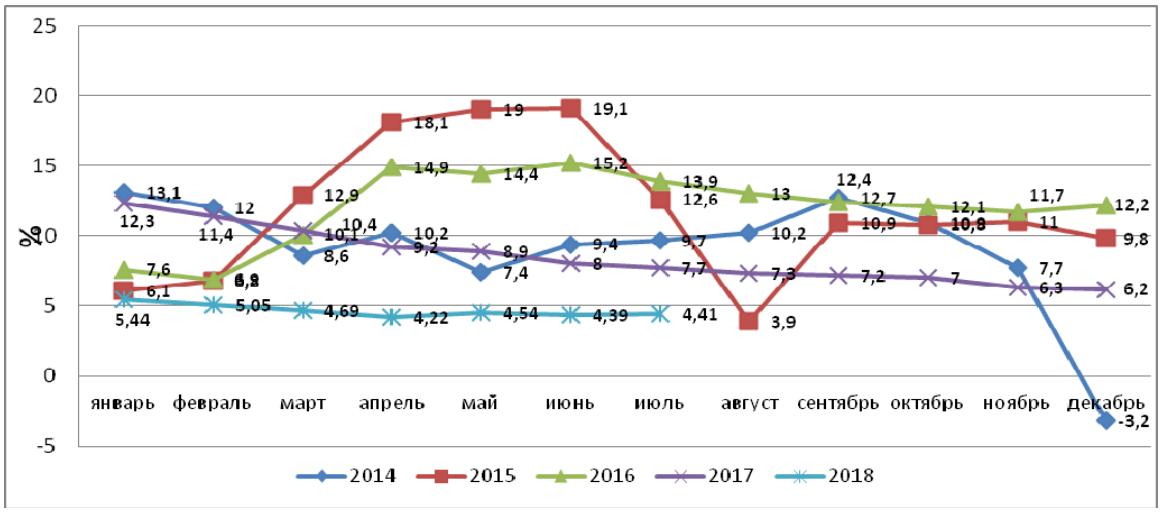

Рисунок 1 – Динамика изменения процентной маржи по банковскому сектору Республики Беларусь в 2014–2018 гг.

В январе–июле 2018 г. процентная маржа по потоку выдаваемых юрлицам кредитов и размещаемых ими депозитов в национальной валюте колебалась в пределах от 4,22 % до 5,44 %, что можно интерпретировать низкой волатильностью процентных ставок на финансовом рынке, включая ставку рефинансирования.

Исходя из динамики изменения значений двух показателей, в качестве предельного уровня БСТ при страховании ответственности банков перед вкладчиками-юрлицами, с нашей точки зрения, целесообразно использовать среднегодовое значение ROA в целом по банковскому сектору, так как оно не выходит за пределы среднегодовых значений чистого процентного дохода по операциям банков с юрлицами как в национальной, так и в иностран-

ной валюте, чего нельзя сказать о показателе Ркп. Оперировать следует значениями показателя ROA до выплаты налогов или «Нормой прибыли на активы в банковском секторе», рекомендованным к использованию Международным валютным фондом в качестве базового показателя финансовой устойчивости банка. Дополнительным эффектом выступает стремление банка, страхующего депозиты юрлиц, к увеличению показателя ROA относительно его среднего значения по банковскому сектору.

На втором этапе, для того чтобы банк смог компенсировать свои расходы на страхование в размере БСТ *нужно предоставить ему возможность для вовлечения в хозяйственный оборот дополнительного объема активов с доходностью, которая будет выше среднегодового значения ROA по банковскому сектору*.

Для этого нами предложен механизм компенсации расходов банка на страхование его ответственности перед вкладчиками – юрлицами за счет корректировки расчетной величины привлеченных банками средств юрлиц на *коэффициент страхового вычета* (k_{id}) при депонировании сумм обязательных резервов на корсчетах в Нацбанке, описанный в [2].

При расчете базы резервирования банки могут уменьшить ее на сумму страхового возмещения по действующим на дату расчета договорам страхования депозитов юридических лиц. Высокие значения данного коэффициента означают увеличение объемов работающих активов банков, а значит и уровня монетизации экономики.

На третьем этапе имеют место потенциальные выгоды и синергетический эффект от банкострахования: страховая организация получает дополнительный доход, а банк, в свою очередь, может рассчитывать на дополнительное комиссионное вознаграждение либо снижение размеров страховых взносов для своих клиентов по предлагаемым им через отделения банка страховым услугам (повышение лояльности клиентов).

Для успешной реализации описанных этапов в целях мотивации банков и страховых организаций к продуктивной кооперации в процессе страхования депозитов юрлиц необходимо определить величину БСТ по данному виду добровольного страхования и обосновать справедливость упомянутой выше гипотезы относительно привязки предельного уровня БСТ к среднегодовому уровню ROA по банковскому сектору страны.

В соответствии с Инструкцией об определении состава БСТ по видам добровольного страхования, а также о порядке заключения договоров страхования, сострахования, перестрахования и применения страховых тарифов, БСТ (брутто-тариф) состоит из нетто-тарифа и нагрузки. Его размер, впрочем как и корректировочных коэффициентов к нему, должен быть экономически и математически обоснован страховщиком с использованием математических методов (методов актуарной математики, теории вероятности и математической статистики), статистических данных, применяемых для расчета страхового тарифа по каждому принимаемому на страхование риску, не менее чем за три отчетных года, непосредственно предшествующих дате расчета страховых тарифов, позволяющих оценить вероятность наступления страхового случая (q), среднюю страховую сумму или лимит ответственности (S) и среднюю сумму страхового возмещения (обеспечения) (Sв) [3].

В соответствии с упомянутой выше Инструкцией, нетто-тариф состоит из основной части (T_0) и рисковой надбавки ($T_р$). Основная часть нетто-тарифа соответствует средней убыточности страховой суммы или лимиту ответственности за период страхования, а рисковая надбавка нетто-тарифа необходима для учета вероятного превышения количества страховых случаев относительно их среднего значения.

Если принять во внимание, что среднегодовое количество зарегистрированных в налоговых органах Республики Беларусь организаций-субъектов хозяйствования составило в 2014–2017 гг. 181840 [4, с. 26], а среднегодовой объем депозитов государственных и частных коммерческих предприятий за указанный период – 11 501,72 млн. руб. или 7238,3 млн. $ [5, с. 70], то на одно юридическое лицо в указанном периоде в среднем приходится по 63,2 тыс. руб. (39,8 тыс. $) депонированных средств.

Для определения вероятности наступления страхового случая по одному договору страхования депозитов юридических лиц (q) нам необходимо иметь представление об общем количестве договоров, заключенных за некоторый период времени в прошлом (N), и количестве страховых случаев в N договорах (M). Следуя Инструкции, в расчетах будем использовать статистику за четыре года, предшествующих дате расчета страхового тарифа. Так, в

2014–2017 гг. количество вновь зарегистрированных организаций-субъектов хозяйствования (потенциальных вкладчиков, способных заключить с финансово-кредитным институтом договор страхования его ответственности перед ними) составило 43 342 [4].

За указанный период 7 (из 31) коммерческих банков утратили право на осуществление банковских операций, в т. ч. 4 банка находились в стадии банкротства или ликвидации (ЗАО «Дельта-Банк», ЗАО «Евробанк», ЗАО «Норд Европеан Банк», ЗАО «Банк Инвестиционных Технологий»). По своему масштабу они относятся к малым банкам (МБ), удельный вес обязательств которых, включая обязательства по возврату депозитных ресурсов юридических лиц, в 2014–2017 гг. в среднем составил 4,8 % от общего объема обязательств по банковскому сектору. Средства клиентов названных выше четырех банков по своему удельному весу в среднем составили за указанный период 0,5 % от общего объема привлеченных банковским сектором страны средств клиентов при среднем удельном весе депозитов юридических лиц в общем объеме средств клиентов 34,7 %.

Можно предположить, что на 4 (из 17 действовавших в 2014 г.) малых коммерческих банка, подлежащих ликвидации в указанном периоде, приходилось около 57,5 млн. руб., привлеченных на депозитной основе средств государственных и частных коммерческих предприятий. Если принять во внимание среднюю сумму депозитов, приходящуюся на одно юрлицо (63,2 тыс. руб.), то неисполнение обязательств этими банками затронет интересы 911 вкладчиков из числа субъектов хозяйствования – юрлиц.

Следовательно, вероятность наступления страхового случая по одному договору страхования депозитов юрлиц (q) будет равна отношению количества возможных страховых случаев (911) к общему потенциально возможному количеству заключенных договоров (43342) за 2014–2017 гг., т. е. 0,021 или 2,1 %.

Среднюю страховую сумму (Si) при заключении i-го договора страхования (i = 1, 2,..., N) следует рассчитывать исходя из необходимости депонирования банком средств, поступивших к нему в национальной (составляют около 30 % от общего объема депозитов) и иностранной валюте в виде депозитов юрлиц, в фонде обязательного резервирования (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика изменения значений Si при страховании средств юридических лиц, депонированных в национальной и иностранной валюте в 2014–2017 гг.

Даты установления нормативов	Норматив обязательных резервов в нац. валюте, %	Норматив обязательных резервов в иностр. валюте, %	Расчет	Si
01.02.2014	9	13	63,2 – (63,2*0,3*0,09 + 63,2*0,7*0,13)	55,74
01.01.2015	9	12,5	63,2 – (63,2*0,3*0,09 + 63,2*0,7*0,125)	55,96
01.02.2015	9	10	63,2 – (63,2*0,3*0,09 + 63,2*0,7*0,1)	57,07
01.03.2015	9	9	63,2 – (63,2*0,3*0,09 + 63,2*0,7*0,09)	57,51
01.07.2015	7	7	63,2 – (63,2*0,3*0,07 + 63,2*0,7*0,07)	58,78
01.09.2015	8	8	63,2 – (63,2*0,3*0,08 + 63,2*0,7*0,08)	58,14
01.04.2016	7,5	7,5	63,2 – (63,2*0,075*0,09 + 63,2*0,7*0,075)	58,46
01.02.2017	4	11	63,2 – (63,2*0,3*0,04 + 63,2*0,7*0,11)	57,58
01.07.2017	4	15	63,2 – (63,2*0,3*0,04 + 63,2*0,7*0,15)	55,81
2014–2017	**7,39**	**10,33**	**63,2 – (63,2*0,3*0,0739 + 63,2*0,7*0,1033)**	**57,23**

Следовательно, Si при заключении одного договора может составить около 57 тыс. руб.

Далее, опираясь на Методику расчета страховых тарифов по видам страхования иным, чем страхование жизни, утвержденную Приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 23.09.2016 № 270, можно определить основную часть нетто-ставки (T_0), которая соответствует средним выплатам страховщика, зависящим от вероятности наступления страхового случая (q), средней страховой суммы (S) и среднего возмещения ($Sв$).

Основная часть нетто-ставки со 100 % страховой суммы с учетом рекомендуемого соотношения Sв/S = 0,7 (при страховании ответственности и страховании предпринимательских рисков) рассчитывается следующим образом:

$$T_0 = 100 * \frac{Sв}{S} * q = 100 * 0{,}7 * 0{,}021 = 1{,}47\%.$$

После этого можно определить рисковую надбавку. На начальном этапе сбора статистических данных по данному виду добровольного страхования у страховой организации могут отсутствовать данные о величине среднеквадратического отклонения возмещений при наступлении страховых случаев. Рисковая надбавка в этом случае определяется следующим образом:

$$Tp = 1{,}2 * T_0 * \alpha(\gamma)\sqrt{\frac{1-q}{n*q}},$$

В актуарных расчетах α(γ) – коэффициент, зависящий от гарантии безопасности γ. Его конкретные значения берутся страховой организацией из соответствующей таблицы. Чем выше гарантия безопасности, тем выше коэффициент.

Согласно Методике, если о величинах q, S, Sв нет достоверной информации, то рекомендуется брать а (γ) = 3 [6]. Тогда рисковая надбавка (T_p) в течение базового периода, равного 1 году, будет равна:

$$Tp = 1{,}2 * 1{,}47 * 3\sqrt{\frac{1-0{,}021}{\frac{43342}{4} * 0{,}021}} = 0{,}35\%.$$

Нетто-ставка (T_n), таким образом, составит 1,82 %.

Далее, чтобы подтвердить целесообразность использования среднегодового значения ROA по банковскому сектору в качестве предельного уровня базового БСТ, обратимся к инструментам математической статистики. Полученная расчетным путем величина БСТ (нетто-ставки) очень близка к среднегодовому значению ROA по банковскому сектору, которое в 2014–2017 гг. находилось в диапазоне от 1,36 % (2016 г.) до 2,11 % (2014 г.) [7]. За 8 месяцев 2018 г. оно составило 1,78% (таблица 2).

Таблица 2 – Значения ROA по банковскому сектору Республики Беларусь за 2014–2018 гг. (8 месяцев) до выплаты налогов

Год / Месяц	2014	2015	2016	2017	2018 (8 месяцев)
Январь	2,3	2,1	1,3	1,6	1,8
Февраль	2,2	2,1	1,3	1,6	1,7
Март	2,2	2,1	1,4	1,6	1,7
Апрель	2,1	1,8	1,5	1,7	1,8
Май	2,1	1,8	1,5	1,8	1,8
Июнь	2,0	1,7	1,3	1,9	1,8
Июль	2	1,6	1,3	2	1,8
Август	1,9	1,6	1,4	1,9	1,9
Сентябрь	2,1	1,7	1,2	1,9	
Октябрь	2,1	1,6	1,3	1,9	
Ноябрь	2,2	1,5	1,4	1,9	
Декабрь	2,2	1,5	1,5	1,8	

Рентабельность активов по банковскому сектору в 2014–2018 гг. (8 месяцев) до выплаты налогов, исходя из таблицы 2, можно представить в виде статистического распределения выборки объема n = 56 (таблица 3).

Таблица 3 – Статистическое распределение ROA за период с января 2014 по август 2018

x_i	1,2	1,3	1,4	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3
n_i	1	5	3	5	6	5	9	7	3	7	4	1

Выборочная средняя рентабельность активов составит:

$$\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{12} x_i n_i = \frac{1}{56}98{,}8 = 1{,}764$$

Зная выборочную дисперсию, находим среднеквадратическое отклонение $\sigma = \sqrt{\sigma^2}$:

$$\sigma^2 = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{12} x_i^2 n_i - \overline{(x)}^2 = 3{,}223 - 3{,}113 = 0{,}11.$$

$$\sigma = \sqrt{0{,}11} = 0{,}332.$$

Доверительный интервал для математического ожидания *a* случайной величины ROA, имеющей нормальное распределение (ниже при помощи критерия согласия Пирсона будет проверена гипотеза о том, что ROA имеет нормальное распределение), приобретает вид:

$$\bar{x} - \frac{S}{\sqrt{n}} t_{\frac{\alpha}{2}} < a < \bar{x} + \frac{S}{\sqrt{n}} t_{\frac{\alpha}{2}},$$

где $S = \sqrt{\frac{n}{n-1}\sigma^2}$, $t_{\frac{\alpha}{2}} = t$ (n-1, $\frac{\alpha}{2}$ 100 %) – процентная точка распределения Стьюдента с уровнем значимости α.

При α = 0,01, n = 56-1 = 55, $t_{\frac{\alpha}{2}} = 2{,}68$ (по таблице). Следовательно:

$$1{,}764 - \frac{0{,}335}{7{,}483} 2{,}68 < a < 1{,}764 + \frac{0{,}335}{7{,}483} 2{,}68,$$

$$1{,}764 - 0{,}12 < a < 1{,}764 + 0{,}12,$$

$$1{,}644 < a < 1{,}884.$$

Таким образом, величина БСТ (1,82) с вероятностью 0,99 (1-α = 1- 0,01 = 0,99) попадает в доверительный интервал ROA. При помощи критерия согласия Пирсона [8, с. 284] проверим гипотезу о нормальном распределении заданной выборки для ROA:

$$H_0 : F(x) = N(x).$$

Разобьём отрезок [1,2; 2,3] на 5 пять равных частей (интервалов) Δ_i, $i = \overline{1,5}$, и вычислим статистику χ^2:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^{5} \frac{(\vartheta_i - np_i)^2}{np_i},$$

где ϑ_i – число выборочных значений, попадающих в интервал Δ_i.

$$\vartheta_1 = 11,\ \vartheta_2 = 11,\ \vartheta_3 = 14,\ \vartheta_4 = 10,\ \vartheta_5 = 12,$$

$$p_i = \Phi\left(\frac{z_i - \bar{x}}{\sigma}\right) - \Phi\left(\frac{z_{i-1} - \bar{x}}{\sigma}\right),\ i = \overline{1,5},$$

где Ф(x) – функция Лапласа, значения которой находятся по таблице ($z_0 = -\infty$; $z_1 = 1{,}42$; $z_2 = 1{,}64$; $z_3 = 1{,}86$; $z_4 = 2{,}08$; $z_5 = +\infty$):

$p_1 = 0{,}1492$; $p_2 = 0{,}2065$; $p_3 = 0{,}2584$; $p_4 = 0{,}2148$; $p_5 = 0{,}1711$.

$$\sum_{i=1}^{5} p_i = 1.$$

Таким образом, $\chi^2 = 1{,}8328$.

Далее по таблице распределения Пирсона находится критическая точка:

$$\chi^2_{кр} = \chi^2(\alpha \cdot 100\ \%,\ k - m - 1),\ \text{где } \alpha = 0{,}01;\ k = 5;\ m = 2.$$

$$\chi^2_{кр} = \chi^2(1\ \%,\ 2) = 9{,}2.$$

Поскольку $\chi^2 = 1{,}8328 < 9{,}2 = \chi^2_{кр}$, то гипотеза H_0 согласуется с экспериментальными данными, т. е. с нормальным распределением выборки для ROA.

Остается проверить гипотезу $H_0{:}a{=}a_0$ о равенстве генеральной средней *a* нормальной совокупности с известной дисперсией σ^2 гипотетическому (предполагаемому) значению a_0 ($a_0 = 1{,}82$) при конкурирующей гипотезе $H_1{:}\ a \neq a_0$.

Для этого необходимо вычислить наблюдаемое значение критерия:

$$U_{набл} = \frac{(\bar{x} - a_0)\sqrt{n}}{\sigma} = \frac{(1{,}764 - 1{,}82)\sqrt{56}}{0{,}332} = -1{,}2622.$$

Далее по таблице функции Лапласа находится критическая точка $u_{кр}$ двусторонней критической области из равенства:

$$\Phi(u_{кр}) = \frac{1-\alpha}{2}.$$

Если α = 0,01, то $\Phi(u_{кр}) = \frac{1-\alpha}{2} = \frac{0,99}{2} = 0,495.$

По таблице $u_{кр} = 2,58$.

Поскольку $|U_{набл}| = |-1,2622| < 2,58 = u_{кр}$, то гипотеза согласуется с экспериментальными данными.

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на целесообразность использования ROA в целом по банковскому сектору в качестве предельного уровня базового страхового тарифа (БСТ) при страховании ответственности банков перед вкладчиками-юрлицами. С учетом рекомендаций [9, с. 241] относительно оформления страховых сделок по аналогии с договорами добровольного страхования ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательств эмитента облигаций, а также необходимости установления определенных ограничений, связанных с ресурсными возможностями страховой организации (размер страхового возмещения не должен быть выше 10 % собственного капитала), страхователями могут выступить малые коммерческие банки. Их депозитные портфели в разрезе юрлиц сопоставимы с размерами страховых резервов компаний, представленных на рынке страхования в Беларуси.

Литература

1. Бюллетень банковской статистики № 175-230 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbrb.by/publications/bulletin/. – Дата доступа : 01.10.2018.

2. Костенко, А.К. Страхование ответственности коммерческих банков перед вкладчиками - юридическими лицами / А.К. Костенко // Сборник научных работ Донецкой академии управления и государственной службы серии «Финансы, учет, аудит» / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк : ДонАУиГС, 2018. – С. 196–211.

3. О некоторых вопросах осуществления страховой деятельности : постановление Министерства финансов Респ. Беларусь от 20.06.2014., № 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.minfin.gov.by/ upload/insurance/acts/postmf_200614_37.pdf. – Дата доступа : 16.06.2018.

4. Итоговые данные по учету налогов, сборов (пошлин) 2017 [Электронный ресурс] : аналитический сборник Министерства Респ. Беларусь по налогам и сборам. – Режим доступа : http://www.nalog.gov.by/uploads/documents/dokument.pdf/. – Дата доступа : 16.06.2018.

5. Бюллетень банковской статистики № 4 (226) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbrb.by/Publications/bulletin/ Stat_Bulletin_2018_04.pdf. – Дата доступа : 16.06.2018.

6. Методика расчета страховых тарифов по видам страхования иным, чем страхование жизни: приказ Министерства финансов Респ. Беларусь от 23.09.2016 г., № 270 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.minfin.gov.by/ru/supervision/acts/c8dfba3bd5169a59.html. – Дата доступа : 21.06.2018.

7. Банковский сектор Республики Беларусь : краткая характеристика устойчивости функционирования по сост. на 01.01.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbrb.by/publications/banksector/ bs_20180101.pdf. – Дата доступа : 16.06.2018.

8. Гмурман, В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика / В.Е. Гмурман – М. : Высшая школа, 2004. – 479 с.

9. Костенко, А.К. Страхование депозитов юридических лиц в банках: механизмы стимулирования и тарифная политика / А.К. Костенко // Актуальные вопросы экономического развития: теория и практика: сб. научн. ст. / Гомельский гос. ун-т ; редкол. О.Д. Демиденко [и др.]. – Гомель, 2018. – С. 239–241.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.12.2018

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 314.113(476)

Направления государственного регулирования демографических процессов в Республике Беларусь

С.Д. Лин

Рассматриваются основы государственного регулирования демографических процессов Беларуси, сформулированные в соответствующих нормативно-правовых актах. Особое внимание уделено существующим направлениям и методам демографического регулирования. Разработана авторская модель государственного демографического регулирования в контексте устойчивого развития республики.
Ключевые слова: демографические процессы, демографическое регулирование, устойчивое развитие, рождаемость, смертность, миграция.

The basics of state regulation of demographic processes in Belarus formulated in the relevant regulatory legal acts are considered in the article. Special attention is given to the existing directions and methods of demographic regulation. The author's model of state demographic regulation in the context of sustainable development of the Republic is developed.
Keywords: demographic processes, demographic regulation, sustainable development, fertility, mortality, migration.

Ретроспективный анализ содержания международных конвенций и деклараций показывает, что с течением времени в регулировании демографического развития в мировом масштабе происходит смещение акцента с установления демографической политики в целом на ее составной элемент − укрепление здоровья людей. Снижение уровня смертности, борьба с распространением инфекционных заболеваний и эпидемий с целей устойчивого развития переходят в разряд задач, что свидетельствует об успехах в решении названных общемировых демографических проблем. Продолжает увеличиваться общая численность населения планеты, что препятствует улучшению качества жизни нынешних и будущих поколений. В связи с этим в Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию было сформулировано положение о необходимости замедления темпов роста населения Земли путем перехода к более низким показателям рождаемости [1, с. 2]. Поэтому акцент делается именно на качественном воспроизводстве населения, а не на количественном. Тем не менее, в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. указано, что каждое государство, взяв на себя обязанности по выполнению международных норм, самостоятельно определяет свою стратегию устойчивого развития, в том числе и в демографической сфере, исходя из национальных тенденций. Важность процессов воспроизводства населения осознана белорусским правительством, что подтверждает наличие обоснованной демографической политики.

В настоящее время в Беларуси действует ряд нормативно-правовых актов, рассматривающих проблемы демографического развития республики и предлагающих комплекс мер по их нейтрализации. Одним из них является Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 г. (НСУР-2020). Согласно указанной стратегии демографическое развитие относится к социальному императиву триады «человек-экономика-экология», и одной из основных целей социальной сферы выступает увеличение средней продолжительности жизни населения и обеспечение равных возможностей для получения медицинской помощи. Среди перечня важнейших социально-экономических императив устойчивого развития Беларуси к демографическим относятся два пункта: охрана и укрепление здоровья, улучшение демографической ситуации [2, с. 16]. Среди направлений обеспечения устойчивого демографического развития выделяют сферы регулирования рождаемости и семьи, смертности, миграции.

В качестве недостатка НСУР-2020 в части регулирования демографических процессов следует отметить отсутствие конкретных мер по оптимизации миграционных процессов. Не прописан механизм «… повышения эффективности воздействия на процессы внутренней миграции» [2, с. 21], не указаны возможные экономические рычаги, способные влиять на территориальную мобильность людей, хотя показана необходимость их применения.

Вопросы демографического развития рассматриваются также в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (НСУР-2030). Согласно ей основой национальной стратегии развития Беларуси является модель устойчивого развития, базирующаяся на так называемых принципах устойчивости. На взгляд автора статьи, упущением является отсутствие среди этих принципов ориентира на устойчивое демографическое развитие Беларуси. Единственный принцип, имеющий некоторое отношение к демографической сфере, это «… приоритетное развитие систем здравоохранения …» [3, с. 16], причем не с позиции укрепления здоровья населения, а как фактор долгосрочного повышения трудовой активности личности.

Одним из приоритетных направлений сосредоточения ресурсов выступает «… качественное воспроизводство человеческого потенциала и его эффективное использование», в рамках которого необходимо разработать эффективные механизмы, позволяющие увеличить уровень рождаемости, снизить уровень смертности, улучшить здоровье населения, с тем, чтобы стабилизировать численность населения на уровне 9,5 млн. чел. с последующим ее ростом [3, с. 25]. Для этого предусматривается последовательная реализация трех направлений: стимулирование рождаемости и поддержка семьи, снижение смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни, оптимизация внутренних и внешних миграционных потоков. Помимо воспроизводства населения в НСУР-2030 выделен пункт, посвященный развитию здравоохранения и распространению здорового образа жизни. Стратегическая цель – рост продолжительности здоровой жизни населения.

Вопросы демографического развития отображены также в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. В ней указано, что главной целью развития страны является рост качества жизни населения на базе повышения конкурентоспособности экономики, инновационного и инвестиционного развития, для достижения которой определен ряд приоритетов, среди которых демографическое развитие, к сожалению, отсутствует. Тем не менее, установлена цель демографической политики государства по стабилизации численности населения страны и увеличению его ожидаемой продолжительности жизни. Достижение указанной цели предполагается путем решения следующих задач: улучшение здоровья населения, обеспечение системы поддержки семей с детьми и регулирование внешней миграции.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь содержит комплекс понятий, источников, угроз и направлений их нейтрализации по каждому виду безопасности государства, в том числе демографической безопасности. Основы демографической безопасности сформулированы в Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь», содержащем основные понятия и их определения, перечень демографических угроз и показателей их оценки, принципы, цель и задачи демографической безопасности, органы государственного управления в сфере ее обеспечения и их полномочия, особенности разработки и содержания государственных программ демографической безопасности. Для реализации Закона предусмотрена разработка программ демографической безопасности на каждую пятилетку развития. В настоящее время действует государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг.

Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь осуществляется Президентом и Правительством Республики Беларусь, республиканскими органами государственного управления, их территориальными органами, органами законодательной и исполнительной власти.

Методы демографической политики можно разделить на три группы: административно-правовые, экономические и социально-психологические. Рассмотрим каждую из этих групп методов демографического регулирования более подробно.

Административно-правовые (административные) методы являются методами прямого воздействия, поскольку обязательны для исполнения. Реализуются они путем принятия соответствующих законодательных актов в области заключения и расторжения брака, абортов и контрацепции, правового положения и возможностей работающих женщин-матерей, охраны интересов детей и т. д. Так, в Республике Беларусь основной документ в брачно-семейной сфере – это Кодекс о браке и семье. Согласно нему минимальный возраст вступления в брак в Беларуси – 18 лет. Этот возраст может быть снижен (не более чем на три года) при беременности, рождении ребенка или приобретении несовершеннолетним полной дееспособности. Предусмотрена защита женщины во время беременности и отпуска по уходу за ребенком путем закрепления ее права на предоставление содержания со стороны супруга [4, ст. 18, 29]. Таким образом, административные методы, с одной стороны, носят запретительный характер (например, запрет искусственного прерывания беременности после 12 недель, за исключением наличия социальных показаний, влекущий в случае его нарушения уголовную ответственность для врача). С другой стороны, административные меры включают ряд социальных гарантий, предусмотренных, прежде всего, в отношении детей и женщин-матерей. Успешность реализации административно-правовых методов состоит в их повсеместности и обязательности применения. Велика роль административных методов в регламентации правового статуса семьи и ее членов, законодательного закрепления льгот для женщин с детьми в сфере трудовых взаимоотношений. Тем не менее, не до конца продуманные административные меры могут повлечь за собой ряд негативных социальных последствий. Поэтому разработка новых или изменение действующих норм законодательства в сфере демографической политики должны быть тщательно проанализированы с учетом возможности их отрицательного воздействия на динамику демографических процессов.

Экономические методы демографического управления являются косвенными, поскольку их исполнение не обязательно. Сущность данной группы методов заключается во влиянии на экономические интересы семей с целью формирования желательного режима воспроизводства населения, главным образом, путем стимулирования рождаемости. Последние успехи демографического развития Беларуси многими исследователями объясняются, прежде всего, внедрением ряда экономических мер: регулярным повышением пособий семьям на детей до 3-х лет, введением семейного капитала, субсидированием и льготным кредитованием жилья и пр. Также выделяют так называемые непрямые меры поддержки – в сфере образования, здравоохранения, услуги почасового ухода за малолетними детьми и др. Кроме того, экономические методы могут быть направлены на привлечение мигрантов (частичное погашение расходов на переезд и обустройство) или сохранение и укрепление здоровья (бесплатная ежегодная диспансеризация). Нужно отметить важную роль экономических методов в формировании благоприятной среды для формирования стабильного уровня жизни семей с детьми, но влияние их крайне дифференцированно в зависимости от социальных характеристик населения. Также данная группа методов характеризуется отсутствием долгосрочного эффекта – как только происходит привыкание к мере экономического стимула, его влияние начинает ослабевать.

Четкий прогноз результатов от использования экономических методов демографической политики сделать крайне трудно. Как отмечают некоторые ученые, в странах Европейского Союза, вкладывающих достаточно большие финансовые средства в мотивацию рождаемости, продолжает сохраняться режим суженного воспроизводства населения. Исключением является Ирландия, где достигнуто простое воспроизводство населения при отсутствии более-менее активного экономического стимулирования рождаемости [5, с. 73].

Социально-психологические методы демографической политики направлены на формирование желательных образцов демографического поведения. Это способы воздействия на моральные установки населения, а именно: репродуктивные установки, миграционные установки, установки самосохранительного поведения.

Реализуется такое воздействие путем пропаганды и агитации в средствах массовой информации, осуществления идеологической и воспитательной работы в учреждениях образования для школьников и студентов, ежемесячного проведения единых дней информирования

для населения. В Беларуси в качестве инструментария социально-психологических методов выступают многочисленные баннеры, популяризующие белорусский язык и любовь к родине. 2018–2020 гг. в республике проходят под знаком Года малой родины, в рамках которого предусмотрен комплекс мероприятий по дальнейшему развитию белорусских регионов и стимулированию граждан принять участие в благоустройстве. Результатом таких действий должны стать уменьшение межрегиональных расслоений в обществе и достижение возможности комфортного существования в любом населенном пункте. Все это направлено на создание позитивного образа страны и ее территорий в сознании населения.

Много внимания в средствах массовой информации уделяется пропаганде семейных ценностей. Это реализуется путем проведения конкурсов, направленных на укрепление института семьи: конкурс «Семья года», творческий конкурс «Крепка семья – крепка держава», фотоконкурс «Счастливая семья», конкурсы «Многодетная семья года», «мама, папа, я – спортивная семья!»; организации различных акций, целью которых является профилактика абортов, поддержка детей-сирот; использования социальной рекламы на тему важности семьи в жизни человека.

Не остается в стороне и влияние социально-психологических методов на самосохранительные установки населения. В Беларуси проводятся конкурсы рисунков, отражающих необходимость ведения здорового образа жизни, лучшие из которых распространяются на календарях, билбордах, баннерах и т. д. Осуществляются рекламные акции по стимулированию населения к своевременному прохождению скрининговых обследований. В республике реализуются широкомасштабные информационные кампании по навыкам безопасного поведения и профилактике распространения табакокурения, наркомании, алкоголизма, а также всячески подчеркивается роль спорта и физической культуры в сохранении здоровья.

Нужно отметить, что данная группа методов может иметь даже больший эффект в достижении целевых демографических показателей по сравнению с экономическими методами демографической политики, поскольку следование установленным ценностям в обществе повышает самооценку человека, улучшает социальное самочувствие, формирует общественное признание его заслуг. При условии достижения принятия пропагандируемых моральных установок большинством населения страны и перехода их в разряд традиционных образцов демографического поведения воздействие таких методов носит долгосрочный характер. Однако сама перестройка сознания общества является длительным процессом, поэтому не следует ожидать отдачи в краткосрочной перспективе.

Следует упомянуть о некоторой условности группировки методов демографического регулирования, поскольку зачастую происходит их взаимопроникновение друг в друга. Так, семейный капитал введен принятием Указа Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. « О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей», то есть экономический метод реализуется путем использования административно-правового. Административные способы демографической политики включают обязанность нанимателя предоставить женщине оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и обязанность территориальных органов Фонда социальной защиты населения его оплатить. В данном примере административно-правовые методы перетекают в экономические. В свою очередь, реализация социально-психологических методов зачастую сопровождается затратами и принятием соответствующих нормативно-правовых актов, а выполнение мер административных и экономических способов влечет за собой определенное воздействие на морально-психологические установки людей.

Таким образом, на основании изученных программных документов в сфере обеспечения демографической политики, используемых методов и органов управления демографическими процессами в статье предлагается авторская модель государственного демографического регулирования в контексте устойчивого развития республики, представленная на рисунке 1.

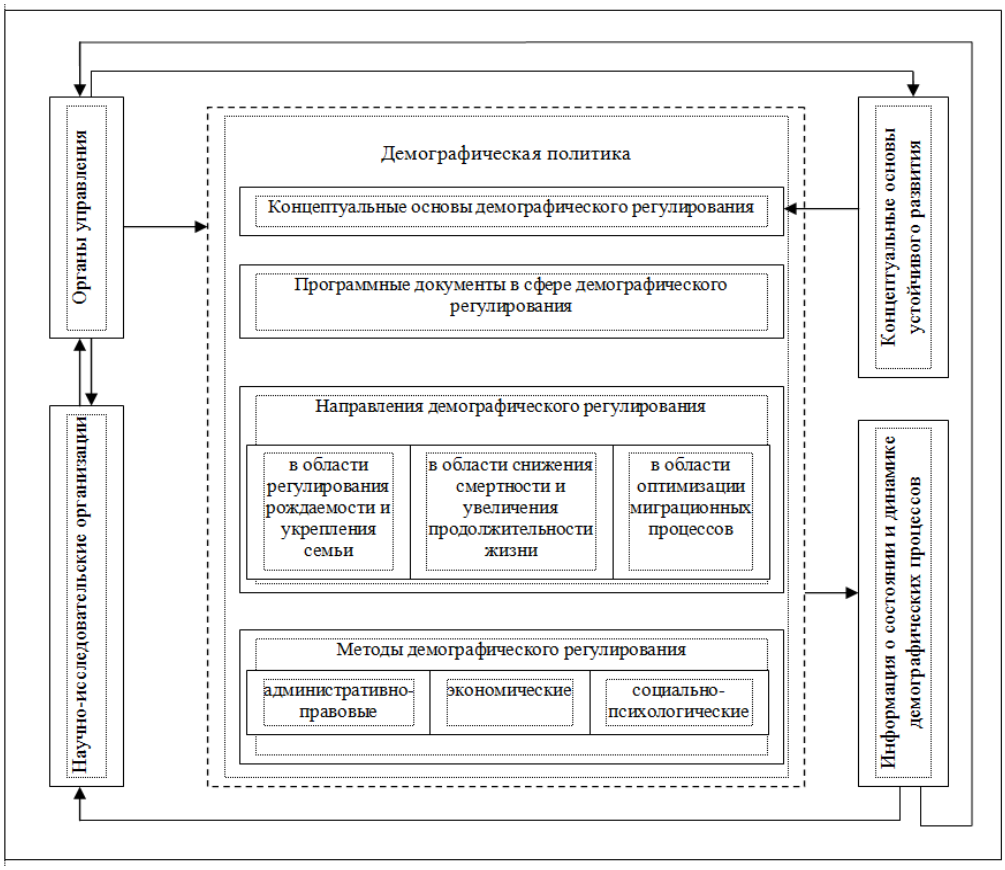

Рисунок 1 – Авторская модель государственного демографического регулирования в контексте устойчивого развития республики

Источник – собственная разработка автора.

Данная модель включает несколько блоков. Первый из них – это блок «органы управления». Сюда относятся все органы исполнительной и законодательной власти, которые уполномочены принимать решения в области демографического развития страны и обеспечивать их выполнение. На взгляд автора, недостатком существующей системы управления демографическими процессами является отсутствие единых подразделений, полностью реализующих функции демографической политики. Единственный орган, к вопросам компетенции которого относятся функции установления приоритетов государственной демографической политики и координации действий по их реализации, – это Национальный комитет по народонаселению. Для других органов власти, как исполнительной, так и законодательной, характерно распределение функций в сфере демографического регулирования между различными подразделениями. Для устранения этого недостатка предлагается:

– на республиканском уровне – создание постоянной Комиссии по демографическому развитию в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь;

– на местном уровне – создание в структуре облисполкомов и райисполкомов комитетов (управлений) по демографическим вопросам.

Это позволит осуществлять комплексный подход к решению демографических проблем и позволяет достичь более скоординированной работы в этой сфере.

Второй блок включает в себя «научно-исследовательские организации». Принятие решений в сфере демографического регулирования должно осуществляться на основании детального анализа существующей демографической ситуации. Такой анализ нуждается в научном сопровождении и выполнении соответствующих фундаментальных и прикладных исследований, задачами которых являются установление современных демографических тенденций, выявление факторов, влияющих на изменение демографических процессов, разработка прогнозов демографического развития. Полученные в результате научных исследова-

ний выводы должны стать основой для принятия соответствующих действий органами государственной власти в сфере демографического регулирования. Таким образом, необходимо постоянное взаимодействие между органами управления и научно-исследовательскими организациями, заключающееся в постановке задач аналитической работы и использовании полученных результатов.

Третий блок – «демографическая политика» – является комплексным и включает в себя концептуальные основы демографического регулирования, программные документы в указанной сфере, направления и методы. Концептуальные основы демографического регулирования содержат цель, задачи, принципы, приоритеты демографической политики, прописанные в соответствующих программных документах. Эти же документы включают направления и методы государственного демографического регулирования.

Повышению эффективности республиканских программ в сфере демографической политики будут способствовать следующие предложения, сформулированные автором:

– контроль согласованности прогнозных демографических показателей во всех программных документах государства;

– соответствие структурных элементов разрабатываемой программы по демографической безопасности и ответственного органа за координацию ее подготовки и контроль за исполнением требованиям закона «О демографической безопасности Республики Беларусь»;

– отражение в программе по демографической безопасности всех показателей, предусмотренных законом «О демографической безопасности Республики Беларусь» и установленными задачами демографического развития;

– разработка региональных программ демографической безопасности для областей и районов республики;

– отражение в программе демографической безопасности мероприятий по стабилизации миграционных перемещений внутри страны;

– указание в программе демографической безопасности в качестве демографической угрозы неблагоприятного половозрастного состава населения (как это сформулировано в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь);

– разработка мероприятий непосредственно для сельских территорий страны с целью укрепления их демографического потенциала.

Автор считает, что вопросы демографической политики должны рассматриваться в неразрывном единстве с устойчивым развитием республики. Несмотря на достигнутые успехи в демографическом развитии, все же нерешенным остается ряд проблем в сфере народонаселения, которые должны быть учтены при разработке национальных программ. В связи с этим автор предлагает усовершенствование концептуальных основ устойчивого развития Беларуси (четвертый блок модели). Прежде всего, предлагается дополнить принципы устойчивого развития республики, представленные в НСУР-2030, следующим принципом – переход к устойчивому демографическому развитию на базе расширенного воспроизводства населения. Помимо этого в перечисленных демографических угрозах для социального компонента устойчивого развития страны, на взгляд автора, отсутствуют такие угрозы, как высокий уровень депопуляции в сельской местности и нерегулируемые миграционные потоки в направлении «село-город», что нивелирует важность указанных проблем. Это подтверждается и программными документами в области демографической безопасности Беларуси на 2016–2020 гг., где не предусмотрено соответствующих мероприятий по нейтрализации подобных угроз.

При реализации демографической политики необходимы регулярный сбор и анализ информации о состоянии и тенденциях изменения демографических процессов (пятый блок модели). На основании полученных результатов анализа принимается решение о необходимости пересмотра задач и приоритетов, а также методов и направлений демографического регулирования. Исходная демографическая информация должна быть доступна широкому кругу лиц, что достигается путем публикаций статистических сборников и бюллетеней. Однако следует отметить, что существует ряд показателей, которые отсутствуют в открытой печати. Среди них:

– миграция населения по полу и возрасту в разрезе внутриреспубликанских территориальных потоков «село-город» (последний раз такая информация была опубликована в 2010 г.);

– уровень безработицы в разрезе пола, возраста и места проживания (село/город);

– показатели здравоохранения для сельской местности: специализация коечного фонда больничных учреждений сельской местности, число штатных и занятых врачебных должностей, показатели инвалидности населения, структурированных по классам болезней и др. (до 2012 г. выпускался отдельный статистический сборник «Здравоохранение в сельской местности Республики Беларусь». В настоящее время данная информация в общем сборнике по здравоохранению Беларуси отсутствует);

– число предприятий, расположенных соответственно в городской и сельской местностях; суммы налоговых сборов городской и сельской местностей; валовый региональный продукт на 1 сельского жителя и т. д.

Целесообразно было бы дополнить соответствующие статистические сборники указанной информацией, что повысило бы качество проводимых научных исследований в области народонаселения.

Использование данной модели позволит обеспечить комплексный подход и координацию действий в сфере разработки и выполнения мероприятий демографической политики.

Литература

1. Обзор и оценка прогресса, достигнутого в реализации целей и задачи Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию : доклад за 2004 год / Организация объединенных наций. – Нью-Йорк, 2004. – 90 с.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редколл.: Я.М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. / ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт». – Мн., 2015. – 143 с.

4. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный доступ]. – Режим доступа : https://belzakon.net/Кодексы/Кодекс_о_Браке_и_Семье_РБ. – Дата доступа : 07.11.2018.

5. Загорец, В.С. Демографическая политики: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности / В.С. Загорец, И.В. Загорец // Журнал международного права и международных отношений. – 2014. – № 2. – С. 71–79.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 657.01

Генезис и развитие бухгалтерской отчетности в Китае

Т.И. Панова, Ли Мин

В условиях все большей интеграции национальных экономик и учетных систем обращение к опыту других стран, использующих аналогичную модель бухгалтерского учета, позволяет эффективнее решать актуальные задачи, стоящие перед отечественными учеными. В статье рассмотрен исторический аспект становления и изменения системы бухгалтерского учета и отчетности в Китае, ее связь с особенностями экономического развития страны. Показаны факторы, влияющие на тенденции развития национальной системы учета Китая.
Ключевые слова: бухгалтерский учет, Китай, финансовая отчетность, национальные стандарты учета.

Nowadays national economies and financial statements are becoming more and more integrated. Appeal to the experience of other countries using similar financial statements allows solving some urgent problems facing this country's scientists more efficiently. The paper presents the development and changes in financial reporting and accounting in China and their connection with the peculiarities of the Chinese economic development. The factors affecting trends in the Chinese financial accountability development are analyzed.
Keywords: accounting theory, China, financial statements, national accounting standards.

Китай является одним из наиболее важных экономических партнеров Республики Беларусь. Объемы белорусско-китайской торговли динамично растут с каждым годом, и в целом за двадцать пять лет с момента установления дипломатических отношений взаимный товарооборот вырос почти в 100 раз: с 34 млн. долларов в 1992 г. до более 3,5 млрд. долларов в 2017 г. Наиболее известные совместные проекты наших стран – это автомобильный завод «БелДжи» и Парк Высоких Технологий для создания бизнеса в сфере информационных технологий.

Для активизации и расширения белорусско-китайского экономического сотрудничества, привлечения китайских инвестиций в экономику Беларуси необходимо ликвидировать преграды в восприятии финансовой информации о субъектах хозяйствования, то есть осуществить сближение систем бухгалтерской отчетности наших стран.

Бухгалтерский учет формируется и развивается по мере развития экономики. В настоящее время и Республика Беларусь, и Китай в области бухгалтерского учета проводят работу по переходу к Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), но на этом пути имеются некоторые трудности.

Чтобы выявить проблемы конвергенции национальных учетных систем, наметить пути их преодоления или обосновать неизбежность различий, необходимо рассмотреть процесс генезиса и исторического развития данных систем. Вопросам развития европейской школы бухгалтерского учета посвящено много научных исследований, в то время как азиатская учетная практика нам знакома гораздо меньше.

Китайская модель учета, также как и белорусская, относится к европейской континентальной модели с исторически присущими ей основными чертами: законодательное регулирование бухгалтерского учета, консервативность государственной учетной политики, ориентация финансовой отчетности на потребности налогообложения, макроэкономическая (государственно ориентированная) стратегия развития.

Характерной чертой развития китайской отчетности является то, что принципы и элементы китайской дореволюционной системы бухгалтерского учета практически не просматриваются сегодня. В исследованиях китайских ученых отмечается, что в течение XX в. Китай на 90 % перенял опыт составления бухгалтерской отчетности западных стран.

Данное обстоятельство весьма затрудняет изучение, периодизацию и выявление основных недостатков и достоинств формирования системы бухгалтерской отчетности в Китае.

Китайские ученые-экономисты весьма справедливо считают, что большое влияние на существование исторических пробелов в развитии китайской отчетности оказали особенности экономического развития страны. Очень долгий период страна жила в эпоху феодализма, вела натуральное хозяйство и главным, а по сути, единственным получателем бухгалтерской информации был императорский двор. В те времена традиционная китайская бухгалтерская отчетность соотносилась с традиционной китайской экономикой. Вместе с рыночными реформами, новой формой хозяйствования пришли и другие методы регулирования этих отношений. Как следствие, началась перестройка системы бухгалтерского учета и отчетности.

Развитие бухгалтерского учета в Китае имеет богатую историю. Первое появление древнекитайских исторических бухгалтерских документов датируется 1100 г. до н. э. – 770 г. до н. э. при правлении династии Западная Чжоу «Чжоу Юй». Тогда был издан указ о том, что все чиновники должны регулярно докладывать в письменной форме о состоянии доходов и расходов в конце месяца и обязательно – в конце года.

Таким образом, в Китае бухгалтерские отчеты начали использовать более чем за 2100 лет до того, как они стали хорошо известны в Европе. В это же время в Древнем Китае появились прототипы бухгалтерской отчетности.

Один из китайских исследователей развития бухгалтерской отчетности Го Даоян (郭道扬), профессор Чжуннаньского университета экономики и политики, выделил три этапа в истории ее становления в монографической работе «История развития бухгалтерского учета» («会计发展史 纲») [1, с. 43].

Данные этапы включают следующие периоды:

– I этап: (1046 г. до н.э. – 220 г.) (西周-汉) Западная Чжоу – Хань;

– II этап: 220–1900 гг. （汉-清) Хань – Цин;

– III этап: с 1900 г. （清晚期-新中国) Поздняя Цин – Новый Китай.

Рассмотрим исторические предпосылки развития и особенности каждого этапа.

I этап: (1046 г. до н.э. – 220 г.) (西周-汉) Западная Чжоу – Хань.

В это время китайское общество существовало в условиях феодального строя, экономическое развитие характеризовалось нестабильностью и скачкообразностью, уровень производительности был низким, бухгалтерский учет носил фрагментарный характер и существовал, в основном, только при императорских дворах в тесной связи с государственными финансами, статистикой и контролем. Бухгалтерская отчетность в современном понимании отсутствовала и существовала в форме отчетов, которые имели место в различных официальных бумагах и документах. Эта отчетность к концу династического периода Западной Чжоу стала приобретать регулярный характер, появились ежедневные, ежемесячные, а также годовые и трехгодичные «большие отчеты».

В этот период появились и стали активно использоваться такие понятия, как «приход», «расход», «рыночная цена», «дело о хищении» и др. Бухгалтерская информация начала занимать все более важное место в хозяйственной жизни.

II этап: 220–1900 гг. （汉-清) Хань – Цин.

В это время бухгалтерская отчетность продолжала развиваться в качестве составной части придворного императорского учета, государственного контроля и статистики. Она совершенствовалась в направлении большей детализации. В то же время появились установленные государством единые формы отчетных ведомостей, аналитические записки и первые принципы составления бухгалтерской отчетности.

III этап: с 1900 г. （清晚期-新中国) Поздняя Цин – Новый Китай.

В начале этого периода в Китае начали зарождаться рыночная экономика и товарное производство; даже натуральные формы хозяйствования стали сложнее и вступили в новую эпоху развития. Данный период характеризовался политическим и экономическим открытием Китая всему миру, а китайская бухгалтерская отчетность оформилась окончательно и прочно вошла в систему общественного производства и хозяйствования.

Это время в истории Китая, в том числе в истории становления китайской бухгалтерской отчетности, нельзя назвать периодом спокойного поступательного развития. Методика

составления бухгалтерской отчетности определяется, как известно, состоянием экономики и основными пользователями отчетных данных, так называемыми «заказчиками отчетности». А в экономике Китая тех времен было много различного рода потрясений. Падение династии, революция, преобразования Мао Цзэдуна, реформы Дэн Сяопина и в результате становление экономически нового Китая привели к глобальным изменениям в правилах учета и появлению новой современной системы китайского бухгалтерского учета и отчетности.

В начале XX в. правительство Китайской Республики сделало большой шаг вперед в развитии бухгалтерской отчетности, издав первую часть Закона о бухгалтерском учете в 1914 г., а следом – некоторые другие нормативные акты, например, «Правила ведения бухгалтерского учета на железных дорогах». После 1927 г. Гоминьдановское правительство разработало «Правила бухгалтерского учета», а также «Метод единой системы бухгалтерского учета», которые были изданы Министерством финансов. В 1935 г. был принят в полном объеме «Закон о бухгалтерском учете», а в 1947 г. – «Закон о бухгалтерах».

Эта законотворческая активность в Китае соответствовала возрастающей значимости бухгалтерского учета и отражала общемировую тенденцию поиска и переосмысления принципов, концепций и теорий бухгалтерского учета, развитию его правовой регламентации.

В декабре 1949 г. после образования Китайской Народной Республики правительство учредило специальную структуру, занимающуюся вопросами создания государственной системы бухгалтерского учета. Надо отметить, что в данный период существенное влияние на развитие бухгалтерского учета КНР оказывала система бухгалтерского учета в России, также относящаяся к континентальной модели. Обе системы развивались в схожих экономико-социальных условиях. Однако в настоящее время китайский вариант реформируется более кардинально и более быстрыми темпами по сравнению с российской моделью.

С начала 50-х гг. Государственный административный Совет КНР поручил Министерству финансов регулировать бухгалтерский учет на всех государственных предприятиях. Теперь все документы и положения отчетности разрабатывались или утверждались Министерством финансов и только после этого подлежали опубликованию. В те же годы в Китае была создана «Система бюджетной отчетности единиц народных правительств каждого уровня», регламентирующая составление отчетности в бюджетных организациях.

Первые годы новой власти были отмечены активным развитием правовой регламентации бухгалтерского учета и отчетности. Довольно регулярно проводились конференции, по итогам которых в учетное законодательство вносились коррективы. Первую конференцию по финансовому управлению и бухгалтерскому учету Министерство финансов КНР созвало в ноябре 1951 г. На ней были определены объекты бухгалтерского учета промышленных предприятий и выработаны единые формы отчетности. Вскоре Министерство финансов разработало «Метод регистрации бухгалтерских книг и заполнения отчетной документации государственных предприятий», «Временный метод ревизии имущества государственных предприятий» и «Метод ведения бухгалтерского учета на государственных промышленных предприятиях».

В период до 1965 г. Министерство финансов КНР провело еще три конференции, посвященные вопросам регламентации бухгалтерского учета, по итогам которых принимались решения по совершенствованию системы учета в стране.

Период «культурной революции» во второй половине 60-х гг. нарушил планомерное развитие всех экономических систем страны. Общий правовой нигилизм коснулся и бухгалтерского учета. За все время Министерством финансов в 1973 г. был разработан только один документ – «Правила бухгалтерского учета на государственных предприятиях», который не содержал новых норм по сравнению с предыдущими «Методами».

Вскоре работа над созданием правовых основ бухгалтерского учета была продолжена на новом уровне. Новый этап становления системы бухгалтерского учета и отчетности в КНР характеризуется быстрым и поступательным развитием. Со времени принятия Политики реформ и открытости можно выделить следующие этапы развития системы учета [2]:

– 1 этап: 1978–1992 гг.;

– 2 этап: 1992–2000 гг.;

– 3 этап: 2000–2007 гг.;

– 4 этап: с 2007 г. по настоящее время.

Первый этап характеризуется восстановлением общественного порядка, возобновлением законотворчества в области регулирования бухгалтерского учета. Основным достижением этого периода по праву можно считать «中华人民共和国会计法» – «Закон о бухгалтерском учете КНР», который был принят на 9 заседании Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 21 января 1985 г. В этот же период было принято Постановление о бухгалтерском учете на предприятиях с иностранным участием, которое создало основу для построения новой модели регулирования учета и переходу ко второму этапу реформ.

Второй этап в экономике Китая характеризуется привлечением иностранных инвестиций и первыми шагами в создании единой системы государственной координации бухгалтерской отчетности и ее начальной интеграции с Международными стандартами финансовой отчетности. Была создана Государственная комиссия по реформированию системы бухгалтерского учета, которая совместно с Министерством финансов КНР в 1992 г. издала нормативный акт «Бухгалтерский учет на пилотных акционерных обществах», который положил начало сближению правил учета внутри страны с международными принципами. В том же году были изданы Положения по бухгалтерскому учету на предприятиях, существенно изменившие подходы к организации учета: система учета теперь была ориентирована не на организационно-правовую форму бизнеса, а на отраслевые особенности (в экономике страны было выделено 13 «индустрий»).

В 1998 г. вступил в силу нормативный акт «Бухгалтерский учет ОАО» и 8 новых положений по отдельным вопросам бухгалтерского учета, составленных с ориентацией на требования МСФО. Они стали применяться в компаниях, акции которых котировались на биржах, то есть возникла ситуация параллельного использования в стране двух систем учета: старой, базирующейся на национальных правилах, и новой, приближенной к МСФО.

Такая ситуация продолжалась в КНР и на третьем этапе, с началом XXI в. С 1 января 2001 г. вступил в силу нормативный акт «Режим бухгалтерского учета на предприятии», благодаря которому порядок бухгалтерского учета перестал зависеть от отраслевой принадлежности организации, и для всех субъектов хозяйствования впервые стали действовать одинаковые правила учета. Национальную систему учета Китая на данном этапе отличало частичное согласование норм национального экономического режима с требованиями международных стандартов. Большое внимание уделялось качеству отчетной информации: полезности, сопоставимости, доступности; совершенствовалась структура и содержание основных отчетных форм.

Четвертый этап ознаменовался тем, что Министерство финансов Китая официально объявило о введении с 1 января 2007 г. новой системы Положений по бухгалтерскому учету, состоящей из одного основного и 38 отдельных положений: по обычным видам деятельности, учету товаров, долгосрочным вложениям и т. д. Новые положения были разработаны с ориентацией на требования МСФО [3].

Отдельная группа документов была посвящена вопросам представления финансовой отчетности для всех секторов экономики. В настоящее время для коммерческих предприятий она включает следующие формы: баланс, отчет о движении денежных средств, отчет о прибылях и убытках, отчет об изменениях в капитале владельцев и примечания к отчетам. Как видно, состав отчетности в КНР полностью соответствует формам, применяемым в Республике Беларусь.

В Китае существуют особые формы отчетности для малых предприятий и некоммерческих организаций. Состав отчетности для малых предприятий Китая закреплен в документе «Система бухгалтерского учета на малых предприятиях», утвержденном Министерством финансов КНР 27.04.2004.

Состав бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческих организаций в КНР согласно принятой Министерством финансов КНР 28.08.2004 «Системе учета народных некоммерческих организаций» включает: бухгалтерский баланс, отчет о движении денежных средств, отчет о хозяйственной деятельности.

Китайским законодательством утверждена также консолидированная финансовая отчетность (合并财务报表), которая определяется как отчетность, отражающая общее финансовое

состояние, результаты деятельности и движение денежных средств группы предприятий, в том числе материнских и дочерних компаний. Для формирования консолидированной отчетности в Китае предусматривается обязательное применение МСФО, так как данный вид отчетности в основном ориентирован на внешних пользователей и не используется ни в целях налогообложения, ни для претензионно-исковой работы и аналогичных практических целей.

На современном этапе развития экономики бухгалтерский учет ведется в Китае в соответствии с едиными принципами (общими положениями). Их юридическое закрепление отражено в Законе о бухгалтерском учете КНР. Вопросы отчетности в Китае координирует Министерство финансов КНР, которое несет ответственность за создание единой государственной системы отчетности в стране. Министерства финансов местных народных правительств функционируют на местах (в провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах). Государственные ведомства, а также различные хозяйственные единицы в соответствии с единой государственной системой отчетности разрабатывают собственные методы ведения бухгалтерского учета, сведения о которых направляются в местные органы финансов и различные ведомства.

В результате реформ в области регулирования бухгалтерского учета в КНР была создана целостная система национальных учетных стандартов, ориентированная на повышение качества отчетной информации, особенно на достоверность и надежность статей баланса, уменьшен разрыв между национальными и международными стандартами.

Китайские ученые отмечают, что реформирование национальной системы учета имело положительные экономические последствия [3]. Например, положения по бухгалтерскому учету, касающиеся обесценения активов, учета собственных научных разработок, существенно повлияли на результаты деятельности листинговых компаний. На биржах Шанхая и Шэньчженя компании прекратили показывать в балансах восстановление убытка от обесценения активов, что позволило сократить практику манипулирования прибылью.

Изменение методики учета затрат на научные разработки привело к росту балансовой статьи «Нематериальные активы» в промышленных компаниях и способствовало повышению их уровня развития. Таким образом, современные китайские правила составления отчетности всех организаций достаточно приближены к положениям системы МФСО, что позволяет обеспечить достоверность данных о финансовом положении субъекта хозяйствования, финансовом результате его деятельности и изменениях в них.

Реформы Китая в области регулирования бухгалтерского учета получили международное признание. Система положений по бухгалтерскому учету, действующая в настоящее время в КНР, высоко оценена ЕС и Всемирным банком. Наиболее примечательной особенностью современной системы бухгалтерского учета КНР является внимание к особенностям Китайского государства и при этом достижение конвергенции с международной системой учета. Возможно, что в перспективе для определения путей дальнейшего развития отечественного бухгалтерского учета Беларуси необходимо будет принимать во внимание опыт Китая.

Литература

1. Го, Даоян. История развития бухгалтерского учета / Даоян Го. – Пекин : Изд-во Университета Центрального радио и телевидения, 1985. 郭道扬. 会计发展史纲.中央广播电视大学出版社，北京，1985 年。

2. Петров, А.М. Состав бухгалтерской отчетности в России и Китае / А.М. Петров, М.П. Лымарь // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 31 (325). – С. 28–37.

3. Сунь, Линь. Развитие регулирования учета в странах с переходной экономикой и исследование экономических последствий интернационализации положений по бухгалтерскому учету на примере Китая / Линь Сунь, М.А. Осипов, Е.Б. Абдалова // Финансы и экономика. – 2017. – № 7. – С. 76–87.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК: 339.92:338.46:37.014.54

Международный рынок образовательных услуг: проблемы и перспективы интеграции Республики Беларусь

Т.В. Савенко

Рассматриваются основные тенденции функционирования международного рынка образовательных услуг. Выделяются основные участники данного рынка. Автором рассматриваются особенности интеграции системы образования Республики Беларусь в международный рынок образовательных услуг. Выделяются тенденции, сдерживающие развитие экспорта образовательных услуг. В заключении автор приводит факторы, которые будут способствовать развитию экспорта образовательных услуг в Республике Беларусь.
Ключевые слова: международный рынок образовательных услуг, экспорт образовательных услуг, иностранные студенты, Болонский процесс.

The basic trends in the functioning of the international market for educational services are described. The main participants of this market are distinguished. The author considers the features of the integration of the educational system of the Republic of Belarus into the international market of educational services. There are trends that restrain the development of exports of educational services. In conclusion, the author cites factors that will contribute to the development of exports of educational services in the Republic of Belarus.
Keywords: international market of educational services, export of educational services, foreign students, the Bologna process.

Становление международного рынка образовательных услуг во многом является результатом развития и усиления роли системы высшего образования в современном мире. Помимо того, что она является ключевым фактором экономического развития государства, система образования также может стать и существенным источником доходов. По данным ОЭСР объем мирового рынка образовательных услуг составляет примерно 30 млрд. долларов, а по оценкам Всемирной торговой организации – 50–60 млрд. долларов США, что свидетельствует о значительном потенциале этого рынка.

Для многих государств международная торговля услугами образования превратилась в выгодный бизнес и стала частью внешнеэкономической политики. В сфере высшего образования экспорт образовательных услуг предоставляет большие возможности для расширения образовательной и научно-исследовательской деятельности вузов, совершенствования профессионального уровня профессорско-преподавательского состава, продвижения отдельных образовательных технологий и программ, повышения престижа национальной системы образования в целом [1, с. 5].

По данным ОЭСР количество студентов, получающих образование за пределами своей страны, значительно возросло: с 2 млн. в 1999 г. до 5 млн. в 2016 [2]. Основными странами, которые привлекают большую часть иностранных студентов, являются США, страны Западной Европы, Австралия и Япония. Здесь обучается более 80 % всех иностранных студентов [3]. Такие страны как Латвия, Эстония и Польша практически удвоили свои показатели обучения иностранных студентов в 2016 г. по сравнению с 2013 г. [2]. Более того, в США для поддержки инновационной экономики требуется, по мнению специалистов Центра исследований высшего образования Калифорнийского Университета, удвоить количество иностранных студентов к 2020 г. Япония пересмотрела аналогичную цифру для себя в сторону ее тройного увеличения, аналогичные планы и у других конкурентов. Таким образом, конкурентная борьба стран-экспортеров образовательных услуг с течением времени будет только усиливаться [4, с. 103].

Лидером в области экспорта образовательных услуг являются США. В 2016 г. из 3,5 млн. студентов, проходивших обучение в странах ОЭСР, 971 тысяча получала высшее образование в США. Стоит отметить, что важным фактором, способствующим эффективной интеграции обра-

зования США в международный рынок образовательных услуг, является наличие федеральной службы, которая занимается привлечением иностранных студентов и их сопровождением в течение обучения. Также работает Институт международного образования, который занимается исследованиями в области международных образовательных услуг. Таким образом, можно говорить об общесистемном подходе к организации экспорта образовательных услуг.

В последние годы существенно возросло участие стран Западной Европы на международном рынке образовательных услуг. Во многом это вызвано созданием единого образовательного пространства в рамках Болонского процесса. Одна из задач, которая решается в рамках Болонского процесса, – это привлечение иностранных студентов. Считается, что создание единого образовательного пространства усиливает международную конкурентоспособность европейской системы высшего образования.

В результате на втором месте по объемам продаж образовательных услуг находится Великобритания, в 2016 г. здесь проходили обучение 432 тыс. иностранных студентов [2]. За последние десятилетия страна значительно увеличила количество иностранных студентов. Ключевыми характеристиками, обеспечивающими конкурентные преимущества страны на международном рынке образовательных услуг, являются тесная связь системы высшего образования с бизнесом, гибкие образовательные программы, а также постоянный контроль качества высшего образования.

Третье место по объемам экспорта образовательных услуг в мире занимает Германия. В высших учебных заведениях Германии по данным ОЭСР обучается 245 тыс. иностранных студентов. Здесь основной акцент делается на тесную взаимосвязь образовательных программ с практической деятельностью. Так, в 2006 г. был создан союз технических университетов, что позволило улучшить сотрудничество с реальным сектором экономики, производством и бизнесом. В 2012 г. произошло объединение 15 университетов в единый союз. Это позволило улучшить условия для развития науки, исследований и образования. Во Франции в 2016 г. также обучалось около 245 тыс. иностранных студентов [2].

Значительную роль на международном рынке образовательных услуг играют такие страны как Австралия, Канада, Испания и Италия.

Россия также является страной, привлекающей иностранных студентов. Отличительной особенностью является тот факт, что 2/3 иностранных студентов – выходцы из соседних стран, с которыми имеются тесные исторические взаимосвязи: Азербайджан (6 %), Беларусь (6 %), Казахстан (28 %), Туркменистан (7 %), Украина (9%) и Узбекистан (8 %) [7].

Несмотря на то, что страны Европы и США продолжают занимать лидирующие позиции на международном рынке образовательных услуг, другие страны все более активно участвуют в привлечении иностранных студентов.

Например, Иордания планирует к 2020 г привлечь 100 тыс. иностранных студентов, Япония – 300 тыс. иностранных студентов к 2025 г. Агентство по высшему образованию Малайзии планирует к 2020 г. увеличить число иностранных студентов до 200 тыс. человек. Программу по привлечению иностранных студентов осуществляет Турция, в планах которой – довести количество иностранных студентов до 100 тыс. человек в 2020 г., что, по расчетам турецких властей, принесет в экономику страны около 3 млрд. долларов. Важным фактором конкурентоспособности турецких вузов является наличие образовательных программ разного уровня на английском языке. Все больший удельный вес на международном рынке образовательных услуг занимает Китай, который планирует привлечь в страну около 500 тыс. иностранных студентов к 2020 г. Для достижения этой задачи Китай предпринимает шаги по повышению институционального потенциала вузов для приема иностранцев на обучение. Также для иностранных студентов выделяются специальные гранты для обучения [4, с. 106]. Данные тенденции говорят о том, что многие страны определяют экспорт образовательных услуг как стратегический ориентир дальнейшего экономического развития.

И хотя лидерство на международном рынке образовательных услуг по-прежнему остается за странами Европы и США, Республика Беларусь также активно развивает экспорт образовательных услуг.

С целью содействия развитию экспорта образовательных услуг, в Республике Беларусь разработаны различные государственные и ведомственные документы. Так, вопросы повышения конкурентоспособности национальной системы высшего образования в международном образовательном пространстве нашли отражение в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., а также в Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 г. «Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 гг. акцентирует внимание на увеличении экспортного потенциала образовательных услуг. Кроме того, разработаны Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. Это говорит об осознании на всех уровнях государственного управления огромной экономической и геополитической значимости развития экспорта образовательных услуг.

С 2010 г. количество иностранных студентов, обучающихся в стране, увеличилось в два раза и сегодня превышает 20 тыс. человек. В 2017–2018 учебном году в Беларуси обучались 20218 иностранных студентов из 102 стран мира, в основном из СНГ, Южной и Юго-Восточной Азии (Китая, Вьетнама, Шри-Ланки, Индии) [5]. Из общего количества обучающихся в стране иностранных граждан высшее образование получают 19296 человек. Основная доля иностранных граждан, получающих высшее образование, обучаются на I ступени – 75,8 %. По-прежнему лидирующие позиции занимают граждане Туркменистана, однако их доля впервые за пять лет снизилась и составила менее 50 % от общего числа иностранных студентов [6].

В оценках качества образовательных услуг Беларуси есть определенные противоречия. С одной стороны, показатели индекса человеческого развития дают высокую оценку интеллектуальному потенциалу нашей страны. Сильной стороной белорусской системы высшего образования является фундаментальный характер образовательных программ. О высоком качестве белорусского образования говорит и тот факт, что белорусские студенты находятся в лидерах на международных конкурсах по ряду дисциплин. Кроме того, все учреждения высшего образования нашей страны представлены в рейтинге Webometrics Ranking of World Universities, 47 вузов – в рейтинге International colleges and Universities Rankings [7, с. 17]. Однако реальные позиции занимают всего несколько университетов: БГУ, БНТУ, ГрГУ им Я. Купалы, БГУИР, БГТУ, БГЭУ. А в рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education вошел только один вуз из Беларуси – БГУ, при этом находится он ниже 800 позиции. В то время как в данном рейтинге присутствуют 11 польских университетов, 5 украинских.

Расширению экспортных возможностей Беларуси на международном рынке образовательных услуг способствует присоединение страны к Болонскому процессу, которое произошло в мае 2015 г. Признание белорусских дипломов за рубежом имеет ключевое значение для увеличения экспорта образовательных услуг. В Болонской декларации определяются основные принципы формирования общеевропейского образовательного пространства: создание двухуровневой системы подготовки кадров, введение зачетных единиц для оценки трудоемкости учебных предметов, расширение доступности высшего образования, а также реализация системы непрерывного образования. Однако со стороны Беларуси все еще не выполняется ряд требований Дорожной карты развития системы высшего образования. Среди негативных моментов выделяют следующие:

– до сих пор нет механизма взаимодействия системы образования с рынком труда;

– не улучшается ситуация с академическими свободами и автономией высших учебных заведений страны;

– не до конца проработано приложение к диплому о высшем образовании европейского образца.

Данная ситуация во многом определяется отсутствием возможности существенно увеличить финансирование системы высшего образования. Кроме того, как отмечают эксперты, негативное влияние оказывают непонимание и отторжение со стороны части профессорско-преподавательского состава, отсутствие опыта работы на международном рынке образовательных услуг.

Среди ключевых моментов, сдерживающих рост экспорта образовательных услуг можно также выделить недостаточную развитость инфраструктуры оказания образовательных услуг

(отсутствие комфортных условий проживания, недостаточное использование современных информационно-коммуникационных технологий, отсутствие современной материально-технической базы обучения, что особенно актуально для технических специальностей).

Сдерживающим фактором развития экспорта образовательных услуг является также несогласованность действий различных ведомств, в том числе МВД, Министерства труда и социальной защиты, пограничных служб.

Росту экспорта образовательных услуг белорусской системы высшего образования будут способствовать следующие факторы:

– активизация деятельности вузов по увеличению экспорта образовательных услуг, за счет реинвестирования части средств, получаемых от обучения иностранных студентов на маркетинг, улучшение материально-технической базы обучения, развития инфраструктуры;

– большое значение имеет создание подразделений внутри вузов, непосредственно занимающихся привлечением иностранных студентов и их сопровождением в процессе обучения;

– дальнейшая интеграции белорусской системы образования в общеевропейское образовательное пространство, но с сохранением национальных особенностей системы высшего образования;

– создание общегосударственной службы, занимающейся проблемами интеграции Беларуси в международный рынок образовательных услуг, которая будет способствовать координации действий на общегосударственном и вузовском уровнях, формированию комплексной национальной системы поддержки экспорта образовательных услуг;

– расширение круга специальностей для обучения на иностранном языке, расширение различных форм обучения иностранных студентов, в том числе и послевузовского образования.

Интеграция Республики Беларусь в международный рынок образовательных услуг будет способствовать не только экономическому процветанию, но и повышению качества образовательных услуг национальной системы высшего образования. В этих условиях ключевыми задачами в сфере образования должны стать создание общесистемных условий для модернизации системы высшего образования и активного стимулирования экспорта образовательных услуг.

Литература

1. Косевич, А.В. Российское высшее образование на международном рынке образовательных услуг: проблемы и перспективы / А.В. Косевич // Вестник Международного института экономики и права. – 2011. – № 2. – С. 5–21.

2. Education at a glance 2018 [Electronic resource]/ – Access mode : https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2018_eag-2018-en#page221. – Date of access : 15.11.2018.

3. Черников, Г.П. Экспорт образования как глобальный бизнес [Электронный ресурс] / Г.П. Черников. – Режим доступа : http://www.mirec.ru/2006-01/eksport-obrazovania-kak-globalnyj-biznes. – Дата доступа : 15.11.2018.

4. Галичин, В.А. Международный рынок образовательных услуг: основные тенденции и перспективы развития / В.А. Галичин // Век глобализации. – 2013. – № 2. – С. 101–112.

5. Беларусь увеличивает экспорт образовательных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belmarket.by/belarus-uvelichivaet-eksport-obrazovatelnyh-uslug. – Дата доступа : 15.11.2018.

6. О деятельности УВО по развитию экспорта услуг в контексте Концепции развития экспорта услуг (продвижение бренда «Образование в Беларуси») на 2018–2020 гг., утвержденной Министерством образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://srrb.niks.by/solution/2018-02-28-1.pdf. – Дата доступа : 15.11.2018.

7. Грибанова, Н.Л. Республика Беларусь на международном рынке образовательных услуг: состояние и приоритеты развития / Н.Л. Грибанова // Инновационные образовательные технологии. – 2010. – № 4. – С. 16–20.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 23.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 336.4

Преимущества и риски краудфандинга и P2P-кредитования стартап-проектов

А.Г. Садовская

В эпоху глобального развития Интернет-технологий, а также их влияния на трансформационные преобразования социально-экономических отношений, происходит формирование нового стандарта данных отношений, называемого краудэкономикой. Становление краудэкономики осуществляется через развитие ее инструментов, в числе которых технологии коллективного финансирования – краудфандинг и P2P-кредитование. В данной статье проанализирована, обобщена и представлена информация, содержащая преимущества функционирования вышеобозначенных инструментов краудэкономики, а также выделены основные риски функционирования данных финансовых инструментов.
Ключевые слова: краудфандинг, P2P-кредитование, финансовые инструменты, краудинструменты, крауд-технологии, малый и средний бизнес, стартап-проект, краудфандинговая платформа.

In the era of global development of Internet technologies, and also their influences on transformational changes in the social and economic relations, the new standard of these relations of crowdeconomy is formed. Formation of crowdeconomy is carried out through development of its tools, among which technology of collective financing – crowdfunding and P2P-crediting. Information containing advantages of functioning of the above-designated crowdeconomy tools is analysed, generalized and provided in this article and also the main risks of functioning of these financial instruments are marked out.
Keywords: crowdfunding, P2P-crediting, instruments of financing, crowdinstruments, crowd-technologies, small and medium business, startup project, crowdfunding platforms.

Введение. В последнее десятилетие на мировом экономическом пространстве идет активное формирование новой экономической модели – краудэкономики. Ее возникновению способствовали трансформационные процессы общественного развития, связанные с развитием IT-технологий, стремительно развивающиеся инновационно-экономические взаимодействия и др. Становление краудэкономики идет через развитие ее инструментов, в числе которых краудфандинг и P2P-кредитование стартап-проектов.

Краудфандинг получил достаточно широкое распространение в современной экономической практике. Изучив различные формулировки, раскрывающие понятие «краудфандинг», сделаем следующий вывод: Краудфандинг (Crowdfunding – от сочетания английских слов *crowd, funding*: *crowd* – «толпа», *funding* – «финансирование») – процесс финансирования проектов за счет привлечения средств от большого числа людей (потенциальных потребителей готового продукта данных проектов), посредством краудфандинговых онлайн-платформ.

Автором термина «краудфандинг» принято называть журналиста Джеффа Хау (Jeff Howe), который в 2006 г. ввел данный термин в обиход. Вместе с тем, сама технология – *народного финансирования* – была известна гораздо раньше, нежели появление термина. Примером вовлеченности народного финансирования могут послужить такие исторические проекты как памятник Минину и Пожарскому на Красной площади, первый храм Христа Спасителя, средства на которые собирали всей Россией, Эйфелева башня в Париже, на строительство которой было привлечено свыше миллиона независимых инвестиций.

В отличии от краудфандинга P2P-кредитование основывается не на независимом вложении средств в развитие проекта, а на финансировании данного проекта посредством кредитования. P2P – аббревиатура от английского выражения peer-to-peer – «от пользователя к пользователю» – финансовый сервис выдачи займов, в которых кредитором выступает не банк или кредитная организация, а большое число физических лиц или институциональных инвесторов. В ряде стран P2P-кредитование также называют «равноправным или взаимным кредитованием» или «социальными займами».

P2P-кредитование осуществляется на базе онлайн-платформ, объединяющих для взаимодействия между собой кредиторов и заемщиков. Онлайн-платформа P2P-кредитования не принимает на себя никаких кредитных рисков, вместе с тем платформа такого направления проводит скоринг заемщиков и предлагает услуги по сбору просроченной задолженности [1].

Основная часть. Исследователи инструментов краудэкономики обращают внимание на то, что в процессе реализации краудфандинга и P2P-кредитования стартап-проектов раскрываются преимущества новых технологий, но и проявляются определенные недостатки – риски, которые необходимо принять во внимание участникам данных процессов.

В качестве положительных аспектов краудфандинга и P2P-кредитования необходимо выделить следующие [2], [3]:

– для малого и среднего бизнеса краудфандинг является инструментом, который предоставляет поддержку их проектов на нескольких уровнях: предпродажи, исследование рынка, реклама через каналы инвесторов проекта – и все это без прямых затрат на продвижение;

– неравномерное распределение информации о товаре между сторонами сделки, а также нехватка общедоступной информации – повышает возможные инвестиционные риски в стартап-проекты. Однако, при задействовании краудфандинга (в процессе общения с большим количеством спонсоров, получения от них советов и информации касающейся анализа самого рынка и его ниш) – становятся доступными ранее неизвестные пути снижения и исключения данных рисков;

– использование краудфандинга позволяет финансировать стартап-проект не только на «зачаточной стадии» – стадии его развития, но и в процессе становления, это возможно за счет участия спонсоров на протяжении всего действия проекта, что в свою очередь позволяет достаточно гибко реагировать на изменения рынка, в отличии от других способах финансирования стартап-проектов;

– краудфандинг и P2P-кредитование дают возможность инвесторам осуществлять финансирование малыми суммами: даже при незначительном объеме имеющихся средств независимый инвестор может осуществлять финансирование стартап-проектов, вместе с тем, инвесторы с большими финансовыми возможностями могут существенно диверсифицировать свой инвестиционный портфель, проводя политику хеджирования возможных рисков;

– краудфандинг и P2P-кредитование предоставляют возможность диверсификации вложений: даже если при инвестировании нескольких десятков проектов «выстреливает» только один – этот «один» проект покрывает все финансовые вложения, которые требовались на этапе финансирования всего пула стартап-проектов (наиболее часто данная ситуация встречается в сфере инвестирования венчурных проектов);

– на профильных краудфандинговых и P2P-платформах нет недостатка в интересных проектах: краудфандинг и P2P-кредитование дают возможность удобного и эффективного финансирования стартап-проектов, поэтому данные инструменты являются наиболее привлекательными для развития малого и среднего бизнеса, что позволяет предлагать рынку все больше новых проектов поэтому.

Также следует отметить преимущества и для внешнего рынка [2]:

– *перераспределение конкурентных сил, формирование совершенной конкуренции* – существующая рыночная структура сконцентрирована вокруг большого числа крупных игроков рынка. Ситуация на нем может привести к «too big to fail», когда падение крупных игроков будет иметь катастрофические последствия для экономики в целом. Рост числа используемых краудфандинговых платформ постепенно приводит к перераспределению сил и установлению совершенной конкуренции на рынке инвестиций. Таким образом, технология краудфандинга, формируемая и постепенно вливающаяся в существующую рыночную структуру – деконцентрирует ее;

– *формирование нового уровня развития рынка* – в настоящее время финансовые гиганты способны влиять на ожидания потребителей относительно развития рынка. При широком распространении краудфандинга и росту конкуренции такого влияния можно будет избежать. Краудфандинг – это инструмент больших масс, которые формируют уровень спроса на

тот или иной продукт (услугу). Формируя «свой» уровень спроса, массы подталкивают к формированию нового уровня развития рынка: выстраиванию здоровой конкуренции и конкурентных ценовых предложений;

– *быстрое реагирование на изменения рынка* – в большинстве своем компании малого и среднего бизнеса привлекают инвестиции за счет банковского кредитования (т. к. привлечь инвестиции из других источников достаточно сложно), однако банковский сектор почти прекращает свою работу при наступлении экономических кризисов, в то время как краудфандинг продолжает функционировать и инвестирует проекты. Краудфндинг позволяет, при необходимости, распределять или перераспределять поток планируемых инвестиций в проекты, которые будут играть наиболее важную роль в тот или иной момент времени. При этом уменьшается риск возникновения инфляции, который существует при вливании денег в экономику из банковского сектора;

– *простота использования* – одно из основных преимуществ краудфандинга. Вопреки банкам, фирмы, занимающиеся краудфандингом, не предлагают финансовых продуктов, таких как кредитные карты, ипотечные кредиты, страхование или инвестиционные фонды. Вместо этого они ограничивают свое предложение простым продуктом, предлагающим либо базовый персональный кредит (может быть использован для различных целей), либо брокерские услуги для компаний, обращающихся за капиталом посредством продажи акций. Например, LendingClub (это лидирующая Краудфандинговая платформа, работающая по принципу финансирования, основанного на кредитовании) предлагает одноранговые кредиты на сумму до 35 000 долларов США. Заемщики могут использовать эти кредиты для различных целей: медицинские расходы, ремонт дома, отдых, консолидация долгов, погашение кредитных карт, расширение бизнеса и т. д.

Краудфандинговые платформы не поднимают ставки по депозитам и, таким образом, они не регулируются финансовым резервом страны. В тоже время, сочетание отсутствия физического местоположения и ограниченных регулятивных издержек позволяет краудфандингу поддерживать низкие эксплуатационные расходы и предлагать клиентам более выгодные условия.

Для банка краудфандинг – это новая технология. В некотором смысле ее можно назвать разрушительной. Понятие «разрушительная технология» был введен в 1997 г. Клэйтоном Кристенсеном (профессор Гарвардской школы бизнеса). С его точки зрения, разрушительная технология – это процесс, посредством которого продукт или услуга укореняются изначально в простых приложениях в нижней части рынка, а затем неумолимо продвигается вверх по рынку, вытесняя в конечном итоге укорененных конкурентов [4].

Важной характеристикой разрушительных технологий является то, что они начинают с обслуживания «нижней части рынка», то есть сегментов, которые крупные компании могут считать убыточными. В банковской отрасли эта часть рынка включает малые предприятия, сегменты, которые, как представляется, банки обслуживают с относительным успехом.

Потребности этих сегментов значительно отличаются от потребностей основных клиентов. Малые предприятия все еще полагаются на банки как на своих основных поставщиков финансирования (либо напрямую через кредиты для малого бизнеса, либо косвенно через личные кредитные карты). В свою очередь, кредиты для малого бизнеса вызывают у банков сдержанный интерес и, соответственно, представляют собой лишь небольшую долю депозитных учреждений, активов, особенно для крупных банков.

Таким образом, основанные на кредитовании, крауд-платформы становятся привлекательными альтернативами для малых предприятий, которым очень трудно получить банковский кредит.

К рискам и недостаткам краудфандинга и P2P-кредитования необходимо отнести следующие аспекты [2], [3]:

– *мошенничество* – наиболее распространенный для крауд-технологий риск. Ввиду того, что, как и краудфандинг, так и P2P-кредитование осуществляют свою деятельность на онлайн-платформах, и вся информация о проекте представлена только на странице данного проекта (отсутствует прямая связь между инвестором и создателем проекта), существует возможность наткнуться на мнимый стартап-проект и потерять инвестируемые средства. Однако в эпоху цифровизации большинство краудфандинговых платформ уже обладают системами идентифицирования мошеннических проектов. А в связи с растущим количеством таких платформ и увеличивающейся конкуренцией, в будущем ожидается только улучшение таких системя;

– *объем инвестиций* – зачастую стартап-проекты сталкиваются с просчетами в объемах необходимых инвестиций, т. к. практически невозможно предугадать прибыль от реализации продукта, и по итогу запланированная сумма может не совпасть с фактически необходимой – в таком случае, стартап-проекту потребуются дополнительное финансирование. На некоторых краудфандинговых платформах существует возможность изменять объем запрашиваемой суммы к финансированию. Таким образом, сумма финансирования может меняться в ходе сбора средств;

– *конфликт интересов* – в ходе реализации финансируемого проекта могут возникать прецеденты, в которых политика автора проекта и ожидания инвестора от планируемого конечного результата – не сопоставимы. Таким образом, возникает конфликт интересов относительно путей развития бизнеса;

– *риски финансовой неудачи проекта* – стартап-проект может собрать необходимую, заявленную сумму. Однако по итогам реализации «не выстрелить», не стать успешным;

– *риск отсутствия эффективной законодательной защиты* краудфандинга и P2P-кредитования и его участников.

Заключение. Несомненно, крауд-технологии предоставляют огромные возможности и для развития малых предприятий и частного бизнеса, и для инвесторов. Бизнес и частные лица, столкнувшиеся с невозможностью доступа к традиционным источникам кредитования или использования более дорогих финансовых решений для финансирования своих проектов, получают доступ к беспрецедентному источнику капитала, созданному из небольших вкладов миллионов людей во всем мире.

Вместе с тем, крауд-технологии, активно внедряясь в финансовый рынок, могут нести в себе разрушительные тенденции. Краудплатформы не являются банками, и все же они предлагают займы и брокерские услуги частным лицам и малым предприятиям, как это делал бы любой другой банк. В настоящее время они располагаются в «нижней части рынка», но это не означает, что они не могут достичь верхних сегментов.

Можно предположить, что к тому моменту, когда краудплатформы дойдут до основных заказчиков, банкам будет слишком поздно догонять новую тенденцию. И существует реальный риск того, что банки перестанут быть первичным источником кредитования для частного и малого бизнеса.

Таким образом, для банков крауд-технологии могут являться реальной угрозой: банки сталкиваются с новым конкурентом с более низкими эксплуатационными расходами, другим подходом к управлению рисками и более простым предложением продукта. А значит, банки должны быть готовы к этой тенденции и заставить ее работать в свою пользу.

Итак, краудфандинг и P2P-кредитование стартап-проектов, утверждаясь на экономическом рынке как инновационные технологии, проявляют как преимущества, так и недостатки, риски. Последние требуют особого внимания всех участников крауд-технологических процессов.

Литература

1. P2P-кредитование: что это такое, сервисы и платформы, актуальная ситуация в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://xn--b1adcnh0br.xn--p1ai/p2p-kreditovanie-chto-eto-takoe-servisy-i-platformy-aktualnaya-situaciya-v-rossii.html. – Дата доступа : 17.11.2018.

2. Гусева, Д.Е. Краудфандинг: сущность, преимущества и риски [Электронный ресурс] / Д.Е. Гусева, Н. Малыхин // Журн. Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Экономика и Право. – 2014. – № 9–10. – Режим доступа : http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/---ep14-09/1278-a. – Дата доступа : 22.10.2018.

3. Финансовые инструменты новой индустриализации в реалиях краудэкономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.usue.ru/nevidimaya/finansovye-instrumenty-novoj-industrializacii-v-realiyah-kraudekonomiki/. – Дата доступа : 02.10.2018.

4. Андерсен, Б. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования / Б. Андерсен ; Пер. с англ. С.В. Ариничева ; науч. ред. Ю.П. Адлер. – М. : РИА «Стандарты и качество». – 2003. – 272 с., илл. – (Серия «Практический менеджмент»).

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 30.01.2019

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (113), 2019

УДК 338.242

Дисфункции управления

В.С. Селицкий

Рассматриваются проблемы выявления и устранения дисфункций (отклонений) в управлении. Предлагается с этой целью ряд практических мер для использования в современных организациях.
Ключевые слова: управление, кризис, управленческая дисфункция, организационные и информационные патологии, преодоление дисфункций.

Problems of identification and elimination of dysfunctions (deviations) in management are considered. A number of practical measures for use in the modern organizations are proposed for this purpose.
Keywords: management, crisis, administrative dysfunction, organizational and information pathologies, overcoming dysfunctions.

С точки зрения современных синергетических воззрений любая система рано или поздно приходит к точке бифуркации, в которой она разрушается или выбирает новую траекторию существования. Это происходит тогда, когда организация игнорирует тенденции развития, изменения внешней среды, не обращает внимания на практику конкурентных лидеров, не выявляет внутренние застойные явления, т. е. находится в статическом состоянии. Промедление с переменами приводит систему к накоплению большого объема нерешенных вопросов и проблем, для решения которых требуются огромные ресурсы, значительное обновление персонала. В такой ситуации предприятие вынуждено сокращать производство продукции, численность работающих, сворачивать устоявшиеся связи и т. д. Стагнация – первый шаг к кризису и разрушению.

Все это происходило на многих отечественных предприятиях в 90-е гг. прошлого столетия. Например, на Гомельщине разрушился или находится в затяжном кризисе ряд высокотехнологичных производств радиоэлектроники, станкостроительной и машиностроительной отраслей. Такая же тенденция наблюдается в строительстве, особенно промышленном.

В новых условиях высший менеджмент предприятий оказался не состоятельным решать проблемы. Старые методы управления не давали положительного результата, а новые не были своевременно освоены.

Управленческое обеспечение перемен не могло дать ожидаемого результата вследствие следующих обстоятельств:

– масштаб изменений затронул в короткие сроки практически все функции предприятий и организаций, что вызвало их кризисное состояние;

– государство свернуло патерналистские и другие функции, что отрицательно повлияло на связи и взаимодействие в производственных, снабженческих и сбытовых цепочках, создало дефицит ресурсов;

– стабильные функции менеджмента оказались неэффективными и перестали давать необходимые результаты;

– руководители не обладали адекватными новой ситуации знаниями и информацией для принятия правильных, в т. ч. стратегических решений;

– не была создана новая нормативная база, на основе которой необходимо было принимать управленческие решения;

– начавшаяся приватизация осуществлялась в интересах отдельных групп, владеющих скрытой информацией, технологиями манипуляции, неравными возможностями и способностями в приобретении собственности.

Менеджмент в условиях кардинальных перемен перешел в режим стихийных импровизаций, что приводило к свертыванию производства, неплатежам, бартеру, коррупции и, в конечном итоге, кризису.

Внешнее перемены оказались настолько значительными, что действующие системы управления организациями оказались дисфункциональными, т. е. потеряли качество, перестали соответствовать реальному состоянию систем и не обеспечивали их адаптацию к новым условиям и тем более их развитие.

Под дисфункцией понимается нарушение, расстройство функций какого-либо органа, системы, экономического института [1]. Управленческая дисфункция в системе возникает при принятии неадекватных решений, что вызывает функциональные и другие рассогласования.

По нашему мнению недостаточное повседневное внимание к выявлению дисфункций управления и освоению технологий их преодоления чревато возникновением многих проблем, которые имеют негативные, в т. ч. кризисные последствия. Дисфункции могут носить объективный характер – когда они вызваны проявлением общих закономерностей и тенденций развития, например, внедрением масштабных инноваций, а также субъективными. Последние детерминированы человеческим фактором – управленческими патологиями в организациях, конфликтами, низкой солидарной культурой в достижении целей, доминированием частных интересов и т. п.

Термин «организационная патология» впервые применила польский профессор – социолог Я. Станикшис. В науке сложились два варианта использования этого понятия, как отклонение в организации от норм, и как недостижение организацией заданных целей [2].

Значительный вклад в исследование организационных патологий внес московский профессор А.И. Пригожин [3]. Он выделил две их разновидности: патологии в строении организаций и патологии при принятии управленческих решений. К первым относятся:

– господство структуры над функцией – стремление к расширению организации;

– бюрократия – недопущение колебаний в служебном поведении работников;

– бессубъектность – невозможность для принятия решений работниками;

– стагнация, как неспособность к изменениям на основе нововведений;

– неуправляемость – потеря функций управляющей подсистемой;

– конфликт в организации;

– использование руководителями или вышестоящими работниками ресурсов организации в собственных корыстных целях;

– несовместимость личности с функцией.

Ко вторым относятся:

– маятниковые решения – колебания типа «разделить – объединить», «централизовать – децентрализовать»;

– дублирование в приказах норм и положений, уже заложенных в инструкциях;

– игнорирование организационного порядка – нарушение связей и норм принятия решений;

– разрыв между решением и исполнением;

– демотивирующий стиль руководства – преобладание акцента на упущения работников над оценками их достижений;

– инверсия, когда результат управленческого воздействия оказывается противоположным его цели.

Имеются другие патологии, которые проявляются в организациях. Они в различной степени вызывают дисфункции управления, но почти всегда приводят к потерям и ущербу.

Управление – это деятельность по организации, поддержанию и развитию системы в соответствии с ее миссией и торможению регресса во всех его проявлениях. В настоящее время менеджменту повсеместно уделяется повышенное внимание, т. к. организациям, особенно в сфере экономики, приходится действовать в условиях переполненного товарами и услугам рынка, острой конкуренции, необходимости в постоянном внедрении инноваций, адаптации к быстро меняющимся внешним условиям и т. д. Многие процессы являются не только неожиданными, но и малоизученными. Подобной турбулентности, за исключением военных действий, история не знала. Это все актуализирует соответствующие научные исследования.

Одним из важных направлений таких исследований является оперативное изучение и анализ практик управления, как успешных, так и провальных. Именно в этом контексте необходимо рассматривать распространение дисфункции управления.

Многие деструктивные проблемы возникают из-за стиля управления и низкой культуры руководителей. Это приводит к неправильной дифференциации в коллективе, чинопочитанию, подмене ценностей, искажению в кадровой политике, несправедливым оценкам сотрудников, возникновению конфликтов и т. д.

Управление – весьма динамичная деятельность со многими неизвестными, требующая постоянного переключения с одной проблемы на другую. Такая многозадачность снижает эффективность руководителей и специалистов, т. к. отсутствует глубокая проработка вопросов, особенно стратегии.

На практике иногда наблюдается удивительное явление – руководители зачастую не управляют решением проблем, а как бы уходят от них, выполняют второстепенные функции, буквально лезут в мелкие вопросы и обязанности сотрудников, укорачивают цикл управления до контроля и оценки. Все это создает дисфункцию, которая преодолевается, как правило, заменой руководителя.

Из элементарных курсов психологии известно, что нельзя силой и давлением заставить человека творить что-то новое, т. е. быть креативным. Поэтому в современных преуспевающих компаниях идет сокращение дистанции между руководителями и рядовыми членами коллектива. Их называют не подчиненными, а сотрудниками, коллегами и товарищами по команде. Современные руководители с высокой культурой общения не «ломают» сотрудников под себя, а максимально раскрывают потенциал каждого.

Почти во всех организациях существуют информационные дисфункции, связанные с характером, источниками, передачей, хранением и использованием информации. Ее полнота, достоверность, объективность имеет ведущее значение не только в практике принятия решений, но и во всех функциях управления.

Отметим основные информационные дисфункции:

– неспособность системы управления в целом и ее специализированных звеньев получать и правильно интерпретировать нужную информацию;

– наличие большого массива шумов и второстепенных сообщений в информационных потоках;

– отсутствие у руководителей, среднего и низшего звена необходимой информации для принятия решений и эффективной деятельности;

– утечка закрытой служебной информации к конкурентам, отсутствие современных систем защиты информационных потоков;

– несоответствие содержания работы информационных подсистем и элементов задачам и целям организации;

– отсутствие надежных технологий проверки информации на достоверность и объективность.

Одну из серьезных дисфункций создают искусственные «локальные элиты» в организациях. Они формируются приближенными к руководителям работниками. Такая «элита» создает себе благоприятные условия, отличные от коллектива, воздвигает барьеры для общения руководителей с рядовыми работниками. Кроме этого «локальная элита» любит узкие, закрытые совещания, дозирование информации, придумывание легенд прикрытия для неблаговидных поступков своих приближенных.

Руководителями организаций часто манипулируют сотрудники, дозируя и искажая информацию в соответствии со своими интересами. «Управлением снизу» занимаются подчиненные, которые имеют беспрепятственные контакты с руководителями и возможности для доверительного и заинтересованного неформального диалога с ними. Таким способом приобретается псевдоавторитет, навязываются свои взгляды, сводятся счеты с неугодными, придумываются лжесценарии, решаются вопросы негативного плана.

В организациях распространилась практика доминирования второстепенных структурных элементов над основными, обеспечивающими достижение целей организации. Это проявляется в процедурах излишнего согласования, бумаготворчества, регламентации основной деятельности, установления высокозатратных обязательных процедур, блокирующих креативное поведение сотрудников и т. д. Подобные функции чаще всего присваивают себе по-

мощники и секретари руководителей, бухгалтерии, канцелярии, административно-хозяйственные подразделения и т. д. Освоившись на мелких, часто технических должностях «помощники» начинают дублировать функции руководителей, давать оценки и характеристики даже должностным лицам, подрывая их авторитет или наоборот, преувеличивая значение. Все зависит от личного интереса. Эта дисфункция может квалифицироваться как незаконное присвоение отдельными работниками полномочий и компетенций, не предусмотренными нормативными документами.

На таком фоне активно появляется и расширяется нелояльность сотрудников по отношению к руководителям и своей организации со всеми вытекающими отсюда последствиями – распусканием слухов, распространением отрицательных оценок, сокращением полезных идей, непроявлением инициативы и т. д.

Руководители, особенно вышедшие из примитивной и ущербной среды, часто копируют отрицательный опыт предшественников, добавляя к нему собственные недостатки и дефекты, проявляют грубость, любят публично наказывать, изображают из себя всезнаек, унижают подчиненных, отдают предпочтение только двум основным функциям управления – контролю и наказаниям. У нас еще немало руководителей, создающих комфорт для себя, а не для сотрудников. Все это демотивирует персонал и давно отвергнуто всеми крупными авторитетными менеджерами. Компетенция прошлого без перманентного пополнения актуальными знаниями является одной из патологий управления.

Общепризнанным является необходимость владения сотрудниками профессионализмом. По устоявшейся привычке в отсутствии последнего упрекают выпускников учебных заведений. Бесцеремонность и насмешки в оценках подрывают уверенность молодых сотрудников в себе. А ведь даже небольшие угрозы тормозят рациональную систему мозга и снижают творческую активность человека [4].

Парадокс состоит в том, что именно молодые, обучаясь по современным программам и получая новые знания, лучше подготовлены к деятельности в условиях международной конкуренции и динамичной среды. «Опытные» работники, получившие образование десятки лет назад и застывшие в развитии не знают современной терминологии, не говоря уже о технологиях решения проблем, мотивации персонала, инновационной деятельности и т. д. Поэтому на практике специалисты с новыми знаниями и попадают в старую атмосферу с отсталой культурой взаимодействия, где им навешивают соответствующие ярлыки и оценки. А ведь в этом отражается крупнейший недостаток организации в целом и ее кадровой службы в частности – отсутствие технологий адаптации и дообучения молодых специалистов в конкретных условиях.

Сегодня все больше укрепляется мнение, что необходимо целенаправленно искать новых сотрудников, соответствующим целям и функциям организации. При этом брать людей с хорошим характером, тех, кто может работать в команде, быть креативным. Это можно успешно реализовать через устранение дисфункций в кадровых службах, которые больше всех отстали от современных технологий и практик.

Подводя итог изложенному, нужно сделать акцент на острой потребности в преодолении имеющихся дисфункций управления. Для этого необходимо:

– выявлять и оценивать как большие, так и мелкие дисфункции в организации, не забывая о том, что даже внешне малые воздействия могут привести систему к кризису и разрушению;

– создать современную информационную систему, обеспечивающую менеджмент достоверной внутренней и внешней информацией;

– осуществлять постоянный мониторинг систем управления, в т. ч. через своеобразный внешний и внутренний экспертный аудит с целью выявления дисфункций и их носителей;

– принимать меры по изменению структуры управления, функций подразделений и отдельных сотрудников в соответствии с актуальными проблемами и новыми задачами;

– не увеличивать число звеньев в структуре, а убирать лишние, создающие очаги бюрократизма – превышение полномочий, чрезмерный культ и детализацию процедур, введение отчетности и дополнительного контроля, дублирование функций, создание необоснованных искусственных барьеров и т. д.;

– осуществлять целевой поиск и найм сотрудников в соответствии с содержанием решаемых проблем, а также их адаптацию, обучение и переподготовку, это должно стать основной задачей кадровых служб организаций;

– учитывая значительные изменения в воспитании и поведении молодого поколения, так называемых «миллениалов», внедрять новые технологии мотивации и воздействия на специалистов – выпускников ВУЗов;

– создавать локальные виртуальные сети для общения и обсуждения проблем;

– объявлять конкурсы передовых идей, где могут проявить себя молодые специалисты;

– внедрить систему современных нематериальных мотиваций, что особенно ценит молодежь;

– организовывать регулярные проблемные встречи – дискуссии с руководителями и ведущими специалистами;

– для выявления проблем, дисфункций и потребностей сотрудников проводить внутренние опросы через компьютерную сеть;

– поощрять дискуссионные встречи сотрудников, имеющих различные взгляды на решение проблем;

– отдавать предпочтение в общении не критике, а поиску точек сотрудничества.

В заключение отметим, что дисфункции управления являются серьезным фактором торможения прогресса в организации, который пока недостаточно воспринимается и изучается в отечественном менеджменте.

Литература

1. Сухарев, О.С. Теория дисфункции экономических систем и институтов / О.С. Сухарев. – М. : Ленанд, 2014. – 144 с.

2. Организационные патологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pavlovk.livejournal.com/1246.html/. – Дата доступа : 29.01.2019.

3. Пригожин, А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление / А.И. Пригожин. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 402 с.

4. Законы мозга: как стиль руководства влияет на работу команды [Электронный ресурс]. – Режим доступа : vestnikmckinsey.ru/. – Дата доступа : 24.01.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.01.2019

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова.* Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 03.04.2019. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 15,19. Тираж 100 экз. Заказ № 219.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.